ТЕОРІЯ
КОЛЕБАНІЯ ЦѢНЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ,

УДОСТОЕННОЕ СОВѢТОМЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЪ ДЕКАБРѢ 1866 ГОДА ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ,

Г. Кауфмана.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.

1867.

Пров 38

Напечатано по опредѣленію Совѣта Харьковскаго Университета.
Ректоръ *В. Кочетовъ.*

Отдѣльные оттиски изъ «Протоколовъ засѣданій Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета» 1867 года.

Genaugenommen bildet die Preisbestimmung der Güter den Punct, auf welchem das Varständniss aller Erscheinungen der Production und Consumtion wesentlich beruht, und es scheint gerade die Lehre vom Preis zu sein, in welcher eine consequente Darstellung der ökonomischen Vorgänge ihre Spitze und ihren eigenthümlichen Ausdruck suchen muss.

Helferich «Von den periodischen Schwankungen im Werth der edlen Metalle» etc. 1843. (Vorrede).

Im Preise gelangt das sociale wirthschaftliche Zweckbewusstsein zu seinem allgemeinem verständlichen und das ökonomische Handeln der Gesellschaft immer wieder regulirenden Ausdruck; je correcter daher und ungehinderter die Preisbildung ist, desto bewusster und rationneller geht alles volkswirthschaftliche Handel vor sich. Der Preis ist der Regulator für das meiste Thun und Lassen des volkswirthschaftlichen Lebens der Gesellschaft.

Schäffle «Preise» въ Deutsche. St.-W. von Bluntschli und Brater.

ТЕОРІЯ КОЛЕБАНІЯ ЦѢНЪ.

—

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Практическое и теоретическое значеніе колебанія цѣнъ.

Значеніе, которое имѣетъ цѣна для хозяйства отдѣльнаго лица и общества, до-того велико, что мы на немъ прежде всего остановимся; это тѣмъ болѣе необходимо, что такимъ путемъ мы можемъ получить нѣкоторыя указанія и на то, какъ должно быть поведено изслѣдованіе нашего предмета. Ибо очевидно, что коль скоро мы знаемъ, въ чемъ состоитъ сущность изслѣдуемаго явленія, какое его вліяніе, откуда оно беретъ это вліяніе и на-сколько это велико вліяніе, — мы вмѣстѣ знаемъ и на что главнымъ образомъ должно быть направлено наше наибольшее вниманіе.

Цѣна есть такое хозяйственное явленіе, съ которымъ приходится сталкиваться всѣмъ и каждому, и притомъ это столкновеніе не такого рода, чтобы оно могло пройдти незамѣченнымъ. Изъ всѣхъ тѣхъ явленій, изслѣдованіемъ которыхъ занимается экономическая наука, цѣна имѣетъ больше всего практическихъ послѣдствій, видимыхъ и осязательныхъ для каждаго.

Каждый человѣкъ старается тѣмъ или другимъ путемъ удовлетворить своимъ потребностямъ, но въ этомъ стремленіи онъ

постоянно принуждент находиться въ зависимости отъ другихъ. Каждый отдѣльный человѣкъ затрачиваетъ свою дѣятельность такъ, что онъ самъ производитъ для себя не все, что ему нужно. Каждый отдѣльный человѣкъ производитъ или владѣетъ только частью того, въ чемъ онъ нуждается, только извѣстнаго рода благами. Практика даже намъ показываетъ, что иногда человѣкъ производитъ или владѣетъ такими благами, которыя для него лично не имѣютъ значенія. Примѣръ такого производителя представляетъ рабочій, приготовляющій хирургическіе, астрономическіе и вообще всякіе инструменты; а въ примѣръ владѣтелей продуктовъ, которыми они сами не пользуются, можно привести всѣхъ оптовыхъ торговцевъ.

Можно было бы указать много примѣровъ, которые показываютъ, въ какой зависимости отдѣльный человѣкъ находится отъ другихъ. Эта взаимная зависимость людей другъ отъ друга устраняется обмѣномъ, сущность котораго заключается въ томъ, что каждая изъ обмѣнивающихся сторонъ отдаетъ то, чего ей не нужно, и получаетъ обратно сумму благъ, годныхъ на удовлетвореніе ея потребностей. Эта-то сумма благъ, обратно получаемая каждою изъ обмѣнивающихся сторонъ, и составляетъ цѣну ея собственныхъ, въ обмѣнъ отданныхъ, благъ. Если мы говоримъ, что отдѣльный человѣкъ находится въ зависимости отъ обмѣна, то это другими словами означаетъ, что онъ находится въ зависимости отъ цѣны; а если такъ, то понятно, что значеніе ея для человѣка должно быть очень велико. Вся жизнь человѣка прежде всего обусловливается тѣмъ, какъ онъ удовлетворяетъ своимъ потребностямъ; въ удовлетвореніи же потребностей онъ весь находится въ зависимости отъ цѣнъ. Вопросъ о томъ, получитъ ли онъ чрезъ обмѣнъ большую, или меньшую сумму благъ, иначе: будетъ ли цѣна его собственныхъ благъ выше или ниже — становится для него первостепенно важнымъ. — Всякій знаетъ, какое громадное вліяніе на судьбу человѣка имѣ-

етъ хозяйственная обстановка, которая его окружаетъ. Много говорили о томъ, какъ эта обстановка вліяетъ на различныя стороны человѣческаго быта вообще, какъ ею почти главнымъ образомъ обусловливается политическое, юридическое и даже нравственное положеніе лица. А между тѣмъ вся эта обстановка лица находится въ тѣсной зависимости отъ высоты цѣны того, что имъ отдается въ обмѣнъ. Масса хорошо понимаетъ это, и обыденная разговорная рѣчь вѣрно говоритъ, что *хорошо живется тому, кого оцѣнили.* О даровитомъ человѣкѣ, которому не удалось при жизни воспользоваться своими способностями и силами для того, чтобъ устроиться хорошо, говорятъ, что это было такъ потому, что его *не оцѣнили.* Не меньше вліянія на хозяйственную обстановку имѣетъ большее, или меньшее постоянство цѣны, ибо ею обусловливается постоянство благосостоянія отдѣльнаго лица и обществъ. Сущность хозяйственности—даже въ самомъ обыденномъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимается на практикѣ — заключается въ умѣніи соображать, приводить въ соразмѣрность доходы съ расходами, предварительными разсчетами устанавливать порядокъ въ хозяйствѣ; въ *предусмотрительности*—сущность хозяйственности. Но главное условіе, безъ котораго предусмотрительность немыслима, заключается въ томъ, чтобъ предусматривающее лицо имѣло точныя свѣдѣнія о своихъ доходахъ. Всякое обстоятельство, мѣшающее человѣку точно знать свои доходы, враждебно хозяйственности и стремится ее уничтожить.

Если словомъ «цѣна» мы только на техническомъ языкѣ выражаемъ понятіе о доходѣ, служащемъ основой всякому хозяйству, то понятно, что постоянствомъ цѣны будетъ обусловливаться возможность существованія предусмотрительности и хозяйственности. Шаткость цѣны, ея колебаніе будетъ означать шаткость и колебаніе самой основы хозяйства. Эта шаткость имѣетъ двойное выраженіе: въ величинѣ дохода, перемѣняющейся

съ каждымъ колебаніемъ — шаткость во внѣшнемъ, матеріальномъ основаніи хозяйства; въ меньшей предусмотрительности, которой противодѣйствуетъ перемѣнчивость въ доходахъ, — шаткость во внутреннемъ, духовномъ основаніи хозяйства.

Цѣна, какъ будетъ подробно показано ниже, есть одна изъ формъ, въ которыя отливаются хозяйственныя отношенія людей въ извѣстный періодъ развитія экономическаго быта. Ясное дѣло, что въ такомъ случаѣ мы замѣтимъ слѣды ея на всемъ, что характеризуетъ эту эпоху, начиная отъ главнаго и кончая маловажнымъ. «Собственность, основа всего, реализуется чрезъ посредство цѣны»[1]. Но если правда, что собственность есть главный моментъ въ хозяйственной обстановкѣ лица, то въ такомъ случаѣ и хозяйственное движеніе различныхъ классовъ общества есть послѣдствіе движенія, или колебанія цѣны. — Всякій періодъ хозяйственнаго быта характеризуется тѣмъ, что въ немъ выдвигается на первый планъ какой-либо истинный или ложный производственный факторъ. Это обусловливается тѣмъ, что хозяйственное сознаніе человѣка развивается, или до сихъ поръ развивалось по-крайней мѣрѣ, — медленно, ощупью. Знаніе не предшествовало практикѣ; эта послѣдняя всегда руководствовалась грубымъ эмпиризмомъ. А въ подобныхъ случаяхъ всегда бываетъ, что новое обстоятельство, обратившее на себя вниманіе, вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ на себя исключительное вниманіе. Достаточно вспомнить кольбертизмъ, реакцію противъ него, меркантилизмъ, физіократизмъ и т. п. факты изъ исторіи хозяйственнаго быта и развитія хозяйственныхъ идей, чтобъ согласиться съ тѣмъ, что хозяйственный бытъ, развивающійся рука объ руку съ хозяйственнымъ сознаніемъ, въ каждый данный періодъ представляетъ намъ господство какого-либо хозяйственнаго фактора, — точно такъ, какъ въ каждый пері-

[1] *Friedländer*, Theorie des Werthes. Dorpat. 1852. S. 58.

одъ исторіи развитія хозяйственныхъ идей мы замѣчаемъ исключительное господство одной какой-либо идеи.

Но коль скоро это правда, то понятно, что факторъ, въ данное время господствующій, будетъ имѣть всего болѣе цѣны, и когда онъ потеряетъ значеніе — это произойдетъ отъ того, что цѣна его уменьшилась. На этомъ основаніи я сказалъ выше, что вся исторія хозяйственнаго значенія и движенія различныхъ классовъ общества въ концѣ концовъ можетъ быть сведена на колебаніе цѣнъ, какъ на ту внѣшнюю форму, въ которую облекаются хозяйственныя причины, производящія это движеніе.

Исторія представляетъ намъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ общемъ широкомъ вліяніи колебанія цѣнъ. Вспомнимъ хоть послѣдствія великой революціи цѣнъ XVI вѣка. По мнѣнію Рошера [1] потрясавшее міръ могущество Испаніи существенно обусловливалось золотыми и серебряными рудниками. Въ XIX столѣтіи не безъ значенія то обстоятельство, что Сибирь, Калифорнія и Австралія принадлежатъ Россіи и колонизующимъ британскимъ народамъ. Большой притокъ драгоцѣнныхъ металловъ, производящій сильныя колебанія въ цѣнахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ перевороту въ распредѣленіи имуществъ [2] между различными классами, что въ свою очередь производитъ важныя перемѣны. «Въ XVI столѣтіи только церковь, корона и относительно небольшое число офицеровъ, чиновниковъ и солдатъ завладѣли испанскою Америкой, а какъ много черезъ это усилилась неограниченная монархія въ Испаніи!» [3]. Англійскіе фермеры, которые уже въ XVI столѣтіи заключали контракты часто на долгіе сроки, получали вслѣдствіе перево-

[1] *Roscher*, System der Volkswirthschaft. Bd. I. S. 286 (§ 140).

[2] *Schaffle*, Die Nationalöconomie. 1861. S. 114—115 (§ 75). *Knies*, Die Geldentwerthung etc. въ Zeitschrift fur die gesammte Staatswissenschaft. Bd. XIY. S. 285.

[3] *Roscher*, тамъ-же.

рота въ цѣнахъ значительный общественный и политическій переворотъ, а это было не безъ значенія для политической борьбы XVII столѣтія [1]. Побѣда англійскаго парламента надъ неограниченною королевскою властью существенно обусловлена была тѣмъ, что правительство, не смотря на свою бережливость, постоянно было въ затрудненіяхъ, вслѣдствіе безпрестанно возраставшаго обезцѣненія денегъ. «Какъ много земскихъ чиновъ на материкѣ Европы потеряло всякую энергію во время переворота въ цѣнахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ!» [2].

Исторія колебаній цѣнъ на хлѣбъ и ихъ послѣдствій представляетъ намъ не мало подобныхъ-же фактовъ. Великія революціи, говоритъ Рошеръ, [3] вообще были подготовляемы дороговизной. Такъ на-примѣръ неурожаи, предшествовавшіе 1095 году, во всей западной Европѣ и даже во Франціи сильно содѣйствовали тому одушевленію, которое производили крестовые походы. Большое возстаніе бароновъ, такъ богатое послѣдствіями въ исторіи англійской конституціи, по мнѣнію Лингарда, очевидно было ускорено дороговизной въ 1257 и 1258 годахъ. Такъ, въ Россіи многіе неурожаи въ началѣ XVII столѣтія, которые народъ считалъ карою Божіей на царя, окончились потрясеніемъ царствованія Бориса Годунова и содѣйствовали происканъ Дмитрія Самозванца. Въ Германіи дороговизна въ продолженіи десяти лѣтъ съ 1525 года совпадаетъ съ крестьянскими войнами [4]. Въ Англіи цѣна квартера пшеницы съ 1626 по 1645 годъ была только 39 шил. 10 пенсовъ. Въ 1646 году — 48 шил., 1647 г. — 73 шил. 8 пенс., 1648 г. — 85 шил.,

[1] *Roscher*, тамъ-же, примѣчаніе 3-е.

[2] *Roscher*, тамъ-же, примѣч. 11-е.

[3] *Рошеръ*, «Хлѣбная торговля и мѣры противъ дороговизны». Пер. А. Корсакъ. Казань. 1857. Стр. 60—61; еще *Roscher*, System. Bd. II S. 439 (§ 153, пр. 11).

[4] *Roscher*, System etc. Bd. II, S. 435 (§ 152, пр. 1-е).

1649—80 шил., 1650—76 шил. 7 пенс.;—а намъ извѣстны политическіе перевороты, произшедшіе въ эти годы. Изъ позднѣйшей исторіи Англіи вспомнимъ безпокойное время съ 1765 года по 1775 годъ, когда политическое броженіе окончилось независимостью Соединенныхъ Штатовъ. Во Франціи 1788—89 годовъ было трудное, голодное время (въ 1789 г. недостатокъ хлѣба равнялся пятидесяти-дневному пропитанію) [1]. «Неурожаи, заключаетъ Рошеръ, могутъ быть благопріятны для самыхъ разнообразныхъ переворотовъ: они могутъ потрясти все существующее».

Если послѣднее заключеніе Рошера и подтверждается вышеприведенными историческими фактами, то значитъ вѣрно и сказанное выше о значеніи, которое имѣетъ колебаніе цѣнъ не только для хозяйственнаго быта въ частности, но и для всего человѣческаго быта вообще. Но еще болѣе убѣдительныя доказательства для этого представляетъ намъ статистика. Колебаніе цѣнъ, производя измѣненія въ распредѣленіи имуществъ, видоизмѣняя такимъ образомъ хозяйственную обстановку, въ которую человѣкъ поставленъ, чрезъ то оказываетъ значительное вліяніе на движеніе народонаселенія, его нравственность и здоровье.

Факты, представляемые статистикой въ подтвержденіе этого, до-того убѣдительны, что положеніе, по которому рождаемость, смертность, нравственность и здоровье людей находятся въ тѣснѣйшей причинной связи съ колебаніемъ цѣнъ, можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе и наилучше доказанныхъ.

Эпохи, въ которыя колебаніе цѣнъ обнаруживается съ необыкновенною силой, извѣстны подъ именемъ торговыхъ кризисовъ. Каждый такой кризисъ отражается, какъ въ зеркалѣ, въ данныхъ статистическихъ о народонаселеніи. Для доказательства этого мы приведемъ статистическія данныя годовъ, въ которые

[1] *Roscher*, тамъ-же, пр. 7-е.

случились замѣчательнѣйшіе кризисы. — Примѣръ, разсказываетъ Ваппеусъ [1], вліянія, которое можетъ оказать разстройство въ торговыхъ отношеніяхъ на цифру смертности, представляетъ намъ Амстердамъ во время торговаго кризиса конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія. Пропорція смертности была здѣсь въ періодъ 1785—1814 г. среднимъ числомъ 1 : 23, тогда какъ послѣ заключенія мира, въ 1816—36 г. пропорція упала до 1 : 27. Подобное же было и въ Гамбургѣ, гдѣ въ 1785 — 1812 гг. на 100 рожденій приходилось 105,21 смертныхъ случаевъ, а съ 1815—16 г. только 97,38.

Континентальная система, закрывшая для Англіи всѣ замѣчательнѣйшіе рынки, на которыхъ она сбывала свои продукты, была причиной того, что англичане начали искать новыхъ мѣстъ для сбыта. Такимъ мѣстомъ оказалась южная Америка. Не удивительно, если новый рынокъ, котораго потребности, равно и размѣръ ихъ, еще мало были извѣстны, возбудили необузданную спекуляцію (какъ извѣстно, дѣло доходило до-того, что въ южную Америку были посланы цѣлые транспорты теплыхъ одѣялъ и коньковъ). Это было въ 1808 году [2]. Но неменѣе замѣчательны спекуляціи 1809—11 годовъ, побудительною причиной которыхъ были тѣ-же препятствія англійской торговлѣ [3]. Наконецъ отступленіе французовъ изъ Москвы и надежда на открытіе новыхъ рынковъ въ Европѣ были причиной того, что въ 1813 г. спекуляціонный духъ пробудился съ новою силой [4]. «Періодъ 1809—13 гг. имѣетъ весьма важное значеніе въ торговой исторіи Англіи, говоритъ Тукъ; въ этотъ періодъ произошли боль-

---

[1] *Wappäus*, Allgemeine Bevölkerungsstatistik. Bd. I.

[2] *Tooke und Newmarch*, Geschichte der Preise. Ueb. von Ascher. 2 Ausg. 1862. Bd. I. S. 130.

[3] Ibid. S. 139.

[4] Ibid. S. 158.

шія перемѣны въ главныхъ путяхъ внѣшней торговли Англіи и значительнѣйшія перемѣны въ распредѣленіи имуществъ, нежели въ какой-либо другой равный по времени періодъ»[1].

Обращаясь къ статистикѣ народонаселенія, мы замѣчаемъ въ числѣ рожденій за эти годы въ Англіи дефицитъ. Въ десятилѣтіе отъ 1803 до 1813 года среднее число рожденій составляетъ 317.698; въ пятилѣтіе 1809—13 г. среднее число рожденій составляетъ 311.177.[2]

Такой-же дефицитъ мы замѣчаемъ и въ числѣ браковъ. Среднее число браковъ въ десятилѣтіе 1807—16 г. было 87.091, въ десятилѣтіе 1809—18 г.—89.276, въ пятилѣтіе 1814—18 г. 94.121. Въ пятилѣтіе же, о которомъ идетъ рѣчь, 1809—13 г., на каждый годъ среднимъ числомъ приходится только 84.031 бракъ[3].

До сихъ поръ мы встрѣчались съ дефицитами; теперь будемъ имѣть дѣло съ излишками. Такъ, въ то время, какъ на каждое изъ четырехъ лѣтъ, предшествующихъ занимающему насъ пятилѣтію, приходится среднимъ числомъ по 2.648 осужденныхъ, на каждый годъ этого пятилѣтія среднимъ числомъ по 3.559 осужденныхъ[4].

Тукъ приводитъ еще слѣдующія данныя о числѣ банкротствъ[5].

Въ 1804 г.	60.
— 1805 —	87.
— 1806 —	65.
— 1807 —	94.
— 1808 —	100.

---

[1] Ibid. S. 136.

[2] *Porter*, Progress of the nation etc. 1851, p. 32.

[3] Ibid.

[4] Ibid., id. p. 635.

[5] *Tooke et Newmarch*, Geschichte der Preise. Bd. I. S. 142.

Въ 1809 г. . . . . 130.
— 1810 — . . . . . 273.

Парижскій миръ, разрушившій препятствія, мѣшавшія англійской торговлѣ, измѣнилъ всѣ отношенія, господствовавшія до тѣхъ поръ. Громадное развитіе промышленныхъ силъ, машины, производство въ большомъ размѣрѣ и т. п. обстоятельства дали возможность Англіи завоевать важнѣйшіе внѣ-европейскіе и даже, не смотря на всѣ старанія Наполеона, нѣкоторые европейскіе [1] рынки помощью самаго пригоднаго для этого орудія — низкой цѣны. «Когда уничтоженіе могущества Наполеона, разсказываетъ миссъ Мартино, открыло европейскія гавани для англійскихъ судовъ, когда потребленіе части продуктовъ отпуска перестало уже быть въ зависимости отъ контрабандной торговли, — всѣ думали, что спросъ на британскіе товары и колоніальные продукты будетъ безграниченъ. Если въ то время, когда имѣли силу вредные англійской торговлѣ декреты Наполеона, цѣнность грузовъ, отправляемыхъ въ европейскія гавани, простиралась до 12 милліоновъ, то почему ей было не удвоиться въ 1814 г.? И она, дѣйствительно, удвоилась. Обычный ходъ торговли былъ забытъ, и какъ значительные капиталисты, такъ и умѣренные, изъ Лондона и менѣе важныхъ гаваней, прилежно вывозили продукты мануфактуръ, надѣясь на большія прибыли» [2]. Начались обширнѣйшія спекуляціи, которыя окончились кризисомъ.

Результатомъ этого кризиса было то, что въ 1816 году число рожденій упало съ 344.931 (въ 1815 г.) на 330.199; число браковъ—съ 99.944 на 91.946; число смертныхъ случаевъ увеличилось съ 197.408 до 205.959; число осужденныхъ — съ 4.883 до 5.797. [3]

[1] Ibid. p. 139; *M. Wirth*, Geschichte der Handelskrisen. S. 153.
[2] *Max Wirth*, Geschichte der Handelskrisen. 1858. S. 158—9.
[3] *Porter*, Progress of the nation, pp. 32 et 635.

Затѣмъ замѣчательнѣйшіе по размѣру кризисы въ Англіи произошли въ декабрѣ 1825 г. и весною 1826 года, въ началѣ 1837 г., весною 1839 г., въ 1847 и 1857 годахъ.

Слѣдующая таблица доказываетъ связь, о которой мы до сихъ поръ говорили:

Годы.	Число рожденій.	Число браковъ.	Число смертныхъ случаевъ.	Число осужденныхъ.
1824	—	104.723	—	—
1825	375.053	110.428	255.018	9.964.
1826	318.413	104.941	268.161	11.107.
1845	—	143.743	—	—
1846	572.625	145.664	390.315	18.344.
1847	539.965	135.845	423.304	21.542. [1]
1855	657.000	—	152.113	—
1856	—	390.506	159.337	
1857	663.071	419.815	159.097. [2]	
1858	—	—	—	

Таблица эта показываетъ, что число браковъ въ годъ кризиса или за годъ до того (смотря по тому, въ какую часть года совершается кризисъ) достигаетъ maximum'а, постоянно увеличиваясь, и потомъ вдругъ падаетъ [3]. Увеличеніе числа браковъ во время, предшествующее кризису, понятно: всѣ въ надеждѣ большихъ барышей. Въ подобныя времена рабочимъ даже удается улучшить свое положеніе: увеличивающійся спросъ на

---

[1] *Porter*, id.

[2] *Кольбъ*, Сравнительная статистика. Пер. Корсака. Спб. 1862. Т. I, стр. 3.

[3] *Schäffle*, Zur Lehre von den Handelskrisen. Zeitschr. für gesam. St.-W. Bd. XIV, S. 427.

трудъ даетъ имъ возможность отстоять требуемое возвышеніе рабочей платы. Такъ, Тукъ разсказываетъ, что во время спекуляцій 1814 года рабочіе добились требуемаго ими возвышенія платы [1]. Сообразно съ этимъ и число рожденій уменьшается или въ годъ кризиса или въ слѣдующій за нимъ годъ; съ числомъ смертныхъ случаевъ и осужденныхъ происходитъ противуположное.—Что касается до кризисовъ 30-хъ годовъ, то они не нашли мѣста въ нашей таблицѣ, потому что они отличались болѣе или менѣе мѣстнымъ характеромъ и для нихъ нужно было бы имѣть болѣе подробныя данныя. Мы приведемъ однако то, что мы находимъ по этому вопросу у Ваппеуса. «Въ какой степени, говоритъ этотъ писатель [2], матеріальное положеніе вліяетъ на цифру смертности, — ясно изъ наблюденія надъ большими фабричными и торговыми городами, гдѣ большинство массъ народонаселенія находится въ полнѣйшей зависимости отъ минутнаго состоянія промышленности. Такъ, отношеніе смертности въ настоящемъ столѣтіи значительно поправилось въ главнѣйшихъ фабричныхъ округахъ Англіи, хотя народонаселеніе тамъ значительно увеличилось. Въ Манчестерѣ и Сальфордѣ (два главныхъ фабричныхъ мѣста Англіи) увеличеніе это въ 30 лѣтъ, 1801—1831 г., равнялось 150%. Смертность въ этихъ мѣстахъ въ срединѣ прошлаго столѣтія равнялась 1 на 25, въ 1770 году 1 на 28; въ 1821—31 г., когда народонаселеніе сильнѣе всего размножалось, оно уже равнялось только 1 на 49. Въ это время развивающаяся промышленность распространила извѣстное благосостояніе между всѣми классами. За-тѣмъ настали сильные торговые кризисы, остановка производства; благосостояніе рабочихъ классовъ понизилось быстро, и непосредственно за-тѣмъ возвысилась смертность въ этихъ городахъ. Въ годы 1837—40, на

[1] *Tooke et Newmarch*, l. c. I, 174.

[2] *Wappäus*, Allgemeine Bevölkerungsstatistik. Bd. I. S. 197—8.

которые падаетъ вліяніе американскихъ банкротствъ, она была въ Манчестерѣ среднимъ числомъ 1 на 28, въ Сальфордѣ 1 на 30; между тѣмъ въ то-же время въ Лондонѣ, гдѣ народонаселеніе не такъ сильно подверглось вліянію остановки въ промышленности, смертность равнялась 1 на 37½».

Къ такимъ-же результатамъ мы приходимъ, изучая факты, представляемые статистикой Франціи. Считаю однако излишнимъ приводить ихъ здѣсь [1], и потому перейду ко второму доказательству того, какое вліяніе колебаніе цѣнъ оказываетъ на движеніе и данное состояніе народонаселенія.

Доказательство это заключается въ тѣсной связи, которую мы замѣчаемъ между цѣною на хлѣбъ и благосостояніемъ людей. Всякое колебаніе цѣны на хлѣбъ тотчасъ-же отражается и на этомъ благосостояніи.

Высокая цѣна на хлѣбъ, какъ показалъ опытъ, всегда находится въ связи съ торговымъ кризисомъ [2] и, подобно послѣднему, она производитъ перемѣны въ распредѣленіи имуществъ [3], чѣмъ и объясняется ея вліяніе на благосостояніе людей.

Статистиками давно уже замѣчено вліяніе колебанія цѣнъ на хлѣбъ на число ежегодно заключаемыхъ браковъ. Кетле [4] приводитъ таблицу для 1815—26 г.; изъ нея мы извлечемъ слѣдующія данныя. Среднее число ежегодно заключавшихся, въ теченіи этого періода, браковъ равняется 47.387, средняя цѣна хлѣба въ этотъ періодъ 4,48. Въ 1816 году цѣна хлѣба возвысилась до 9,56, число браковъ упало на 40.801; въ 1817 г.

---

[1] *Cl. Juglar*, Des crises commerciales etc. въ Annuaire d'écon. pol. et de stat. pr. 1856. p. 556—8; *Schäffle*, Zur Lehre von den Handelscrisen, l. c. S. 453—5; *его-же*, Die Nationaloekonomie. S. 296—7.

[2] *Roscher*, Pathologie und Therapie der Korntheurungen. Deutsche Viertejsahrschrift, XXXVIII. S. 246; *Juglar*, l. c. p. 578.

[3] *Roscher*, l. c. S. 246.

[4] *Quetelet*, Sur l'homme etc. T. I, p. 94.

цѣна равнялась 6,79, число браковъ равнялось 33.881. Наоборотъ, въ 1822 г. цѣна была 3,30, число браковъ 46.949; въ 1825 г. цѣна была 3,12, число браковъ 47.097.

Въ Англіи цѣна хлѣба въ 1794 году была 54 шил., число браковъ 71.797; въ 1795 г. цѣна возвысилась до 81 шил. 6 пен., число браковъ понизилось до 68.839; въ 1799 году цѣна была 75 шил. 8 п., число браковъ 77.557, въ 1800 г. цѣна —127 шил., число браковъ—69.851[1]. Въ 1802 году цѣна упала съ 128 шил. на 67 шил., число браковъ возвысилось съ 67.288 до 90.396; въ 1812 г. цѣна возвысилась съ 104 шил. до 136 шил., число браковъ упало съ 86.389 до 82.066.—Въ 1815 году цѣна была 76 шил., въ 1816—17 гг. среднимъ числомъ 99; число браковъ упало съ 99.944 въ 1815 г. на 90.090 въ 1816—17 гг. (среднимъ числомъ)[2].

Во Франціи цѣна хлѣба въ 1808 году была 16 франк. 54 сант., число браковъ—220.933, въ 1809 году цѣна упала до 14 фр. 86 сант., число браковъ увеличилось до 267.964; въ слѣдующемъ, 1810 году, цѣна возвысилась опять до 19 фр. 61 сант., число браковъ упало до 232.943, въ 1811 г. цѣна поднялась еще больше, достигнувъ высоты 26 фр. 13 сант., число браковъ еще болѣе упало, именно до 20.371. — Въ 1816 г. цѣна хлѣба была 28 фр. 31 сант., число браковъ равнялось 249.247; въ 1817 г. цѣна поднялась до 36 фр. 16 сант., число браковъ уменьшилось до 205.877.[3]

Горнъ[4] составилъ слѣдующую таблицу, изъ которой ясно видно вліяніе, оказанное высокою цѣной хлѣба въ 1847 году на

---

[1] *Porter*, Progress of the nation, p. 440, и *Tooke et Newmarch*, Geschichte der Preise. I. 799

[2] *Porter*, тамъ-же; *Tooke et Newmarch*, тамъ-же.

[3] *Bloch*, Statistique de la France. T. I, p. 58, и *Soetbeer*, Beiträge zur Statistik der Preise. Taf. II.

[4] *Horn*, Bevölkerungswissenschaftliche Studien aus Belgien. B.I. I. 167.

Число браковъ, заключенныхъ въ этомъ году въ различныхъ странахъ Европы.

Годы.	Саксонія.		Англія.		Голландія.[1]	Бельгія.		Франція.	
	Число браковъ.	Цѣна хлѣба.	Число браковъ.	Цѣна хлѣба.	Число браковъ.	Число браковъ.	Цѣна хлѣба.	Число браковъ.	Цѣна хлѣба.[2]
1841	14 778.	4, 4 фр.	122.496.	64 ш. 4 п.	21.727.	29.876.	19,18 фр.	283.902.	18,54 фр.
1842	15.428.	4,26 —	118.825.	57 « 3 «	21.064.	29.023.	21,75 —	280.412.	19,54 —
1843	14.266.	4,25 —	123.818.	50 « 1 «	21.212.	28.220.	19,26 —	285 399.	20,46 —
1844	15.007.	4, 7 —	132.249.	51 « 3 «	22.381.	29.326.	17,36 —	279.667.	19,75 —
1845	15.695.	4,18 —	143.743.	51 « —	22.854.	29.210.	20,06 —	284.286.	19,75 —
1846	16.193.	5,29 —	145.669.	54 « 8 «	20.633.	25.670.	24,53 —	270.633.	24,05 —
1847.	14.220.	7,23 —	135.845.	69 « 9 «	19.280.	24.145.	31,15 —	249.797.	29,01 —
1848	15.010.	4,20 —	138.230.	50 « 6 «	21.906.	28.656.	17,37 —	292.977.	16,65 —
1849	16.072.	4,14 —	141.883.	44 « 3 «	25.081.	31.788.	17,04 —	278.644.	15,37 —
1850	18.380.	—	152.738.	40 « 3 «	27.386.	33.762.	16,14 —	297.583.	14,32 —
Сред.	15.005.	4,21 —	135.549.	53 « 4 «	22.352.	38.968.	20,38 —	280.230.	19,74 —

[1] *Hoin* не приводитъ цѣнъ.
[2] Цѣны эти я взялъ у *Soetbeer'a* l. c.

Въ данныхъ, приводимыхъ Ваппеусомъ, мы имѣемъ матеріалъ на слѣдующую таблицу для Пруссіи:[1]

Годы.	Число браковъ.	Цѣна хлѣб.[2]
1844	141.047	56 зильбер. 2 пф.
1845	141.479	62 — 1 —
1846	138.427	82 — 8 —
1847	125.004	109 — 6 —
1848	133.142	67 — 9 —
1849	148.820	69 — 8 —
1850	155.763	66 — —
1851	153.019	67 — 3 —
1852	143.028	74 — 4 —
1853	145.345	91 — 6 —
Средн.	142.510	64 — 8 —

Въ Даніи, въ десятилѣтіе 1845—1854 г., среднее число ежегодно заключенныхъ браковъ равнялось 12.066. Число браковъ, заключенныхъ въ 1846—8 г., среднимъ числомъ равнялось 10.836. Въ Голштиніи среднее число десятилѣтія 1845—54 г. = 4.024, сред. 1846—8 г. = 3.737. Въ Ганноверѣ среднее десятилѣтія 1846—55 г. = 14.505; сред. 1846—7 г. 12.944. Въ Норвегіи сред. 1845—1855 г. равнялось 10.900, число 1847 г. составляло 9.890. Въ Австріи среднее десятилѣтія 1842—51 г. = 189.282, въ 1847 г. — 167.167.[3] Тамъ-же:

Годы.	Цѣна хлѣба.	Число браковъ.
1851	2,47	336.800.
1852	3,11	316.800.
1853	3,38	283.400.

[1] *Wappäus*, Allgemeine Bevölkerungsstatistik. Bd. II. S. 344—5.

[2] Цѣны я взялъ у *Soetbeer'a*, l. c.

[3] *Wappäus*, l. c. II. 344—5.

Годы.	Цѣна хлѣба.	Число браковъ.
1854	4,36.	258.000.
1855	4,43.	245.400.[1]

Мы привели достаточно фактовъ для доказательства вліянія колебанія цѣнъ на хлѣбъ на число ежегодно заключаемыхъ браковъ. Колебаніе цѣнъ, вліяя на это число, вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезъ это самое вліяетъ еще и на количество ежегодно заключающихся нормальныхъ и ненормальныхъ браковъ: вторичные браки всегда увеличиваются послѣ сильнаго колебанія цѣнъ. На этомъ основаніи Вагнеръ говоритъ, что холостые люди имѣютъ больше всего шансовъ соединиться брачными узами въ благопріятныя времена, вдовцы же и вдовы, на-оборотъ, въ неблагопріятныя[2]. Такъ (для примѣра) изъ таблицы, которую мы привели выше для Австріи, по Рошеру, оказывается, что въ 1852 г., при цѣнѣ 3,11 фл. за мѣру, заключено было 316.800 браковъ. Изъ нихъ было: 231.800 нормальныхъ;

85.000 ненормальныхъ.

Въ 1855 году, при цѣнѣ 4,43 фл. за мѣру, заключено было 245.400 браковъ;

изъ нихъ было: 166.400 нормальныхъ;

79.000 ненормальныхъ.

Уменьшеніе общаго числа браковъ = 71.400; уменьшеніе числа нормальныхъ браковъ = 65.400; уменьшеніе числа ненормальныхъ браковъ = 6.000. То есть, общее число браковъ уменьшилось на 28%, въ томъ числѣ: число нормальныхъ на 22%, число ненормальныхъ только на 6%.

---

[1] *Roscher*, System etc. Bd. I. S. 439 (§ 240, прим. 3-е).

[2] *Wagner*, Die Gesetzmassigkeit der scheinbarwillkurlichen Handlungen vom Standpuncte der Statistik. 1864. Ч. I переведена въ сборникѣ Неклюдова «Общій выводъ положительного метода». Спб. 1866. Факты для этого-же еще у *Horn*, о. с. 170, 173, и *Wappäus*, о. с. II. 254—5 и 348—9.

Переходимъ къ вліянію колебанія цѣнъ на число рожденій. Въ Англіи въ 1802 году цѣна хлѣба упала съ 119 шил. 6 пен., въ 1801 г., на 69 шил. 10 пен., число рожденій возвысилось съ 237.029 на 273.837; въ слѣдующемъ году цѣна упала еще ниже, до 58 шил. 10 п., число рожденій возросло до 294.108. Въ 1815 году цѣна была 65 шил. 7 пен., число рожденій 344.931; въ 1816 г. цѣна поднялась до 78 шил. 6 пен., число рожденій уменьшилось до 330.199. Въ 1821 г. цѣна была 56 шил. 1 пен., число рожденій 355.307; въ 1822 г. цѣна 44 шил. 7 пен., число рожденій 372.571; въ 1823 г. цѣна 53 шил. 4 пен., число рожденій 369.760.[1]

Изъ таблицы Кетле[2] для Нидерландовъ можно видѣть, что годы съ числомъ рожденій выше средняго числа того періода, за который Кетле приводитъ данныя, совпадаютъ съ годами, въ которыхъ цѣна ниже средней этого періода. Такъ, среднее число рожденій въ городахъ въ 1821 — 26 гг. было 68.583, тогда какъ среднее двѣнадцатилѣтняго періода 1815 — 26 гг. было только 62.770; въ то-же время средняя цѣна перваго періода была меньше средней цѣны втораго на 24%.

Во Франціи въ 1814 г., при цѣнѣ 17,73 фр. за гектолитръ, число рожденій было 994.082, въ 1815 — 17 гг., при средней цѣнѣ 28 фр, среднее число рожденій 955.517. Въ 1826 г. цѣна была 17.79 фр., число рожденій 965,364; въ 1822 г. цѣна упала на 15,49 фр., число рожденій возросло до 972.632; въ слѣдующемъ году цѣна опять стала 17,52 фр., и число рожденій упало до 963.327.

Въ трехлѣтіе 1825 — 27, при средней цѣнѣ 16,60 фр., среднее ежегодное число рожденій 981.967; въ слѣдующее трех-

---

[1] *Porter* и *Tooke et Newmarch*—въ приведенныхъ мѣстахъ.

[2] *Quetelet*, Sur l'homme. I. 94.

лѣтіе цѣна возвысилась на 26%, среднее ежегодное число рожденій упало до 970.137.[1]

Горнъ[2] приводитъ слѣдующую таблицу, изъ которой видно, какое вліяніе на число рожденій оказала высокая цѣна 1847 года.

Годъ.	Франція.	Пруссія.	Англія.	Бельгія.	Саксонія.	Голландія.	Ломбардія.
1841.	1.005.203.	591.505.	512.158.	143.667.	70 094.	108.326.	198.833.
1842.	1.013.242.	623.703.	517.739.	140.501.	75.047.	105.629.	197.362.
1843.	1.013.381.	604.472.	527.325.	138.670.	67.929.	105.350.	198.183.
1844.	998.064.	623.191.	540.763.	139.862.	70.932.	108.598.	200.243.
1845.	1.022.851.	647.369.	543.521.	143.018.	77.483.	109.324.	200.635.
1846.	1.013.347.	620.424.	572.625.	124.786.	77.204.	100.702.	198 637.
1847.	946.311.	583.348.	539.965.	123. 153.	73.684.	91.670.	185.652.
1848.	1.014.211.	576 937.	563.059.	125.830.	72.362.	96.697.	197.449
1849	1.026.864.	691.562.	578.159.	139.294.	82.068.	109.932.	185.676.
1850.	991.913.	676.984.	593.422.	137.734.	82.061.	110.919.	187.501.
Сред.	1.004.539.	624.549.	548.874.	135.651.	74.886.	104.707.	195 317.

[1] *Blolk* и *Soetbeer* в.-п. м.

[2] *Horn,* Bevölkerungswissenschaftliche Studien. Bd. I. S. 237.

Для доказательства вліянія колебанія цѣнъ на смертность я приведу слѣдующія таблицы изъ Ваппеуса [1].

Годы.	Въ Пруссіи.	Годы.	Въ Англіи.	Годы.	Во Франціи.	Годы.	Въ Бельгіи.
1844.	1 : 38,85.	1845.	1 : 47,86.	1844.	1 : 43,55.	1841.	1 : 42,62.
1845.	1 : 36,73.	1846.	1 : 43,36.	1845.	1 : 45,29.	1842.	1 . 40,48.
1846.	1 : 34,05.	1847.	1 40,47.	1846.	1 : 41,39.	1843.	1 : 43,42.
1847.	1 : 31,59.	1848.	1 : 43,37.	1847.	1 40,24.	1844.	1 : 44,87.
1848.	1 : 50,14.	1849.	1 : 39,82.	1848.	1 : 40,82.	1845.	1 · 43,96.
1849.	1 : 32,74.	1850.	1 : 38,15.	1849.	1 : 35,25.	1846.	1 40,22.
1850.	1 : 36,31.	1851.	1 45,48.	1850.	1 · 44, 4.	1847.	1 : 36,10.
1851.	1 : 37,32.	1852.	1 : 44,72.	1851.	1 42,77.	1848.	1 · 40,25.
1852.	1 : 30,39.	1853.	1 · 43,70.	1852.	1 · 42,25.	1849.	1 · 36,06.
1853.	1 · 32,76.	1854.	1 · 42,52.	1853.	1 · 43,02.	1850.	1 47,60.
Средн.	1 33,85.	Средн.	1 43,79.	Средн.	1 : 41,73	Средн.	1 · 44,02.

[1] *Wappaus.* Allgemeine Bevolkerungsstatistik. Bd. I. S. 196 и 313.

Какъ въ предъидущей таблицѣ, такъ и въ этой, мы видимъ, что вездѣ въ 1847 году цифра рожденій ниже средней всего десятилѣтія, цифра смертности, на-оборотъ, вездѣ выше средней десятилѣтія.—Въ Лондонѣ пшеница продавалась въ дешевые годы—1744, 1745, 1751 и 1752—по 32 ш. 10 п., въ дорогіе—1736, 1737, 1740 и 1741 г.—среднимъ числомъ ежегодно по 52 шил. 6 п. Въ первомъ періодѣ умерло 83.415 человѣкъ, во второмъ 118.387.—Средняя цѣна пшеницы въ Лондонѣ была въ 1798 и 1802 г. 58 шил. 10 п., въ 1800 г. 113 шил. 7 п.: число смертныхъ случаевъ въ первые годы среднимъ числомъ ежегодно 20.508, въ 1800 г. 25.670. Въ Парижѣ между 1743 и 1763 г., во время 4 самыхъ дешевыхъ годовъ, центнеръ пшеницы стоилъ 14 ливр. 18 су, а во время самыхъ дорогихъ четырехъ годовъ—19 ливр. 1 су; средняя же величина смертности въ первые годы была 16.859, въ послѣдніе—20.895 [1]. Вліяніе цѣны 1815—1817 г. видно изъ слѣдующей таблицы.

Англія.

Годы.	Цѣна хлѣба.	Цифра смертности.
1815	65 шил. 7 пен.	197.408.
1816—17	87 — 8 —	202.614.

Франція.

Годы.	Цѣна хлѣба.	Цифра смертности.
1816	28,31 фран.	723.699.
1817	36,16 —	750 633.

Бельгія.

Годы.	Цѣна хлѣба.	Цифра смертности.
1815	3,50 фран.	137.599.
1816—17	8,34 —	144.365. [2]

[1] *Рошеръ*, Хлѣбная торговля и пр. стр. 51.

[2] *Porter*, *Blocke* и *Quetelet*, в.-п. м.

Англійскій экономистъ Дж. Бартонъ изслѣдовалъ 40 годовъ (съ 1791 по 1830). Результатомъ его изслѣдованій оказалось, что въ годы крайней дороговизны и крайней дешевизны всегда является излишекъ смертныхъ случаевъ, повторяющійся постоянно почти въ одномъ и томъ-же размѣрѣ. Такъ, по его изслѣдованіямъ, когда цѣна ниже 50 ш., цифра смертности = 224.455 на 1.000.000 человѣкъ; когда цѣна выше 100 ш, то цифра смертности = 223.500 на 1.000.000 человѣкъ [1].

Намъ остается еще изслѣдовать вліяніе колебанія цѣнъ на здоровье и нравственность людей. Что касается перваго, то вездѣ замѣчено, что въ годы, когда цѣны достигаютъ наибольшей высоты, заболѣваетъ наибольшее число людей. Такъ, число больныхъ въ миланскомъ госпиталѣ было:

Годы.	Число больныхъ.	Цѣна хлѣба за moggio.
1815.	17.974.	59 лиръ.
1816.	20.993.	75 —
1817.	23.350.	63 —

Среднее ежегодное число больныхъ въ 1816—25 гг. было 14.010. Средняя цѣна хлѣба отъ 1818—25 г. было 35 лиръ [2].

---

[1] *Legoyt*, La France statistique. 1842. p. *XCV*. Результаты Бартона еще у *J.-B.-Say*, Traité d'économie politique. 1842. p. 422; данныя для Швеціи изъ Варгентина, у *него-же*, въ Cours d'économie politique. 1852. T. II, p. 143.

[2] *Legoyt*, l. c. *Quetelet*, l. c. T. I, p. 181.

Въ Парижѣ.[1]

Годы.	Высокія цѣны.			Число больн.	Годы.	Низшія цѣны.			Число больн.
1739.	20 лив.	7 sols.	6 d.	25.626.	1728.	13 лив.	6 sols.	3 d.	19.015.
1740.	25 —	12 —	6 —	27.388.	1734.	12 —	2 —	6 —	16.849.
1741.	37 —	—	—	27.361.	1735.	12 —	16 —	3 —	18.521.
1742.	21 —	7 —	6 —	23.944.	1743.	12 —	16 —	3 —	17.335.
Средн.	26 —	3 —	11 —	26.080.	Средн.	12 —	15 —	4 —	17.930.
1753.	20 —	3 —	2 —	24.370.	1744.	11 —	15 —	—	15.819.
1754.	19 —	5 —	—	22.554.	1745.	12 —	1 —	—	16 654.
1760.	19 —	16 —	3 —	23.417.	1746.	14 —	17 —	—	17.728.
1763.	15 —	17 —	6 —	24.438.	1747.	15 —	10 —	—	17.956.
2 Сред.	18 —	15 —	7 —	23.696.	Средн.	13 —	10 —	9 —	17.004.

[1] «Die Theuerung, ihre Wirkung und Abwehr» въ Deutsche Vierteljahrschrift. XXXVII. S. 65.

То, что намъ нужно доказать, до-того очевидно вытекаетъ изъ этой таблицы, что не требуетъ никакихъ разъясненій.

Переходимъ къ вліянію высокихъ цѣнъ на нравственность.

1) Въ сенскомъ департаментѣ [1]:

Въ 1828 г., при цѣнѣ хлѣба			82,02 фр., было			1859 наказ.		вор.
— 1826 —	—	—	91,46	—	—	2085	—	—
— 1830 —	—	—	78,65	—	—	1833	—	—
— 1831 —	—	—	97,37	—	—	2054	—	—
— 1832 —	—	—	75,23	—	—	1984	—	—
— 1833 —	—	—	69,06	—	—	2730	—	—
— 1839 —	—	—	79,90	—	—	2817	—	—
Средн. . .			79,38.			2195.		
Въ 1825 г., при цѣнѣ хлѣба			58,85 фр., было			1731 наказ.		вор.
— 1827 —	—	—	64,79	—	—	1747	—	—
— 1833 —	—	—	57,52	—	—	1842	—	—
— 1834 —	—	—	54,90	—	—	2121	—	—
— 1835 —	—	—	57,27	—	—	226	—	—
— 1836 —	—	—	56	—	—	2267	—	—
— 1837 —	—	—	58,85	—	—	2216	—	—
Средн. . .			58,31.			2051.		

2) Въ Парижѣ [2]:

Въ 1828 г., при цѣнѣ хлѣба			23,03 фр., было			17481 наказ.		вор.
— 1829 —	—	—	22,59	—	—	18238	—	—
— 1830 —	—	—	22,39	—	—	18719	—	—
— 1831 —	—	—	22,10	—	—	19589	—	—
— 1832 —	—	—	21,85	—	—	21783	—	—
Средн. . .			22,19.			18162.		

[1] Ib. S. 68.

[2] Ib. id.

Въ 1826 г., при цѣнѣ хлѣба 15,85 фр., было 15156 наказ. вор.
— 1827 — — — 18,21 — — 15868 — —
— 1833 — — — 16,64 — — 19354 — —
— 1834 — — — 15,25 — — 18902 — —
— 1835 — — — 15,25 — — 19071 — —

Средн. . . 16,24. 17670.

3) Во всей Франціи:

Годъ.	Цѣна хлѣба.	Число преступл. противъ собствен.[1]
1830	22,39 фр.	3910
1831	22,10 —	4019
1832	21,85 —	3965
1833	16,62 —	3477
1834	5,25 —	2536
1835	15,25 —	3457
1836	17,32 —	3742
1837	18,53 —	4318
1838	19,51 —	4212
1839	22.14 —	4024
Средн.	19,9.	3866.

Таблицы 1 и 2-я показываютъ намъ, что наибольшая цѣна на хлѣбъ одновременна съ наибольшимъ числомъ наказанныхъ воровъ. Въ таблицѣ 3-й мы видимъ, что годы съ цѣной выше средней совпадаютъ съ годами, въ которыхъ числа преступленій выше средняго. Исключеніе по-видимому составляетъ 1837 годъ, который считаетъ наибольшее число преступленій, хотя цѣна хлѣба здѣсь ниже средней. Но годъ этотъ потеряетъ свой исключительный характеръ, если вспомнимъ, что въ это время былъ торговый кризисъ.

[1] *Leyoyt*, La France statistique, p. LXVI, и *Tooke et Newmarch*, l. c. II, 515.

Переходя къ Англіи, мы и тамъ замѣчаемъ то-же самое. Такъ, мы уже знаемъ, какое вліяніе высокая цѣна 1816 — 17 г. имѣла на число браковъ, рожденій и смертныхъ случаевъ. Такое-же вліяніе она имѣла и на число преступленій. Такъ, въ 1815 г. было 4.883 преступленій; среднее число 1816 — 17 гг. составляетъ 7.426. Въ 1845 — 46 годахъ среднее ежегодное число преступленій было 17.773, среднее ежегодное число 1847—48 гг. было 22.221.[1]

Приведенные нами историческіе и статистическіе факты достаточно, кажется, доказываютъ, что мы не преувеличивали, придавая громадное практическое значеніе колебанію цѣнъ. Мы видѣли, что въ какую бы сторону ни было колебаніе цѣнъ, падаютъ ли онѣ до minimum'а, какъ бываетъ въ торговые кризисы, или возвышаются до maximum'а, какъ бываетъ во время дороговизны, — результаты всегда одни и тѣ-же. Это открываетъ рядъ въ высшей степени важныхъ для практики вопросовъ: вслѣдствіе чего происходятъ такія установленія цѣнъ, чѣмъ обусловливаются происходящія въ цѣнахъ измѣненія, имѣющія, какъ мы видѣли, такія важныя послѣдствія. Становится важнымъ опредѣлить, есть ли цѣна явленіе такого рода, существованіе котораго обусловливается самымъ существомъ хозяйства, или, на оборотъ, оно опредѣляется данною формой хозяйства, ставшею такой, а не иной, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ условій; есть ли цѣна явленіе универсальное и вѣчное, или чисто историческое, слѣдовательно преходящее, которое можетъ существовать, но можетъ и не существовать? Далѣе, нужно изслѣдовать, есть ли цѣна чисто хозяйственное явленіе, способствуютъ ли ея образованію и движенію однѣ хозяйственныя причины, или, на-оборотъ, ее нельзя назвать чисто хозяйственнымъ явленіемъ, а потому въ ея образованіи и движеніи принимаютъ участіе и

[1] *Porter*, Progress of the nation, p. 635.

другія не хозяйственныя причины? Дать отвѣтъ на эти вопросы значитъ изслѣдовать ее не только съ хозяйственной точки зрѣнія, но и со многихъ другихъ.

Было бы излишне распространяться здѣсь много о частномъ значеніи, которое цѣна имѣетъ для индивидуальнаго хозяйства частныхъ лицъ. При достигшемъ уже извѣстной степени развитія раздѣленіи труда, нѣтъ ни одного такого продукта, о которомъ можно было бы сказать, что къ его производству причастно только одно лице. Уже самимъ существомъ раздѣленія труда, да сверхъ того еще распредѣленіемъ имуществъ, обусловливается то, что въ цѣнѣ одного продукта заинтересовано множество лицъ. Цѣна каждаго продукта должна доставить доходъ всѣмъ, которые почему бы то ни было причастны производству и обмѣну продукта. Потому, каждому человѣку приходится заботиться о какой-нибудь цѣнѣ, ибо каждый заботится о своихъ доходахъ, а въ концѣ концовъ всякій доходъ сводится на цѣну [1].

Прибавимъ къ сказанному еще нѣсколько замѣчаній о той постоянно увеличивающейся необходимости для каждаго обращать вниманіе на цѣну, которая является послѣдствіемъ историческаго движенія хозяйства. Чѣмъ болѣе развивается теперешнее общество и его хозяйство, чѣмъ больше прогресса дѣлаетъ раздѣленіе труда, тѣмъ все меньше значенія получаетъ индивидуальное хозяйство, отдѣльно взятое; потому что увеличеніе производительныхъ силъ общества, въ которомъ состоитъ его хозяйственный прогрессъ, идетъ объ руку съ увеличеніемъ потребностей, и для удовлетворенія этихъ-то увеличившихся числомъ потребностей человѣкъ все болѣе и болѣе нуждается въ помощи другихъ, — въ раздѣленіи труда, которое въ сущности вѣдь есть

[1] *J.-B.-Say*, Traité d'économie politique, p. 350; *Rau*, Grundsätze der Volkswirthschaftslehre, ed. 1863. S. 163—4 (§ 144); *I. St.-Mill*, Grundsätze der polit. Oek. Ueb. v. Soettbeer, 2 Ausg. 1864. S. 307.

только помощь, оказываемая человѣкомъ человѣку. Каждый отдѣльный хозяинъ, самъ по себѣ взятый, имѣетъ такимъ образомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе возможности удовлетворить своимъ потребностямъ, полагаясь на свое индивидуальное хозяйство, чрезъ это самостоятельное значеніе индивидуальнаго хозяйства уменьшается, но судьба его сплетается, такъ сказать, съ судьбою другихъ индивидуальныхъ хозяйствъ, и потому на установленіе и движеніе цѣны каждый отдѣльный хозяинъ имѣетъ все меньше и меньше вліянія. Съ улучшеніемъ путей сообщенія и постепеннымъ уничтоженіемъ препятствій, отдѣляющихъ людей другъ отъ друга, это взаимное вліяніе, которое оказываютъ индивидуальныя хозяйства другъ на друга, выступаетъ все рѣзче. Такимъ образомъ цѣна массы продуктовъ, привезенныхъ на рынокъ изъ различныхъ странъ, установляясь не по волѣ каждаго изъ хозяевъ, имѣющихъ продукты на рынкѣ, а чѣмъ-то независящимъ отъ каждой индивидуальной воли, отдѣльно взятой, можетъ имѣть такія послѣдствія для одиночныхъ хозяйствъ, которыя никто не могъ предвидѣть. Въ подобномъ случаѣ оказывается, напр., что подольскій производитель хлѣба, столкнувшись на рынкѣ съ производителями сѣверо-американскимъ, венгерскимъ и молдавскимъ, совершенно разстроилъ разсчеты этихъ послѣднихъ, точно такъ, какъ эти послѣдніе не преминули оказать подобное же вліяніе и на его разсчеты. При развитіи путей сообщенія и телеграфовъ подобное-же вліяніе можетъ имѣть мѣсто, хотя-бы производители и не сходились на одномъ рынкѣ. Достаточно, чтобы на одномъ какомъ-либо рынкѣ стало извѣстно, что въ другомъ мѣстѣ цѣна на какой-нибудь продуктъ возвысилась, или упала— что слѣдовательно возможенъ подвозъ или вывозъ: вмигъ цѣна на рынкѣ упадетъ, или поднимется — что приведетъ въ движеніе цѣны и того мѣста, изъ котораго былъ возможенъ подвозъ, и того, куда былъ возможенъ отпускъ. Но не только на этихъ двухъ рынкахъ окажетъ вліяніе подобное обстоятельство: коль

скоро рынки соединены хорошими путями сообщенія, коль скоро возможно скорое увѣдомленіе посредствомъ телеграфовъ о состояніи рынковъ, то-есть о массахъ имѣющихся продуктовъ и цѣнахъ на нихъ, — всякая перемѣна, произшедшая на одномъ рынкѣ, тотчасъ-же отразится и на другомъ: послѣдуютъ передвиженія продуктовъ, перемѣна цѣнъ и соединенныя съ ними перемѣны въ благосостояніи отдѣльныхъ хозяйствъ. Никѣмъ непредвидѣнное и неожиданное, точно съ неба свалившееся, извѣстіе производитъ тысячи различнѣйшихъ перемѣнъ въ распредѣленіи имуществъ: одни выигрываютъ отъ нихъ, другіе проигрываютъ; хозяйство однихъ улучшается, другихъ — ухудшается. «Черезъ какую-либо перемѣну въ биржевой цѣнѣ какой-нибудь распространенной бумаги на одной главной биржѣ, перемѣну, про которую узнали скоро по телеграфу другія биржи, совершаются тысячи новыхъ спекуляцій, покупокъ, продажъ, перемѣщеній капиталовъ. При пособіи атлантическаго телеграфа, всякое возвышеніе цѣны хлопчатой бумаги можетъ черезъ два дня быть извѣстнымъ на всѣхъ концахъ обоихъ полушарій, привести въ движеніе тысячи агентовъ, заставить зафрахтовывать дюжины судовъ у многихъ плантаторовъ, вызвать заботы о расширеніи плантацій. Возвышеніе цѣны хлопчатой бумаги на два пенса въ Ливерпулѣ можетъ въ короткое время уменьшить плату множества рабочихъ и принудить ихъ къ перемѣнѣ занятій. Цѣны сахара и кофе на амстердамскомъ аукціонѣ, въ свою очередь составляемыя по свѣдѣніямъ о жатвахъ и мѣстныхъ спросахъ, чрезъ недѣлю отзовутся на цѣнахъ мелочныхъ торговцевъ Шварцвальда. Возвышеніе хлѣбной цѣны въ Берлинѣ или Майнцѣ чрезъ три дня погонитъ крестьянъ верхней Швабіи и Баваріи къ житницамъ, мельницамъ и рынкамъ, вызоветъ тысячу вздоховъ у жителя мельчайшей деревушки. Учрежденіе новыхъ, хорошихъ (прибыльныхъ) должностей вслѣдствіе реформы въ юридической сферѣ можетъ увеличить число слушателей на юридическомъ фа-

культетѣ, — на-оборотъ: при худомъ окладѣ можетъ уменьшиться число слушателей на этомъ факультетѣ и лучшія духовныя силы юношества направятся на факультеты техническіе. Короче, заключаетъ цитируемый нами писатель, цѣна имѣетъ почти магическое соціальное дѣйствіе по своимъ практическимъ послѣдствіямъ». На этомъ-то основаніи онъ и говоритъ, что «ученіе о цѣнѣ есть практически самое важное изъ всѣхъ ученій хозяйственной науки»[1].

Теперь мы постараемся точнѣе опредѣлить предметъ нашего изслѣдованія и указать его *теоретическое* значеніе.

Когда мы говоримъ «цѣна колеблется», то этимъ, очевидно, хотимъ выразить не понятіе о движеніи цѣны вообще, а только объ извѣстнаго рода ея движеніи. Въ самомъ дѣлѣ, самое слово «колебаніе» означаетъ такого рода состояніе, которое мы обыкновенно называемъ неустойчивымъ. Въ такомъ смыслѣ мы говоримъ, что человѣкъ колеблется. Въ то-же время этимъ словомъ мы выражаемъ понятіе о неровномъ движеніи между двумя предѣлами. Такъ, мы говоримъ о колебаніи маятника, и физика намъ объясняетъ, что это — неровное, то ускорительное, то укоснительное движеніе между двумя предѣлами около извѣстной точки. Въ такомъ-же точномъ смыслѣ мы употребляемъ это слово, когда прилагаемъ его къ человѣку. Такъ, напр., мы говоримъ, что человѣкъ колеблется — принять ли ему какое-нибудь мнѣніе, или нѣтъ. Въ такомъ случаѣ это мнѣніе составляетъ точку, около которой онъ колеблется. Когда хозяйственная наука говоритъ о колебаніи цѣнъ, то подъ этимъ она разумѣетъ неустойчивое состояніе цѣны, когда она то выше, то ниже извѣстной величины, которую обыкновенно называютъ естественною цѣной.

---

[1] *Schäffle* im Deutschen Staatswörterbuch, herausgegeben von Bluntschli und Brater. Heft LXXIII et LXXIV. S. v. Preise. S. 206.

Въ колебаніи цѣнъ, какъ во всякомъ колебаніи, мы различаемъ три пункта: центральный, около котораго она колеблется, и два крайніе, которые составляютъ предѣлы, между которыми она колеблется. Эти-то два крайніе пункта, достигая которыхъ цѣна становится то выше, то ниже естественной, не имѣютъ опредѣленнаго положенія и могутъ находиться дальше или ближе отъ центральнаго, смотря по обстоятельствамъ, которыя однако непосредственно не имѣютъ отношенія къ вопросу, почему естественная цѣна выше или ниже.

Я сказалъ, что цѣну называютъ естественной, когда она достигаетъ той величины, когда она находится въ центральномъ пунктѣ. Ту высоту, до которой цѣна достигаетъ, когда она выше естественной, называютъ *дороговизной*, а когда она ниже естественной — *дешевизной*[1].

Дороговизна и дешевизна суть крайніе пункты, между которыми колеблется цѣна. Такъ-какъ положеніе этихъ двухъ пунктовъ не опредѣлено и они могутъ находиться то ближе, то дальше отъ центральнаго пункта, — то поэтому очевидно, что понятія о дороговизнѣ и дешевизнѣ должны быть относительны.

Если мы обратимся къ практикѣ за разъясненіемъ этихъ двухъ явленій, то узнаемъ только, что время дороговизны — очень тяжелое время, когда всякому труднѣе доставать то, что ему нужно. Практическіе люди вообще имѣютъ очень смутное понятіе о признакахъ, по которымъ можно узнать дороговизну. Высота цѣны сама по себѣ еще недостаточна для характеристики дороговизны и дешевизны. Въ самомъ дѣлѣ, я могу быть въ такомъ положеніи, когда для полученія какой-либо нужной вещи

---

[1] *Lotz*, Revision der Grundbegriffe der Nationalwirthschaftslehre etc. 1811. Bd. I. S. 180—181 (§ 58); *его-же*, Handbuch der Staatswirthschaftslehre. 2-te Ausg. 1837. Bd. I. S. 51—53.

я долженъ дать не двѣ единицы моихъ собственныхъ благъ, какъ прежде, а три. Но если эти три единицы въ данное время для меня эквивалентны двумъ единицамъ прежняго времени, то есть коль скоро въ данное время тѣмъ-же количествомъ труда и усилій, которымъ я прежде получалъ двѣ единицы, я получаю три, то я не скажу еще, что вещь для меня вздорожала, что мнѣ труднѣе ее доставать, нежели прежде. Но я скажу, что вещь вздорожала и буду жаловаться на трудныя времена, если для пріобрѣтенія ея мнѣ придется дать такую сумму благъ, которая стоитъ мнѣ большей суммы труда и усилій, нежели та, за которую я могъ прежде получить ту-же вещь. Или на-оборотъ, для того, чтобы получить въ данное время вещь, нужно только три единицы моихъ благъ, а прежде нужно было четыре; но если эти три обходятся во столько-же, во сколько прежде обходились четыре, то ясное дѣло, что тутъ о дешевизнѣ не приходится еще говорить. Только когда эти три единицы даннаго времени будутъ стоить меньшаго количества труда и усилій, нежели прежнія четыре, только тогда можетъ зайдти рѣчь о дешевизнѣ.

Приходится такимъ образомъ отличать обыкновенное установленіе и измѣненіе цѣнъ отъ установленій и измѣненій особенныхъ, исключительныхъ, которыя бываютъ при колебаніи цѣнъ, при дорогизнѣ и дешевизнѣ. Практика признала, что дороговизна и дешевизна суть явленія исключительныя, изъ ряда обыкновенныхъ выходящія: запоминаютъ годъ, когда эти явленія случаются, ихъ заносятъ въ хроники, какъ особенное движеніе цѣны, которое произошло, когда она вышла изъ обыкновенной колеи.

Отсюда ясно, что вопросъ о колебаніи цѣнъ есть видоизмѣненный вопросъ объ измѣненіи и установленіи цѣнъ вообще. Разрѣшить вопросъ объ измѣненіи и установленіи цѣнъ вообще значитъ указать на законы, вслѣдствіе которыхъ цѣна въ каждый

данный моментъ такая, а не иная. Въ такихъ общихъ чертахъ опредѣленный, вопросъ этотъ захватываетъ и теорію колебанія цѣнъ, по той причинѣ, что мы здѣсь говоримъ о цѣнѣ вообще, какая только возможна. Но мы видѣли, что есть двоякаго рода установленія цѣнъ, на-столько рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, что практика это замѣтила. Ясно, что это различіе не можетъ быть обойдено и наукой.

Сущность дѣла въ томъ, что какого бы порядка мы ни взяли явленія, всегда и вездѣ приходится отличать такъ называемыя нормальныя явленія отъ патологическихъ и ненормальныхъ. Коль скоро различіе практически важно, теорія всегда принимаетъ во вниманіе это практическое различіе, и разбиваетъ свое ученіе на часть, трактующую о нормальныхъ явленіяхъ, и часть, трактующую о ненормальныхъ случаяхъ. Правда, съ общей, философской точки зрѣнія справедливо можно сказать, что ненормальныхъ случаевъ нѣтъ; ибо ненормальный случай представляетъ собою какъ-бы исключеніе изъ общаго естественнаго закона природы, а такихъ исключеній нѣтъ, и о нихъ даже говорятъ, что они еще болѣе подтверждаютъ только общій законъ.

Очень естественно, если и въ ученіи о цѣнѣ приходится отличать двоякаго рода случаи цѣнъ — нормальные и патологическіе. Общая теорія цѣнъ излагаетъ законы, по которымъ цѣны образуются и измѣняются. Дѣйствительность можетъ представлять много фактовъ, которые подчиняются этимъ законамъ, но она можетъ представлять также не мало фактовъ, которые повидимому показываютъ, что они образуютъ уклоненія отъ общаго закона. Такимъ образомъ становится необходимымъ научное изслѣдованіе — въ чемъ сущность этихъ уклоненій, какъ они образуются, чѣмъ поддерживаются, какое имѣютъ вліяніе на хозяйство, въ какихъ формахъ проявляются и вслѣдствіе чего прекращаются. Вотъ это-то изслѣдованіе и имѣетъ своею задачей теорія колебанія цѣнъ.

Мы видѣли, что выраженіе «колебаніе» цѣнъ означаетъ неровное движеніе между двумя предѣлами, что когда цѣна достигаетъ до одного изъ этихъ пунктовъ, то настаетъ дороговизна, когда она достигаетъ другаго, — настаетъ дешевизна; видѣли, что не менѣе необходимо для понятія о колебаніи еще понятіе о центральномъ пунктѣ, около котораго происходитъ колебаніе; далѣе видѣли еще, что понятія о дороговизнѣ суть понятія относительныя и высота цѣны сама по себѣ не можетъ быть критеріумомъ для нихъ. Отсюда ясно, что центральный пунктъ, около котораго происходитъ колебаніе, не есть какой-либо постоянный, и онъ также измѣняется. Но мы должны отличать измѣненія происходящія въ цѣнѣ, когда она находится въ центрѣ колебанія, такъ сказать, — отъ измѣненій происходящихъ въ ней, когда она около него колеблется. Первыя перемѣны суть тѣ, которыя обусловливаются общими законами и которыя не подлежатъ нашему изслѣдованію. Втораго рода перемѣны суть именно тѣ, которыя составляютъ уклоненія отъ общаго закона: цѣна вмѣсто того, чтобы быть въ центральномъ пунктѣ, находится по ту или другую его сторону. Вотъ эти-то перемѣны и подлежатъ нашему изслѣдованію.

Такимъ образомъ, цѣна въ каждый данный моментъ колебанія есть удалившаяся отъ центра, то есть измѣнившаяся въ величинѣ цѣна нормальная. Значитъ, въ каждый такой моментъ колебанія цѣна есть какъ-бы сложная величина: она состоитъ изъ той цѣны, которая сбусловливается общимъ закономъ, то есть ея величина равняется величинѣ этой цѣны, да еще какой-либо добавочной, положительной или отрицательной. Чрезъ добавленіе этой положительной или отрицательной величины, цѣна въ данный моментъ колебанія выше или ниже по сравненію съ величиной, которой она достигаетъ, когда находится въ центрѣ, то есть съ величиной, которая опредѣляется общимъ закономъ. Слѣдовательно, вся задача теоріи колебанія цѣнъ въ концѣ кон-

цовъ сводится на изслѣдованіе этой добавочной величины, какимъ образомъ и вслѣдствіе чего она возникаетъ, какой смыслъ имѣетъ ея положительный или отрицательный характеръ, чему она въ хозяйствѣ соотвѣтствуетъ и вслѣдствіе чего уничтожается.

Научно изслѣдовать какой-либо рядъ явленій значитъ открыть законы, которымъ они подчиняются; слѣдовательно, прежде чѣмъ я приступаю къ изслѣдованію, у меня должна быть увѣренность, что подлежащія моему изслѣдованію явленія въ самомъ дѣлѣ закономѣрны. Результатъ моихъ изслѣдованій укажетъ мнѣ, каковъ именно законъ, управляющій данными фактами; но я не могу взяться за исканіе закона, если я не знаю почему-либо напередъ, что какой-нибудь законъ да существуетъ. Иначе исканіе не имѣло бы никакого смысла.

Слѣдовательно, прежде чѣмъ мы обратимся къ тому, чтобъ изслѣдовать, въ чемъ состоитъ законъ, управляющій колебаніемъ цѣнъ, намъ нужно доказать, что законъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ.

Мы встрѣчаемъ здѣсь однако слѣдующее, по-видимому задерживающее, обстоятельство.

Колебаніе цѣнъ, сказали мы, есть патологическій фактъ. Патологическій же фактъ, уже потому что онъ патологическій, не можетъ быть такимъ постояннымъ, какъ нормальный. Между тѣмъ закономѣрность необходимо влечетъ за собою постоянство. Ясно, что необходимо остановиться на томъ, въ какомъ смыслѣ въ данномъ случаѣ позволительно говорить о закономѣрности.

Статистика доказываетъ, что число преступленій каждый разъ повторяется съ удивительною правильностью, и изъ этого заключаетъ о закономѣрности преступленія. Между тѣмъ ни одному статистику съ здоровою головой до сихъ поръ не приходило въ голову утверждать, что преступленіе есть явленіе необходимое вообще, которое не можетъ уменьшиться, слѣдовательно не можетъ когда-нибудь уничтожиться. Менѣе всего это думалъ Кет-

ле, хотя ему и приписывали подобныя утвержденія. Онъ въ самомъ началѣ своего сочиненія говоритъ: «я никогда не думалъ утверждать, что число преступленій неизмѣнно; совершенно напротивъ, я вѣрю въ совершенствованіе человѣка» [1]. Но не противурѣчитъ ли себѣ тутъ Кетле и остальные статистики, которые съ нимъ согласны?

Въ сущности, тутъ нѣтъ никакого противорѣчія. Противорѣчія были бы лишь въ томъ случаѣ, когда бы Кетле формулировалъ для извѣстнаго рода патологическихъ случаевъ особенный законъ; но Кетле этого не сдѣлалъ. Дѣло въ томъ, что патологическихъ законовъ, отдѣльныхъ отъ нормальныхъ, нѣтъ; и закономѣрность патологическихъ фактовъ указываетъ только на постоянство въ проявленіи извѣстной исключительной формы осуществленія закона, общаго для нормальныхъ и патологическихъ фактовъ, — постоянство, ограниченное большимъ или меньшимъ временемъ. Постоянство здѣсь ограничено, ибо оно касается формы, которая однако не находится въ тѣсной логической связи съ самымъ закономъ и обусловливается обстоятельствами, болѣе или менѣе продолжительно существующими, но не вѣчными. Но до тѣхъ поръ, пока эти обстоятельства существуютъ, форма осуществленія закона будетъ постоянна.

Примѣняя это къ нашему случаю, мы должны имѣть въ виду: *во-первыхъ*, что невозможно приступить къ изслѣдованію колебанія цѣнъ, если предварительно не доказана его закономѣрность; *во-вторыхъ*, коль скоро мы говоримъ, что колебаніе цѣнъ есть явленіе не нормальное, коль скоро признано, что ходомъ прогресса оно постепенно уменьшается и идетъ къ уничтоженію, — то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что добавочная положительная или отрицательная величина — причина колебанія цѣнъ — должна соотвѣтствовать и порождаться такимъ хозяйственнымъ

---

[1] *Quetelet*, Sur l'homme etc. T. I, p. 10, примѣчаніе.

явленіемъ, которое ненормально само по себѣ и ходомъ прогресса хозяйственнаго мало по малу уничтожается.

Послѣ этого, я заключу первую главу слѣдующими таблицами, которыми доказывается закономѣрность колебанія цѣнъ. При этомъ я напомню только основное правило, по которому удовлетворительныхъ результатовъ мы можемъ добиться только въ такомъ случаѣ, если мы возьмемъ на-столько большое количество наблюденій, что выводомъ средняго числа мы можемъ элиминировать тѣ индивидуальныя особенности, которыя на практикѣ всегда скрываютъ для насъ закономѣрность.

Отношеніемъ maximum'а цѣны къ minimum'у ея или суммою процентовъ, на которую maximum и minimum достаточно продолжительныхъ періодовъ отклоняются отъ средней этихъ періодовъ, я измѣряю колебаніе цѣнъ. Ясное дѣло, что коль скоро результаты нашихъ вычисленій покажутъ намъ постоянство въ числахъ, то этимъ будетъ доказано существованіе искомой закономѣрности.

Въ слѣдующихъ двухъ таблицахъ показаны результаты моихъ вычисленій колебанія хлѣбныхъ цѣнъ въ Англіи и Пруссіи. Хлѣбныя цѣны я выбралъ потому, что только о нихъ возможно было собрать свѣдѣнія за достаточно продолжительные сроки. Къ тому же до сихъ поръ еще мало приходилось употреблять съ подобною цѣлью матеріалъ, представляемый статистикою цѣнъ, чтобъ его можно было считать вполнѣ обработаннымъ и годнымъ для такой цѣли. Тогда какъ цѣны на хлѣбъ уже неоднократно употреблялись политико-экономами для различныхъ цѣлей: изслѣдованія, напр., цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ и т. п.

ТАБЛИЦА 1.

Отношенія minimum'овъ къ maximum'амъ цѣнъ на хлѣбъ въ Англіи.

Періодъ.	*Отношенія min. къ max.*
1601 — 25	1 : 1,94
1626 — 50	1 : 2,45
1651 — 75	1 : 3,16
1670 — 1700	1 : 2,51
1701 — 25	1 : 3,01
1726 — 50	1 : 2,38
1751 — 75	1 : 2,59
1776 — 1800	1 : 3,28
1801 — 25	1 : 2,83
1826 — 50	1 : 1,79.

Средняя пропорція 1 : 2,59. Наибольшая пропорція отклоняется отъ средней на 26%, наименьшая — 31%.

Еще болѣе постоянства мы видимъ въ пропорціяхъ, когда беремъ болѣе долгіе періоды.

I.		II.	
1601 — 50	1 : 2,57	1601 — 50	1 : 3,05
1651 — 1700	1 : 3,16	1651 — 1700	1 : 2,99
1701 — 1750	1 : 3,15	1701 — 1750	1 : 3,05
1751 — 1800	1 : 4,19	1751 — 1800	1 : 2,75
1801 — 1850	1 : 3,21.	1801 — 1850	1 : 2,51.

Средняя пропорція для I) 1 : 3,25. Наибольшая пропорція уклоняется отъ средней на 28%, наименьшая — на 22%.

Средняя пропорція для II) 1 : 2,87. Наибольшая пропорція отдѣляется отъ средней на 6%, наименьшая — на 13%.

ТАБЛИЦА 2.

Отношенія maximum'овъ и minimum'овъ къ средней:

а) Двадцатипяти-лѣтніе періоды.

Періодъ.	*Отнош. сред. къ max.*	*Отнош. min. къ сред.*
1601 — 25	1 : 1,41	1 : 1,61
1626 — 50	1 : 1,48	1 : 1,65
1651 — 75	1 : 1,50	1 : 2,09
1676 — 1700	1 : 1,43	1 : 1,70
1701 — 25	1 : 1,87	1 : 1,65
1726 — 50	1 : 1,57	1 : 1,53
1751 — 1775	1 : 1,49	1 : 1,74
1776 — 1800	1 : 2,16	1 : 1,51
1801 — 25	1 : 1,69	1 : 1,67
1826 — 50	1 : 1,24	1 : 1,43
Средн. пропорц.	1 : 1,58.	1 : 1,55.

Таблица эта показываетъ намъ, что, когда мы разсматриваемъ колебаніе цѣнъ за достаточно продолжительные сроки, то замѣчаемъ, во 1-хъ, удаленіе цѣны отъ центральнаго пункта вверхъ и внизъ одинаково: это доказывается послѣдними двумя пропорціями, которыя почти совершенно совпадаютъ (разница всего на 2%). Во 2-хъ, въ размѣрѣ этого удаленія мы замѣчаемъ постоянство, которое тѣмъ болѣе рѣзко выступаетъ на видъ, чѣмъ длиннѣе сроки, въ которые мы наблюдаемъ. Такъ, въ нашей таблицѣ наибольшая пропорція отдаляется отъ средней на 36%, наименьшая на 23% — это для первой колонны; во второй колоннѣ — на 34% и 8%. Эти числа однако покажутъ гораздо большее постоянство, если мы возьмемъ болѣе длинные сроки, станемъ наблюдать не двадцатипяти-лѣтніе, а —

b) Пятидесяти-лѣтніе періоды.

	I.	II.
Періоды.	*Отнош. сред. къ тах.*	*Отнош. тіп. къ сред.*
1601 — 50	1 : 1,66	1 : 1,58
1651 — 1700	1 : 1,73	1 : 1,82
1701 — 50	1 : 1,95	1 : 1,61
1751 — 1800	1 : 2,35	1 : 1,97
1801 — 50	1 : 1,94	1 : 1,69
Средн. пропорц.	1 : 1,94.	1 : 1,73.

Здѣсь мы замѣчаемъ уже большее постоянство: такъ, въ первой колоннѣ—наибольшая пропорція отклоняется отъ средней на 21%, наименьшая на 15%; во второй — наибольшая на 13%, наименьшая на 9%.

Эти таблицы, надѣемся, доказываютъ требуемое. Мы приведемъ еще одну таблицу для Пруссіи, доказывающую то-же самое.

Періоды.	*Отн. тіп. къ тах.*	*Періоды.*	*Отн. тіп. къ тах.*
1650 — 75	1 : 2,92	1751 — 75	1 : 2,38
1676 — 1700	1 : 3,32	1776 — 1800	1 : 2,08
1701 — 25	1 : 2,38	1801 — 25	1 : 3,35
1726 — 50	1 : 1,85.	1826 — 50	1 : 2,55.

Средняя пропорція 1 : 2,60. Наибольшая пропорція отдаляется отъ средней на 27%, наименьшая на 29%. Болѣе продолжительные періоды:

Періоды	*Отн. тіп. къ тах.*	*Періоды.*	*Отн. тіп. къ тах.*
1651 — 700	1 : 3,32	1751 — 1800	1 : 2,38
1701 — 1750	1 : 2,38.	1801 — 50	1 : 3,35.[1]

Средняя пропорція 1 : 2,85. Наибольшая уклоняется отъ средней на 18%, наименьшая на 16%.

---

[1] Пропорціи разсчитаны по даннымъ: для Англіи—*Тука* (II, 509—515), для Пруссіи—*Soetbeer*'a Beiträge zur Statistik der Preise II-ая таблица для 50-лѣтнихъ сроковъ въ Англіи (см. выше) явилась потому, что Тукъ сообщаетъ данныя по двумъ источникамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ученіе о цѣнности.

Въ ряду вопросовъ, съ которыми мнѣ пришлось ознакомляться, изучая все касающееся теоріи колебанія цѣнъ, первое мѣсто принадлежитъ ученію о цѣнности. Это потому, что, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного политико-экономa, который приступилъ бы къ изслѣдованію обмѣна и цѣны, не изслѣдовавъ прежде сущности цѣнности. На сколько въ самомъ дѣлѣ вопросомъ о цѣнѣ необходимо затрогивается ученіе о цѣнности, мы увидимъ далѣе. Ближе ознакомившись съ этимъ ученіемъ, авторъ пришелъ къ результату, что эта необходимость въ данномъ случаѣ часто слишкомъ преувеличивается; ученіе о цѣнности, будучи ученіемъ объ основѣ научно-хозяйственной теоріи, въ такой-же мѣрѣ затрогивается всѣми важными хозяйственными вопросами, какъ и вопросомъ о цѣнѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не считалъ себя въ-правѣ, только на этомъ основаніи, оставить въ сторонѣ вопросъ о цѣнности: цѣль этого разсужденія не только изслѣдованіе вопроса о колебаніи цѣнъ, самого по себѣ; но еще, по возможности, болѣе полное изслѣдованіе того, что представляетъ по этому вопросу экономическая литература.

Природа надѣлила человѣка потребностями, удовлетворить которымъ онъ можетъ посредствомъ вещей, годныхъ на это по своимъ свойствамъ. Когда мы говоримъ о годности вещей на

удовлетвореніе человѣческимъ потребностямъ, то обращаемъ вниманіе на отношеніе, существующее между потребностями человѣка и свойствами вещей. Это отношеніе называется *полезностью*.

Коль скоро полезность какой-либо вещи *признана* человѣкомъ, то-есть коль скоро какую-либо вещь признали годною на то, чтобъ играть роль въ хозяйственномъ мірѣ, ее начинаютъ *цѣнить*, она получаетъ, въ глазахъ признавшаго, *цѣнность*. Отсюда съ перваго раза мы приходимъ къ тому заключенію, что *цѣнность есть признанная полезность*.

Очевидно, что въ такомъ случаѣ въ этомъ *признаніи* — вся сила цѣнности. Полезность предмета сама по себѣ еще не достаточна для того, чтобъ онъ имѣлъ цѣнность. Какъ сказано, полезность есть отношеніе между потребностями человѣка и свойствами вещей. Понятно, что полезность можетъ существовать помимо того, знаетъ ли человѣкъ что-нибудь объ ея существованіи, или нѣтъ [1]. Пшеница имѣла полезность постоянно, и эту полезность она имѣла какъ для странъ, въ которыхъ она произрастала, такъ и для странъ, въ которыхъ не произрастала: она постоянно годилась на удовлетвореніе человѣческимъ потребностямъ. Но до тѣхъ поръ, пока жители странъ, въ которыхъ она не произрастала, не знали о ней ничего, они ее не цѣнили, она не имѣла *для нихъ* цѣнности, и, пока объ ней никто ничего не зналъ, она вовсе не имѣла цѣнности.

«До сихъ поръ, говоритъ Шеффле, не открыты ни одно существо, ни одна сила, которыя бы не были годны для человѣка. А между тѣмъ, сколько еще предстоитъ сдѣлать откры-

---

[1] *Roessler*, Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. 1844. S. 228. Ср. также *Hasner*, System der polit. Oekon. 1860. Bd. I. S. 1—2, 7 и др. объ объективности элементовъ отношенія, которое называется полезностью. Для *Шеффле* полезность есть «ein rein objectives Verhältniss. Zeitschr. fur gesam. St.-W. Bd. XX. S. 185. *Friedlander*, Theorie des Werthes. S. 42, p. 48.

тій! »[1]. Всѣ эти имѣющія быть открытыми вещества и силы несомнѣнно имѣютъ годность и теперь, когда они еще не открыты. Но *цѣнность* они получатъ только тогда, когда послѣ открытія въ нихъ будетъ *признана* эта годность. Даже открытіе само по себѣ еще не даетъ предмету цѣнности. «Открытія, говоритъ тотъ-же писатель[2], совершаются почти каждый день и каждый часъ, а большая часть открытій и изобрѣтеній не всѣмъ даже становятся извѣстными ». Исторія Фультонова парохода показываетъ, какъ необходимо это сознаніе полезности для цѣнности. До тѣхъ поръ, пока полезности парохода никто не понималъ, не сознавалъ, до тѣхъ поръ его никто не хотѣлъ *цѣнить;* цѣнить его начали только послѣ того, какъ полезность его была сознана.

Точно такъ, какъ предметъ не имѣетъ еще цѣнности потому только, что онъ полезенъ, онъ не теряетъ полезности потому, что потерялъ цѣнность. Какой-либо предметъ въ данное время можетъ быть на основаніи его полезности признанъ годнымъ на то, чтобъ играть роль въ хозяйственномъ мірѣ; но въ другое время онъ не можетъ быть больше признаваемъ годнымъ для этой цѣли. Предметъ въ подобномъ случаѣ потеряетъ цѣнность, но не потеряетъ еще полезности. И понятно, что это такъ и должно быть, ибо полезность предмета не находится ни въ какой зависимости отъ человѣческаго сознанія: она есть отношеніе между потребностями человѣка и свойствами вещей; о человѣческомъ сознаніи тутъ и рѣчи нѣтъ. Ясно, что измѣненіямъ цѣнности нѣтъ никакого дѣла до измѣненій полезности. «Если, говоритъ Рошеръ[3], является новый предметъ, удовлетворяющій лучше потребностямъ человѣка, то старый, нисколько не измѣняясь въ своемъ существѣ, тѣмъ не менѣе теряетъ при оцѣнкѣ».

[1] *Schaffle,* Die Nationalœkonomie. S. 26.

[2] *Schaffle,* тамъ же.

[3] *Roscher,* System etc. Bd. I. S. 6 (§ 4).

Какую слабую роль играетъ въ образованіи цѣнности полезность, по сравненію съ сознаніемъ, ясно изъ того, что иногда вещи, неимѣющія полезности, сами по себѣ негодныя для удовлетворенія потребности человѣка, цѣнятся человѣкомъ. Достаточно только, чтобъ человѣкъ признавалъ полезность, — существуетъ ли она въ самомъ дѣлѣ въ дѣйствительности, или нѣтъ, — и вещь получаетъ цѣнность. Практика показываетъ, что иногда человѣку *кажется*, что онъ имѣетъ потребность, — не то, чтобъ онъ ее дѣйствительно имѣлъ, а она выдумана его головой, она существуетъ только въ его сознаніи, — и онъ начинаетъ цѣнить вещь, которая на его взглядъ удовлетворяетъ выдуманной потребности. Я говорю здѣсь не о ненормальныхъ потребностяхъ, а именно о потребностяхъ выдуманныхъ. Первыя все-таки существуютъ и даютъ себя чувствовать тѣмъ, что коль скоро онѣ не удовлетворены, то имѣющій хотя-бы и ненормальныя потребности чувствуетъ непріятныя ощущенія. Совершенно другаго рода выдуманная потребность: она не имѣетъ никакого реальнаго существованія; тѣмъ не менѣе она можетъ подать поводъ къ появленію цѣнности. — Съ другой стороны, у человѣка можетъ быть дѣйствительная потребность, но онъ ошибается на-счетъ вещи, которая годится для удовлетворенія этой потребности. Вещь, которую онъ признаетъ годною, можетъ въ самомъ дѣлѣ вовсе не годиться, ея годность существуетъ только у него въ головѣ, а не въ дѣйствительности, и тѣмъ не менѣе — опять-таки возникнетъ цѣнность [1].

Сказанное даетъ намъ возможность понять, почему политико-экономы, опредѣляя цѣнность, обращаютъ только вниманіе на субъективный моментъ.

---

[1] Ср. *J.-St.-Mill*, Grundsätze der polit. Oek. 1864. S. 6. *Scialoja*, Principes d'écon. sociale. 1844, p. 21. *J.-B.-Say*, Traité d'écon. politique, 1842, p. 606; *Bastiat*, Oeuv. comp. T. VI, p. 146 — 147, 165 и др.

«О вещи говорятъ, что она полезна, пишетъ Кондильякъ, когда она годится для нашихъ потребностей; что она безполезна, когда она для этого не годится. Смотря по этой полезности, мы ее цѣнимъ болѣе или менѣе, то-есть мы объ ней думаемъ, что она болѣе или менѣе для насъ годна. Въ этомъ послѣднемъ и заключается цѣнность. Сказать о какой-нибудь вещи, что она *цѣнна*, значитъ сказать, что мы считаемъ ее годною для употребленія» [1].

На эту необходимость субъективнаго момента для цѣнности указываетъ и Тюрго. L'arrêt que notre jugement porte sur l'utilité des choses constitue leur valeur — говоритъ Шторхъ.

«Для существованія цѣнности необходимо: 1) чтобы человѣкъ чувствовалъ какую-нибудь потребность; 2) чтобы существовалъ предметъ, годный для удовлетворенія этой потребности; 3) чтобъ наше сужденіе высказалось объ этой годности» [2].

По Лотцу, человѣческій духъ, признавая въ вещи годность на удовлетвореніе человѣческимъ потребностямъ, чрезъ это извлекаетъ ее изъ круга вещей безразличныхъ (Dinge an sich) и перемѣщаетъ въ кругъ *благъ*. О цѣнности же, по его мнѣнію, заходитъ рѣчь при хозяйственной градаціи *этихъ благъ* [3]. *Рау* опредѣляетъ цѣнность «признанною человѣческимъ сужденіемъ степенью полезности» [4]; *Росси* — «выраженіе отношенія между потребностями человѣка и свойствами вещи» [5], *Рошеръ* — «значеніе блага для хозяйственнаго сознанія человѣка» [6], *Книсъ* —

---

[1] *Mannequin*, Travail et liberté. 1863. T. I, p. 17—18.

[2] Цитата у *Bastiat*, Oeuv. comp. T. VI, p. 191.

[3] *Lotz*, Revision der Grundbegriffe etc. 1811. Bd. I. S. 8, 13 (§ 3, 4)

[4] *Rau*, Grundsätze der Volkswirthschaftslehre. 1863. Bd. I. S. 70 (§ 57).

[5] *Rossi*, Cours d'écon. polit. 1843. T. I, p. 71.

[6] *Roscher*, System etc. Bd. I. S. 6 (§ 4).

«степень признанной годности *благъ*» [1]; *Шеффле* — «признанная полезность *блага*»; [2] *Фридлендеръ* [3] — «цѣнность есть признанная сужденіемъ пропорція, въ которой благо можетъ годиться для человѣка».

Итакъ, сознаніе о годности вещи на то, чтобъ играть роль въ хозяйственномъ мірѣ, даетъ ей цѣнность. Вслѣдствіе измѣненія сознанія о годности всегда должна измѣняться и цѣнность. Не трудно замѣтить, что измѣненія цѣнности должны происходить по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что измѣняются потребности человѣка, или свойства вещей, то есть измѣняется одинъ изъ элементовъ отношенія, которое мы называемъ полезностью. Во-вторыхъ, полезность предмета можетъ остаться безъ перемѣны, но измѣненіе цѣнности произойдетъ вслѣдствіе перемѣны въ сознаніи, — перемѣны, которая можетъ обусловливаться полезностью, но можетъ еще обусловливаться и другими обстоятельствами. Хозяйственный бытъ, составляя только извѣстную сторону человѣческаго быта, имѣетъ, точно такъ, какъ этотъ послѣдній, свою исторію. Но если такъ, если хозяйственный бытъ въ одно время не тотъ, что въ другое, то, понятно, что вещи, признанныя годными играть роль при одномъ хозяйственномъ бытѣ, могутъ потерять эту годность, когда хозяйственный бытъ переходитъ въ другой фазисъ историческаго развитія, и потерять цѣнность. Но развитіе хозяйственнаго быта обусловливается не только тѣмъ, что мѣняются потребности человѣка; *развитіе хозяйственнаго сознанія есть главная причина историческаго развитія хозяйства.* Развитіе же хозяйственнаго сознанія можетъ обусловливаться самыми разнообразными

[1] *Knies*, Die wirthschaftliche Lehre vom Werth. въ Zeitschr. f. d. ges. St.-W. Bd. XIV. S. 428.

[2] *Schaffle*, Die Nationalœkonomie. S. 93, еще въ Zeitschr. f. d. g. St.-W. Bd. XX. S. 578 и др.

[3] *Friedländer*, Die Theorie des Werthes. 1853. S. 48.

причинами, и въ такомъ случаѣ всѣ онѣ будутъ принимать участіе въ перемѣнѣ цѣнности [1]. Напр., когда-то человѣкъ цѣнился какъ животное; причины, по которымъ рабовладѣлецъ цѣнилъ такъ человѣка, не измѣнились, на-сколько мы будемъ имѣть въ виду цѣнимый объектъ, но есть перемѣна въ цѣнящемъ объектѣ. Перемѣна эта вовсе не обусловливается тѣмъ, что человѣкъ потерялъ способность быть рабомъ, а тѣмъ, что насталъ теперь такой періодъ хозяйственнаго быта, когда уже нельзя, какъ при рабовладѣльческомъ бытѣ, цѣнить человѣка, какъ животное, какъ бы человѣкъ для этого ни годился. Перемѣна хозяйственнаго сознанія произвела то, что прежняя основа, по которой можно было цѣнить человѣка какъ животное, стала теперь невозможною. Пропала основа, по которой можно было признавать полезность — пропало и признаніе, а съ нимъ и цѣнность.

Сказанное даетъ намъ возможность понять положеніе, принятое всѣми политико-экономами и чрезвычайно важное въ ученіи о цѣнности. Положеніе это заключается въ томъ, что цѣнность не есть какое-либо качество, тѣсно связанное съ вещью, ингерентное ей. Такъ-какъ безъ человѣческаго сознанія вещь не можетъ имѣть цѣнности, то понятно, что цѣнность, какъ говоритъ Росси, « не заключаетъ въ себѣ ничего исключительно объективнаго » [2].

Вспомнивъ однако опредѣленія цѣнности, приведенныя выше, не трудно замѣтить, что большая часть изъ нихъ мало ладитъ съ этимъ положеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть поли-

---

[1] *Schäffle*, Preise. l. c. S. 203.

[2] *Rossi*, Cours d'écon. pol. T. I, p. 56; *Lotz*, Handb. der St.-W.-L. Bd. I. S. 35—36; *Say*, Cours compl. d'écon. pol. T. I, p. 67; *J.-St.-Mill*, Grundsatze der pol. Oec. S. 327; *Bastiat*, Harmonies économiques. 5-me éd. 1854 (Oeuv. comp. T. VI), p. 189—190 и др. *Courcelle-Seneuil*, Traité d'écon. pol. T. I, p. 257; *Mangoldt*, Grundriss der V.-W.-L. S. 2 (§ 2).

тико-экономовъ опредѣляютъ цѣнность, какъ *количество* чего-то. Писатель, который въ послѣднее время больше всего обращалъ вниманіе на субъективный моментъ въ цѣнности и въ этомъ субъективномъ моментѣ ставилъ всю суть цѣнности, все-таки называетъ ее «*субъективно-взвѣшенною* полезностью»[1]. По мнѣнію Книса, «понятіе о цѣнности принадлежитъ къ тѣмъ относительнымъ понятіямъ, которыя основываются на количественныхъ отношеніяхъ». То-же говорили и другіе писатели, которые полагали, что цѣнность не мыслима безъ сравненія[2]. Въ этомъ данномъ случаѣ возможно сравненіе только съ количественной стороны. Поэтому понятно, какъ цѣнность могла выражать количество.

Мы видѣли, какую роль полезность играетъ при образованіи цѣнности. Какъ бы важна эта роль ни была, ясно однако, что полезность и цѣнность суть категоріи совершенно различныя, — различныя уже потому, что цѣнность есть нѣчто по существу хозяйственное, тогда какъ полезность вовсе не есть хозяйственный фактъ. Словомъ «цѣнить» выражается извѣстный хозяйственный актъ, а словомъ «цѣнность» — результатъ этого акта. Но если сущность цѣнности въ этомъ актѣ, то она не можетъ выражать степени полезности. *Степень полезность есть нѣчто совершенно объективное*, независящее отъ человѣческаго сужденія. Говорить, что цѣнность не есть нѣчто совершенно объективное и потомъ полагать, что градація полезности существенна для цѣнности, значитъ совмѣщать логически несовмѣстимое.

Есть еще другое, гораздо болѣе важное, замѣчаніе противъ того мнѣнія, будто цѣнность означаетъ степень, количество. По-

---

[1] *Schaffle*, Preise. l. c. S. 202.

[2] *Knies*, Die nationalœconomische Lehre vom Werth, l. c. S. 422—423; *J.-B.-Say*, Cours d'écon. pol. T. I, p. 70—71; *Carey*, Principes de la science sociale. T. I, p. 169.

нятіе о цѣнности чрезъ то становится конкретнымъ, оно теряетъ свою абстрактность, которая, какъ увидимъ ниже, считается, и справедливо, существеннымъ ея признакомъ: она начинаетъ превращаться въ цѣну.

Степень, градація — относятся до полезности, а не до знанія, и могутъ существовать помимо послѣдняго, тогда какъ цѣнность помимо послѣдняго существовать не можетъ. Сравнимъ соху, простой плугъ и паровой плугъ. Въ одно время цѣнится соха, за-тѣмъ она теряетъ цѣнность, ее получаетъ простой плугъ, но соха сама по себѣ все еще годится, она не потеряла полезности. За-тѣмъ по изобрѣтеніи пароваго плуга потеряетъ цѣнность простой плугъ, хотя, онъ, мало того, что не потерялъ полезности, но этой полезности въ немъ больше, нежели въ сохѣ.

Ясно, что градація полезности есть нѣчто совершенно объективное; если Шеффле правъ, говоря: кто умѣетъ отличать цѣнность отъ полезности, тотъ поймете, что онѣ составляютъ совершенно самостоятельныя категоріи»[1], то, въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ цѣнность можетъ быть степенью полезности?

Выраженіе «степень *признанной* полезности» ничуть не измѣняетъ дѣла. «Степень» относится не до признанія, а до полезности. Если мы полезность назовемъ объективнымъ моментомъ цѣнности, а признаніе субъективнымъ, то очевидно, что степень относится къ объективному моменту, а не къ субъективному, ибо этотъ послѣдній, уже потому что онъ субъективный, не допускаетъ градаціи.

Всѣ тѣ политико-экономы, которые опредѣляютъ цѣнность степенью полезности, говорятъ за-тѣмъ о степеняхъ цѣнности. Ясно неудобство, отсюда проистекающее: оно и было замѣчено Шеффле, хотя онъ не постарался его устранить[2].

---

[1] *Schäffle* въ Zeit. f. d. gesammte Staatswissen. Bd. XX. S. 578; *Lotz*, Handb. der St.-W.-L. Bd. I. S 39.

[2] *Schaffle*, Preise, l. c. S. 203. Чрезъ это неудобство *Hasner*, Syst. der pol. Oek. Bd. I. S. 7, Anm. 2, считаетъ опредѣленіе невѣрнымъ.

Я старался до сихъ поръ передать ученіе о цѣнности съ той точки зрѣнія, съ которой оно излагается у политико-экономовъ; съ этой-же точки зрѣнія я сдѣлалъ замѣчанія къ мѣстамъ, которыя мнѣ казались болѣе слабыми въ теоріи. Прежде, чѣмъ я перейду къ разбору ея съ другой точки зрѣнія, которая мнѣ кажется болѣе справедливой, я изложу еще важное въ теоріи цѣнности ученіе *о видахъ цѣнности.*

Ад. Смитъ, заговоривъ о цѣнности, указалъ на двоякій смыслъ, который имѣетъ это слово. «Слово цѣнность, говоритъ онъ, употребляется въ двоякомъ смыслѣ: иногда оно означаетъ *полезность* предмета; иногда же оно означаетъ *способность, которую предметъ даетъ своему владѣльцу* покупать другіе товары. *Цѣнность* въ первомъ смыслѣ можно бы назвать *цѣнностью потребленія,* — во второмъ смыслѣ ее можно назвать *мѣновою цѣнностью*». Вѣроятно для того, чтобъ сдѣлать указанное имъ различіе между цѣнностью потребленія и мѣновою цѣнностью еще болѣе яснымъ, Смитъ непосредственно за-тѣмъ продолжаетъ: «предметы, которые имѣютъ большую цѣнность потребленія, не имѣютъ часто никакой мѣновой цѣнности, и на-оборотъ, предметы, имѣющіе большую мѣновую цѣнность, часто имѣютъ очень мало цѣнности потребленія. Врядъ ли что-либо полезнѣе воды, между тѣмъ на нее нельзя ничего купить, ее ни на что нельзя обмѣнять. Бриллiантъ, на-оборотъ, не имѣетъ почти никакой цѣнности потребленія, а между тѣмъ его очень часто обмѣниваютъ на большія количества другихъ товаровъ»[1].

Изъ этого разъясненія Смита видно, что онъ хотѣлъ противупоставить указанныя имъ двоякаго рода цѣнности, какъ раз-

---

Противъ опредѣленія, впрочемъ, писали уже *Soden* и *Herrmann* (См. *Hasner*, тамъ-же).

[1] *Adam Smith*, Richesse des nations. éd. in 16°. 1859 г. T. I, p. 119—120.

личныя другъ отъ друга. Если Смитъ, едва упомянувъ о цѣнности, тотчасъ-же считаетъ необходимымъ указать на различіе между двоякаго рода цѣнностями, — если онъ говоритъ, что это различіе имѣетъ свою основу въ дѣйствительности, — то отсюда можно заключить, что значеніе, которое имѣетъ это различіе, фундаментально въ наукѣ. Такимъ его дѣйствительно признаютъ авторитеты, какъ напр.: Сей [1], Рошеръ [2], Книсъ [3] и др.

Какое же это значеніе, какой смыслъ имѣетъ раздѣленіе Ад. Смита и указанное имъ различіе? Отвѣтомъ на это можетъ быть для насъ то обстоятельство, что Смитъ говоритъ о различіи между цѣнностью потребленія и мѣновою цѣнностью послѣ того, какъ переходитъ къ изложенію правилъ, которыми люди руководствуются при обмѣнѣ, иначе — къ теоріи цѣнъ.

Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что первый вопросъ, которымъ задается приступающій къ изслѣдованію цѣнъ будетъ: отчего одни предметы имѣютъ цѣну, а другіе ея не имѣютъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ томъ, что одни предметы мы цѣнимъ, а другіе не цѣнимъ. Но отвѣтъ этотъ еще крайне недостаточенъ. Если и правда, что мы цѣнимъ предметы, имѣющіе цѣну, то не всѣ предметы, которые имѣютъ цѣнность, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣну. Мало того: мы называемъ безцѣнными такіе предметы, которые ни на что не годны (купить за безцѣнокъ — купить почти даромъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ мы называемъ безцѣнными такія блага, которыхъ годность очень велика. Такъ, нравственныя блага мы называемъ безцѣнными. Короче, можно *цѣнить* многое, чего нельзя *оцѣнивать*.

Очевидно, что слово цѣнность заключаетъ въ себѣ двусмыс-

---

[1] *J.-B.-Say* въ примѣчаніяхъ къ *Ricardo*, Oeuvres complètes. 1848 г. p. 6.

[2] *Roscher*, System etc. Bd. I. S. 8 (§ 5 nota 5).

[3] *Knies*, Die Lehre vom Werth, l. c. S. 421.

ленность и эту двусмысленность нужно раскрыть. Иначе мы не узнаемъ, какіе предметы имѣютъ цѣну, какіе—нѣтъ. Предметы, имѣющіе цѣну, очевидно, должны имѣть цѣнность особаго рода, не такую, какую имѣютъ предметы, неимѣющіе цѣны.

Отсюда ясно, какую важность для изслѣдователя цѣны имѣетъ анализъ цѣнности и двусмысленности, въ ней заключающейся.

Ад. Смитъ далъ такія опредѣленія мѣновой цѣнности и цѣнности потребленія, посредствомъ которыхъ ихъ нельзя отличить другъ отъ друга. Это, какъ мы увидимъ ниже, замѣтили нѣмецкіе политико-экономы на первыхъ порахъ уже. Но что всего удивительнѣе, такъ это то, что Ад. Смитъ вовсе не обратилъ вниманія на цѣнность потребленія. Онъ какъ будто нарочно отдѣлилъ ее отъ мѣновой цѣнности, чтобъ свободнѣе заниматься послѣднею. Это оказало значительное вліяніе на его англійскихъ и французскихъ послѣдователей. «Ад. Смитъ, говоритъ Рошеръ, не обратилъ вниманія на цѣнность потребленія и въ этомъ отношеніи нашелъ между земляками учениковъ и послѣдователей весьма односторонніхъ»[1]. Смитъ опредѣлилъ цѣнность потребленія чрезъ полезность, которую предметъ имѣетъ: такъ его буквально и поняли послѣдователи. Мальтусъ, напримѣръ, опредѣляя цѣнность потребленія, говоритъ: «она есть синонимъ полезности»[2].

Сей дѣлитъ богатства на естественныя и общественныя и находитъ, что цѣнность потребленія составляетъ въ богатствѣ ту часть, которая есть нѣчто естественное, а такъ-какъ, по его мнѣнію, политической экономіи нѣтъ никакого дѣла до естественныхъ богатствъ, то потому онъ и находитъ, что цѣнность

---

[1] *Roscher*, System etc. Bd. I. S. 8 (§ 5 nota 5). Ср. *Lotz*, Handb. der St.-W.-L. Bd. I. S. 133. *Friedländer*, Theorie des Werthes. S. 5.

[2] *Malthus*, Principes d'économie politique etc. 1846, p. 520.

потребленія не подлежитъ изслѣдованію политико-экономa [1]. Ясно, что онъ отожествляетъ полезность съ цѣнностью потребленія и первую не считаетъ хозяйственною категоріей.

Дж.-Ст. Миль также отожествляетъ цѣнность потребленія съ полезностью [2]. Это-же самое дѣлаетъ и Рикардо [3].

Бастіа не хотѣлъ знать другой цѣнности, кромѣ мѣновой. Цѣнность потребленія, по его мнѣнію, была выдумана съ заднею цѣлью [4]. «Воздухъ, говоритъ онъ, есть даровое благо, онъ не имѣетъ цѣнности. Экономисты говорятъ: онъ не имѣетъ мѣновой цѣнности, но онъ имѣетъ цѣнность потребленія. Э, господа! Охота вамъ отнимать всякій вкусъ у науки? Почему не сказать прямо: онъ не имѣетъ цѣнности, а имѣетъ полезность?» [5]. И здѣсь видимъ то-же самое, что и у Сея: отожествленіе цѣнности потребленія съ полезностью и потомъ, — на справедливомъ основаніи, что полезность не есть хозяйственная категорія, — выключеніе ея изъ круга научно-хозяйственныхъ изслѣдованій.

Совершенно противуположный взглядъ мы находимъ у Росси. «Много есть писателей, говоритъ онъ, для которыхъ только мѣновая цѣнность есть экономическій фактъ; понятіе же о цѣнности потребленія они разсматриваютъ, какъ чистое обобщеніе, которому можно пожалуй оказать честь, упомянувъ о немъ въ началѣ, чтобъ потомъ его совершенно забыть. — Слѣдуетъ сказать, что такое пониманіе подрываетъ науку въ ея основаніяхъ и извращаетъ ея природу» [6]. И за-тѣмъ онъ доказываетъ необходимость и важность этой категоріи для хозяйственной науки.

---

[1] *J.-B.-Say*, Traité d'écon. pol. p. 315; Cours d'écon. pol. T. I, p. 63—64, 69.

[2] *J.-St. Mill*, Grundsätze der pol. Oecon. S. 308.

[3] *D. Ricardo*, Oeuvres complètes. pp. 6—7.

[4] *Bastiat*, Oeuvres complètes. T. VI, p. 171.

[5] Ib. T. IV, p. 405.

[6] *Rossi*, Cours d'écon. pol. T. I, p. 65

Если полезность и цѣнность суть категоріи существенно различныя, если между ними разница — та, что первая исключительно объективна, тогда какъ во второй нѣтъ ничего исключительно объективнаго и существеннѣйшій моментъ въ ней — субъективный, то очевидно, что какая бы тамъ ни была цѣнность,— потребленія или мѣновая, — во всякомъ случаѣ она должна быть категорія отличная отъ полезности и съ тѣмъ-же характеристическимъ признакомъ. Мы въ этомъ убѣдимся тотчасъ, какъ перейдемъ къ ихъ подробному анализу.

Ад. Смитъ, мы видѣли, отличаетъ цѣнность потребленія отъ мѣновой цѣнности тѣмъ, что первая означаетъ вообще полезность предмета, вторая способность покупать, которую получаетъ человѣкъ, когда онъ владѣетъ предметомъ. Если мы вспомнимъ дальнѣйшее разъясненіе, которымъ, очевидно, онъ хотѣлъ сдѣлать болѣе рельефнымъ это различіе между ними и противупоставить ихъ другъ другу, — то ясно будетъ, что опредѣленія мало годятся для этой цѣли. Если цѣнность потребленія означаетъ полезность предмета, а мѣновая цѣнность — покупательную силу, то очевидно, что мѣновая цѣнность есть только извѣстнаго рода полезность, — такъ-какъ способностью покупать предметъ приноситъ своему владѣльцу то-же извѣстнаго рода пользу. «Эту недостаточность смитовскихъ опредѣленій, говоритъ Лотцъ, замѣтилъ еще Гуфеландъ, но онъ самъ не съумѣлъ дать лучшихъ опредѣленій... Очевидно однако, что смитовскія опредѣленія вовсе негодятся для той цѣли, для которой предназначены. Они вовсе не указываютъ на тѣ характеристическія черты, которыми цѣнность потребленія и мѣновая цѣнность отличаются другъ отъ друга» [1].

Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро существуетъ понятіе «цѣнность», оно должно имѣть свой смыслъ независимо отъ того, что оно

[1] *Lotz*, Revision der Grundbegriffe der N.-W.-L. Bd. I. S. 27—28.

означаетъ черезъ добавленіе къ нему различныхъ приставокъ. Понятіе это взято изъ дѣйствительности; научнымъ анализомъ считаютъ необходимымъ разбить его на двѣ части, изъ которыхъ каждая опредѣляется отдѣльно; но все это опять-таки не мѣшаетъ, чтобъ само это слово сохранило свой смыслъ. Ясно еще, что такъ-какъ цѣнность потребленія и мѣновая цѣнность суть только виды одного и того-же рода, то необходимо, чтобъ онѣ и сохранили слѣды этого; но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо, чтобы обѣ онѣ рѣзко отличались другъ отъ друга. Не будь между ними рѣзкаго различія, не чего было бы дѣлить родъ на виды. Коль скоро какая-либо вещь, возьмемъ въ примѣръ физическую, однообразна во всѣхъ своихъ частяхъ по своимъ свойствамъ, то мы можемъ, по раздѣленіи ея на части, разсматривать эти части, какъ количественно, а не качественно, различающіяся другъ отъ друга. Но Смитъ своимъ разъясненіемъ показалъ, что онъ видѣлъ между цѣнностью потребленія и мѣновою цѣнностью не одну количественную разницу, но и качественную.

Росси, защищающій необходимость изслѣдованія цѣнности потребленія, долженъ былъ дать какъ ей, такъ и мѣновой цѣнности отдѣльныя опредѣленія. Но его опредѣленія мало разъясняютъ дѣло. «Предметы, говоритъ онъ, могутъ удовлетворять потребностямъ человѣка прямо или косвенно. Вмѣстѣ съ Ад. Смитомъ, я называю *первый видъ полезности* — цѣнностью потребленія, это — способность непосредственно удовлетворять потребностямъ человѣка; второй *видъ полезности* я называю мѣновою цѣнностью, это — *способность* доставить намъ посредствомъ мѣны предметы, годные для непосредственнаго удовлетворенія потребностямъ» [1].

На это Мангольдтъ справедливо замѣчаетъ, что непосредственно удовлетворяютъ человѣческимъ потребностямъ одинаково какъ

[1] *Rossi*, Cours d'écon. pol. T. I, p. 56.

ломъ, имѣющій мѣновую цѣнность, такъ и ломъ не имѣющій мѣновой цѣнности. «Предметы, имѣющіе мѣновую цѣнность, составляютъ только видъ или часть предметовъ, косвенно удовлетворяющихъ потребностямъ человѣка» [1].

Способность прямо или косвенно удовлетворять потребностямъ человѣка обусловливается свойствами вещей, чѣмъ-то совершенно объективнымъ. Если Росси чрезъ эту способность опредѣляетъ виды цѣнности, то онъ этимъ противурѣчитъ высказанному имъ положенію, что цѣнность не заключаетъ въ себѣ ничего исключительно объективнаго. Это впрочемъ само по себѣ очевидно изъ того, что онъ оба вида цѣнности называетъ *видами полезности*.

Опредѣленія Росси отличаются отъ опредѣленій Смита тѣмъ, что если Смитъ называетъ цѣнность потребленія полезностью вообще и потомъ изъ мѣновой цѣнности дѣлаетъ видъ полезности или цѣнности потребленія, — то Росси оба вида цѣнности называетъ видами полезности. Но эта разница только кажущаяся, и самъ Росси мало придаетъ ей значенія.

Въ самомъ дѣлѣ, на той-же страницѣ, на которой Росси даетъ опредѣленіе цѣнности потребленія, приведенное нами выше, онъ опредѣляетъ ее еще и такъ: «цѣнность, говоритъ онъ, есть выраженіе отношенія между свойствами вещей и потребностями человѣка» [2]. Но точно такъ-же онъ опредѣляетъ и цѣнность вообще [3]. Такимъ образомъ онъ отожествляетъ цѣнность вообще съ цѣнностью потребленія; не удивительно поэтому, если изъ цѣнности мѣновой онъ дѣлаетъ видъ цѣнности потребленія. «Мѣновая цѣнность есть только форма цѣнности потребленія» [4].

---

[1] *Mangoldt*, въ Deutsch. Staatswörterbuch von Bluntschli и Broter, s. v. Gut. Bd. IV. S. 562.

[2] *Rossi*, Cours d'écon. pol. T. I, p. 56.

[3] Ib. p. 71.

Разницы между Смитомъ и Росси не оказывается, такимъ образомъ, никакой: Росси ни на волосъ не подвинулъ вопроса впередъ.

Ад. Смитъ, замѣтили мы выше, упустилъ изъ виду цѣнность потребленія; мы должны еще къ этому прибавить, что цѣнность мѣновую онъ отожествилъ съ цѣной. То-же самое сдѣлали и его англійскіе и французскіе послѣдователи. Излагая ученіе о мѣновой цѣнности (или цѣнности просто, такъ-какъ слово цѣнность безъ эпитета означаетъ мѣновую цѣнность), они въ сущности излагали ученіе о цѣнѣ. Послѣдній, по времени, французъ, занимавшійся теоріей цѣнности, пришелъ къ тому выводу, что цѣнность и цѣна — одно и то-же. «Филологъ, говоритъ онъ, можетъ толковать про то, что цѣна и цѣнность различныя слова; для политико-экономa оба понятія тождественны: они выражаютъ одинъ и тотъ-же фактъ, котораго нельзя обозначать двумя способами» [1]. Кромѣ того онъ доказываетъ, что всѣ знаменитѣйшіе политико-экономы французскіе и англійскіе — Ло, Кондильячъ, Тюрго, Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, Сей, Росси, Бастіа и др., всѣ тоже смѣшивали цѣну съ цѣнностью [2].

Нѣмецкіе политико-экономы, какъ мы видѣли выше, заботились о томъ, чтобъ разъяснить цѣнность больше. Не меньше стараній мы замѣтимъ и по вопросу о видахъ цѣнности.

«Два вида одного и того-же рода, говоритъ Книсъ, приступая къ изслѣдованію видовъ цѣнности, должны имѣть то общее между собою, что̀ характеризуетъ ихъ родъ; но за-то тотъ признакъ, который служитъ для спеціальной характеристики одного вида, долженъ быть противуположенъ признаку, которымъ мы спеціально характеризуемъ другой видъ. Цѣнность потребленія и мѣновая цѣнность должны прежде всего зарекомендовать

[1] *Mannequin*, Travail et liberté. T. I, p. 131.

[2] Ib. pp. 11, 19, 28, 38—39, 47, 48, 53, 58, 75 и др.

себя какъ цѣнности; точно такъ, какъ стулъ и столъ одинаково суть домашняя утварь. Но, за-тѣмъ, то, что дѣлаетъ изъ *цѣнности вообще* цѣнность потребленія, должно находиться съ тѣмъ, что изъ *цѣнности вообще* дѣлаетъ мѣновую цѣнность, по логическому родству, въ противуположеніи»[1].

Правило это чрезвычайно важно. Вѣрность его въ-рядъ ли кто-либо станетъ оспаривать, такъ-какъ на немъ основана возможность специфицировать.

Первое требованіе этого правила заключается въ томъ, чтобъ оба вида сохранили признакъ, характеризующій родъ. Если сущность цѣнности составляетъ субъективный моментъ, то это должно отразиться и на ея видахъ. Специфицированіе будетъ заключаться въ томъ, что къ этому общему признаку мы прибавимъ еще одинъ признакъ. Иначе говоря, цѣнность мы сдѣлаемъ менѣе абстрактной, чтобъ чрезъ то получить возможность пояснить то, что намъ нужно.

Мы видѣли, что Лотцъ остался недоволенъ опредѣленіями Смита и Гуфеланда. Посмотримъ теперь, какъ онъ самъ поправилъ дѣло.

«Если я не ошибаюсь, говоритъ онъ, то о цѣнности потребленія можно говорить въ болѣе широкомъ и болѣе тѣсномъ смыслѣ. Въ первомъ смыслѣ имѣетъ цѣнность потребленія всякая вещь, которая въ какомъ бы то ни было отношеніи имѣетъ годность для какой-нибудь человѣческой цѣли. Въ этомъ смыслѣ цѣнность потребленія и цѣнность мѣновая тождественны. Если мы цѣнность потребленія будемъ считать годностью для удовлетворенія какой-либо человѣческой цѣли, — то тогда о цѣнности потребленія и мѣновой цѣнности нельзя говорить, какъ о понятіяхъ противоположныхъ и взаимно другъ друга исключающихъ. Мѣновая цѣнность сливается въ подобномъ случаѣ въ одну категорію съ

[1] *Knies*, Die Lehre vom Werth. l. c. S. 427.

цѣнностью потребленія; она есть не болѣе, какъ особенная, извѣстная цѣнность потребленія, потому что назначеніе вещи къ обмѣну есть только одинъ изъ видовъ ея употребленія.

«Если же мы хотимъ цѣнность потребленія противупоставить мѣновой цѣнности и притомъ такъ, чтобъ онѣ другъ друга исключали, то намъ нужно первую понимать въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Нужно каждому изъ видовъ дать такіе признаки, по которымъ бы ихъ было возможно наверно и точно узнать. Характеристическій признакъ цѣнности потребленія не можетъ однако быть какой-либо другой, какъ только годность вещи, для одной или болѣе *опредѣленныхъ* цѣлей *опредѣленнаго индивидуума*, который этимъ благомъ обладаетъ, или по крайней мѣрѣ желаетъ обладать. А характеристическаго признака мѣновой цѣнности нельзя нигдѣ искать, кромѣ какъ въ годности блага на то, чтобъ чрезъ него путемъ обмѣна можно было добыть другое благо, все равно, будетъ ли это другое благо съ цѣнностью потребленія или съ мѣновою цѣнностью»[1].

Я привелъ все это мѣсто изъ Лотца потому, что позднѣйшіе германскіе политико-экономы только повторяли его, ничего отъ себя не прибавляя. Такъ-что недостатки Лотца всецѣло отражаются и на нихъ.

«Степень годности, говоритъ Рау, которую имѣетъ благо на то, чтобъ доставить своему владѣльцу, когда онъ самъ его затрачиваетъ для какой-нибудь цѣли, *преимущество, имъ самимъ чувствуемое* и не происходящее отъ того, что оно получено за извѣстное возмездіе отъ посторонняго человѣка, называется цѣнностью потребленія»[2].

«Когда мы цѣнность разсматриваемъ съ точки зрѣнія того, кто *непосредственно самъ желаетъ потребить* предметъ, тогда

---

[1] *Lotze*, Revision der Grundbegriffe der N.-W.-L. Bd. I. S 29—30.

[2] *Rau*, Grundsätze der V.-W.-L. S. 74 (§ 60).

она намъ является цѣнностью потребленія. А *значеніе* блага для цѣли быть обмѣненнымъ на другія блага есть мѣновая цѣнность». Такъ говоритъ *Рошеръ* [1].

По мнѣнію *Германа*, непосредственная примѣнимость блага *на пользу самаго владѣльца* есть цѣнность потребленія, а мѣновая цѣнность есть *способность* быть отданнымъ въ обмѣнъ за эквивалентъ [2].

«Цѣнность потребленія, по Шеффле, относится къ значенію, которое цѣнящій субъектъ признаетъ въ благѣ *для своихъ личныхъ цѣлей*. А мѣновая цѣнность есть та, которую благо имѣетъ вслѣдствіе его мѣноспособности» [3].

Наконецъ, по Мангольдту «*способность* блага быть обмѣненнымъ на другія блага есть мѣновая цѣнность, которая противупоставляется цѣнности потребленія или признанной кѣмъ-нибудь въ благѣ годности быть употребленной *въ собственномъ* хозяйствѣ» [4].

Изъ всѣхъ этихъ цитатъ мы видимъ, что, по мнѣнію большинства нѣмецкихъ политико-экономовъ, существенною частью въ понятіе цѣнности потребленія входитъ конкретный моментъ. Цѣнность потребленія благо имѣетъ не вообще для человѣка, а только для какого-либо *даннаго лица*.

Несмотря однако на единогласіе писателей по этому пункту, мы напрасно будемъ искать у кого бы то ни было изъ нихъ доказательства этого,—основанія, почему они такъ думаютъ.

Не удивительно поэтому, если Книсъ это оспариваетъ въ извѣстной монографіи о цѣнности. Онъ самъ опредѣляетъ ее такъ: «Цѣнность есть степень той годности благъ, которая означаетъ

---

[1] *Roscher*, System etc. Bd. I. S. 6 (§ 4) и S. 7.

[2] *Friedlander*, Theorie des Werthes. SS. 29, 48.

[3] *Schäffle*, Die Nationaloekonomie. S. 95.

[4] *Mangoldt*, Grundsätze der V.-W.-L. 1863. S. 3.

какъ *полезное* ихъ *дѣйствіе* (Nutzeffect), когда они потребляются, такъ и полезное ихъ дѣйствіе, когда они обмѣниваются. Въ этомъ опредѣленіи Книсъ видитъ достаточно основанія для раздѣленія мѣновой цѣнности отъ цѣнности потребленія, и для необходимаго ихъ противупоставленія. «Необходимо нужно, говоритъ онъ[1], чтобъ критеріуму, которымъ характеризуется одинъ изъ двухъ видовъ, непремѣнно соотвѣтствовалъ другой въ другомъ видѣ, собственно для противупоставленія. Можно противупоставить другъ другу цвѣтникъ и огородъ, но — не цвѣтникъ и большой огородъ». Въ этомъ-то, по мнѣнію Книса, и заключается логическій камень преткновенія въ обыденныхъ опредѣленіяхъ. Обыкновенно, при опредѣленіи цѣнности потребленія, прибавляютъ къ слову *годность* или *полезность* еще — «*для даннаго лица, для владѣтеля*», и чрезъ то, что при опредѣленіи мѣновой цѣнности нѣтъ никакой соотвѣтствующей прибавки, пропадаетъ всякая симметрія противуположенія. Затрата блага «на потребленіе» и затрата его «на обмѣнъ» — здѣсь есть соотвѣтствіе; но когда мы говоримъ затрата блага «на обмѣнъ» и затрата его «на потребленіе *даннаго лица*», то тутъ теряется всякое соотвѣтствіе. Что эта прибавка имѣетъ важность, для Книса ясно изъ того, какія послѣдствія выходятъ, если мы ее поперемѣнно прибавляемъ то къ опредѣленію мѣновой цѣнности, то къ опредѣленію цѣнности потребленія. Въ первомъ случаѣ она не имѣетъ никакого смысла: и безъ того, если кто-либо затрачиваетъ благо на обмѣнъ, то онъ его владѣлецъ. Во второмъ случаѣ, опредѣленіе цѣнности потребленія искажается, и оно получаетъ совершенно другой смыслъ. Книсъ полагаетъ, что это еще болѣе придаетъ вѣсу его формальнымъ опроверженіямъ. Если дѣйствительно измѣняется объясненіе цѣнности потребленія, смотря потому, прибавляемъ ли мы или отнимаемъ эту приставку, то она въ такомъ случаѣ достойна серьезнаго анализа.

[1] *Knies*, Die Lehre vom Werth. 1, c. S. 427, 428.

Если-бъ Книсъ сдѣлалъ этотъ анализъ, то онъ хоть какъ-нибудь да пополнилъ бы пробѣлъ, на который мы выше указали,— который, именно, заключается въ отсутствіи разъясненія, почему конкретный моментъ играетъ такую роль въ цѣнности потребленія. Правда, Книсъ могъ бы только доказать противуположное, но большая или меньшая сила его доказательствъ имѣла бы значеніе для самаго положенія.

Книсъ однако этого анализа не дѣлаетъ; онъ просто говоритъ, что, на его взглядъ, прибавка должна отпасть, и употребить ее въ дѣло мы можемъ, развѣ когда заходитъ рѣчь *о видѣ цѣнности потребленія*, а не цѣнности потребленія вообще. Именно потому, что она спеціально можетъ характеризовать видъ цѣнности потребленія, она не годится для цѣнности потребленія, какъ рода.

По мнѣнію Книса, когда мы, специфицируя цѣнность, говоримъ, что цѣнность потребленія есть годность для потребленія даннаго лица, то мы тутъ дѣлаемъ переходъ не отъ общаго къ менѣе общему, а отъ общаго къ частному, не отъ цѣнности вообще къ цѣнности потребленія, а отъ цѣнности вообще къ извѣстному виду цѣнности потребленія. Мы такимъ образомъ дѣлаемъ одинъ лишній прыжекъ, котораго именно и слѣдуетъ избѣгать, если мы хотимъ имѣть ясное понятіе о цѣнности потребленія.

Если читатель припомнитъ приведенную выше цитату изъ Лотца, то онъ увидитъ, что теорія Книса страдаетъ именно тѣмъ, чего хотѣлъ избѣгнуть Лотцъ.

Но, независимо отъ этого, опредѣленія Книса имѣютъ тѣ-же недостатки, какъ и разобранныя выше опредѣленія Росси. Подобно Росси, и Книсъ опредѣляетъ оба вида цѣнности чрезъ извѣстные виды годности, то есть полезности, и потому они теряютъ самые характеристическіе свои признаки; они получены,

не чрезъ спецификированія субъективнаго момента, а объективнаго.

Что касается до лишняго прыжка, о которомъ говоритъ Книсъ, то о немъ собственно могла зайдти рѣчь только потому, что Книсъ сравнилъ двѣ вещи, которыя вовсе нельзя сравнивать. Когда мы говоримъ вмѣсто годности вообще объ извѣстной годности (положимъ, для потребленія), то мы высказываемъ результатъ спецификированія объективнаго момента,—когда же мы вмѣсто признанной вообще людьми годности говоримъ о признанной даннымъ человѣкомъ годности, то высказывается результатъ спецификированія субъективнаго. Понятно, что оба результата совершенно различны. Вспомнимъ, что Лотцъ не спецификируетъ объективнаго момента, что это дѣлаетъ только Книсъ. Книсъ, такимъ образомъ, соединяетъ свой результатъ съ результатомъ Лотца и опровергаетъ послѣдняго, находя несообразность при ихъ соединеніи.

Кнису желательно говорить о «годности для потребленія» и «годности для обмѣна» не по отношенію къ отдѣльному лицу, а къ человѣку вообще, къ человѣчеству. Поэтому онъ и вооружается противъ вышеозначенной прибавки. Но мы не можемъ говорить о мѣновой цѣнности, когда имѣемъ въ виду все человѣчество. Ибо мѣновая цѣнность есть только тамъ, гдѣ есть торговля, а человѣчество ни съ кѣмъ не торгуетъ, только отдѣльныя лица торгуютъ, поэтому только для нихъ и можетъ быть мѣновая цѣнность. Книсъ самъ говоритъ, какъ мы видѣли выше, что когда говорится о мѣновой цѣнности блага, то само по себѣ очевидно, что эту цѣнность оно имѣетъ для своего владѣльца. Значитъ, эта прибавка въ опредѣленіи мѣновой цѣнности сама по себѣ подразумѣвается, она существуетъ. Что же удивительнаго, если мы ее находимъ и въ опредѣленіи цѣнности потребленія?

Все это доказываетъ, что въ критикѣ Книса есть недостатки;

она не совсѣмъ уничтожаетъ то, что ей хотѣлось. Но это еще не отрицаетъ несообразности, на которую указалъ Книсъ.

Къ этимъ запутанностямъ прибавляется еще то, что и нѣмецкіе политико-экономы, не смотря на то, что на словахъ они считаютъ необходимымъ различать мѣновую цѣнность отъ цѣны, на дѣлѣ рѣдко такъ поступаютъ. Понятіе о цѣнности вообще еще можно у нихъ различать отъ цѣны, но когда заходитъ рѣчь о мѣновой цѣнности, тогда мы слышимъ постоянно о большей или меньшей мѣновой цѣнности; а чѣмъ различать большую или меньшую мѣновую цѣнность блага отъ его большей или меньшей цѣны,—они не указываютъ. И это просто потому, что у нихъ вовсе нѣтъ этой разницы, да и вообще она и не можетъ быть, коль скоро въ понятіе о мѣновой цѣнности входитъ количественная сторона. Если мы подъ мѣновою цѣнностью разумѣемъ годность вещей для обмѣна и потомъ начинаемъ говорить о большей или меньшей мѣновой цѣнности вещи, то ясно, что мы начинаемъ говорить о количествѣ другихъ благъ, на которое можно промѣнять вещь, то есть объ ея цѣнѣ.

Припоминая все до сихъ поръ сказанное, не трудно замѣтить, что въ ученіи о цѣнности и о видахъ ея не видно ни систематичности, ни того, какъ одно понятіе логически обусловливается другими, *не видно научной необходимости для того, чтобъ существовали всѣ эти категоріи: цѣнности, цѣнности потребленія, мѣновой цѣнности и цѣны.* Это происходитъ именно отъ недостаточнаго анализа этихъ категорій, что имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, какъ мы видѣли у французскихъ и англійскихъ политико-экономовъ, отрицаніе большей части изъ этихъ категорій, какъ научно необходимыхъ. Если a priori еще можно придумать какую-нибудь гипотезу для объясненія необходимости ихъ существованія, какъ мы сдѣлали выше, то эта ги-

потеза слишкомъ мало подтверждается фактами, чтобъ ее считать достовѣрною.

Правы ли однако въ самомъ дѣлѣ французскіе и англійскіе политико-экономы, достаточно ли дѣйствительно для хозяйственной науки категорій цѣны, — не лишни ли категоріи цѣнности, цѣнности потребленія и мѣновой цѣнности?

Мы полагаемъ, что онѣ вовсе не лишни; мало того, онѣ чрезвычайно важны, и сомнѣніе по этому вопросу могло возникнуть только вслѣдствіе недостаточности анализа.

«Изученіе богатства, говоритъ Огюстъ Вальра, произвело уже большое количество ложныхъ мнѣній; но большая часть распространившихся невѣрныхъ доктринъ беретъ начало во всеобщемъ невѣдѣніи, въ которомъ пребываютъ до сихъ поръ на-счетъ природы цѣнности и ея происхожденія. Если столь многіе писатели заблудились въ абсурдныхъ системахъ, то это произошло отъ того, что основной принципъ политической экономіи остался затемненнымъ [1].

Основа всѣхъ хозяйственныхъ изслѣдованій, говоритъ Фридлендеръ, есть ученіе о цѣнности. Смотря по тому, какъ она понимается, получаетъ иной видъ вся политическая экономія и измѣняются правила для теоріи государственнаго хозяйства. Различныя системы государственнаго хозяйства обусловливались именно различнымъ пониманіемъ цѣнности. Такъ, смѣшеніе цѣнности со знакомъ цѣнности повело къ меркантильной системѣ; смѣшеніе производства вещества съ производствомъ цѣнностей повело къ физіократической системѣ, — и наконецъ одностороннее пониманіе Смита цѣнности обусловливаетъ тѣ слабыя мѣста въ его системѣ, которыя требуютъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Одностороннее пониманіе цѣнности ведетъ нѣкоторыхъ значительныхъ политико-

[1] *Aug. Walras*, De la nature des richesses et de l'origine de la valeur. 1832. p. 96.

экономовъ къ тому, что они кладутъ совершенно ложную основу хозяйственной наукѣ [1].

Понятіе о цѣнности составляетъ нѣкоторымъ образомъ логическій зародышъ всѣхъ основныхъ понятій хозяйственной науки,— спеціализируя науку, оно есть еще причина того, что эти основныя понятія тѣсно связаны другъ съ другомъ, одно изъ другаго вытекаютъ. Но они содержатся въ понятіи о цѣнности еще въ неразвитой формѣ, ожидая органическаго процесса діалектики, который ихъ приведетъ въ ясность. Чѣмъ это основное понятіе болѣе обще и просто, тѣмъ опаснѣе для науки ошибочное его установленіе. Логика стремится развить ошибку въ зародышѣ въ цѣлую систему, и если иногда вѣрное наблюденіе ограничиваетъ или совершенно подавляетъ результатъ, то это происходитъ насчетъ самой логики, т. е. всего діалектическаго образованія научной системы. Чрезъ то иногда по поводу самаго конкретнаго случая нужно возвращаться къ понятію о цѣнности и отдать себѣ новый о немъ отчетъ [2]. По мнѣнію Бастіа, вся политическая экономія есть только длинное разъясненіе понятія о цѣнности [3]. Прудонъ говоритъ [4], что цѣнность есть краеугольный камень всей политической экономіи. Такое-же мнѣніе недавно высказалъ Шеффле. Находя понятіе о цѣнности основой всѣхъ остальныхъ понятій, онъ поэтому считаетъ его самымъ отвлеченнымъ [5].

Если мы захотимъ объяснить себѣ, почему приписываютъ такое громадное значеніе цѣнности, то намъ поможетъ въ этомъ анализъ сущности хозяйства.

Новая хозяйственная наука начинается съ того, что Адамъ

---

[1] *Friedländer*, Theorie des Werthes. S. 4.

[2] *Michaelis*, Zum Kapitel vom Werthe въ Vierteljahrschrift f. V.-W. u. Culturgeschichte. 1863. № I, S. 1.

[3] *Bastiat*, Oeuvres comp. T. VI, p. 143 и др.

[4] *Proudon*, Contradictions économiques. 1851. T. I, p. 65.

[5] *Schaffle*, Preise, l. c. 201.

Смитъ, не увлекаясь внѣшними формами, въ которыхъ проявляются источники человѣческаго благосостоянія, призналъ «первоначальнымъ основаніемъ, дающимъ возможность людямъ удовлетворять своимъ потребностямъ, трудъ человѣка. Вещи, полезныя или пріятныя для человѣка всегда — или произведены трудомъ или обмѣнены на трудъ»[1].

Хозяйственная наука имѣетъ свое основаніе въ томъ фактѣ, что человѣкъ въ природѣ не находитъ готовымъ все то количество полезныхъ вещей, которое ему необходимо; что ему приходится своею дѣятельностью установлять то отношеніе, которое мы называемъ полезностью. Всѣ тѣ полезныя вещи, говоритъ Джемсъ Миль, которыя существуютъ по-мимо человѣческой дѣятельности, не входятъ въ счетъ хозяйства, и если-бъ всѣ необходимыя человѣку полезныя вещи существовали безъ вмѣшательства его дѣятельности, то тогда вовсе не было бы хозяйственной науки[2], потому что не было бы тогда хозяйства, нечего было бы изслѣдовать.

Эта необходимость проявленія человѣческой дѣятельности наводитъ насъ на другой фактъ. Въ природѣ не все такъ устроено, какъ нужно человѣку, не всегда существуетъ необходимое для него отношеніе полезности. Вслѣдствіе этого является необходимость въ восполняющей дѣятельности человѣка. Но понятно, что для того, чтобъ дѣятельность была въ самомъ дѣлѣ восполняющею, необходимо человѣку *знать* то, что есть и что должно быть. Отсюда — необходимость *сознательной* дѣятельности. Если очевидно, что безъ дѣятельности нѣтъ хозяйства, то не менѣе очевидно, что хозяйства нѣтъ безъ сознательной дѣятельности. Да и вообще тутъ оба момента такъ тѣсно связаны, что ихъ отдѣлить другъ отъ друга нельзя. *Въ этомъ случаѣ* существованіе одного необходимо предполагаетъ существованіе другаго.

[1] *Ad. Smith*, Richesse de nations. T. I, p. 90.

[2] *James Mill*, Elémens d'économie politique. 1823, p. 2—3.

Я говорю *въ этомъ случаѣ*, потому, что можетъ существовать дѣятельность безсознательная. Всякому удовлетворенію какой-либо потребности организма предшествуетъ дѣятельность какого-либо члена организма. Какъ удовлетворенію потребности ѣсть должна предшествовать дѣятельность мускуловъ и мозга, такъ удовлетворенію потребности дышать предшествуетъ дѣятельность легкихъ и т. п. Но мы различаемъ двоякаго рода дѣятельность. Мы не обращаемъ вовсе вниманія на дѣятельность, которую совершаетъ организмъ, когда мы дышемъ,—вообще когда человѣкъ черпаетъ изъ внѣшняго міра массу необходимыхъ для его существованія веществъ и силъ точно такъ, какъ это дѣлаетъ растительный и животный міръ [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что это тоже дѣятельность, и для физіолога она тождественна даже съ той, которую мы называемъ хозяйственною. Очевидно, что точка зрѣнія, съ которой смотритъ физіологъ на дѣятельность, разнится отъ обыденной именно тѣмъ, что онъ отвлекаетъ (абстрагируетъ) отъ сознательнаго момента; тогда какъ обыкновенно подъ дѣятельностью мы разумѣемъ непремѣнно нѣчто цѣлесообразное.

Такимъ образомъ мы имѣемъ два момента: дѣятельность и разумное сознаніе, которое въ данномъ случаѣ специфицируется какъ хозяйственное сознаніе. Но разумно-сознательная дѣятельность отдѣльнаго человѣка сама по себѣ еще недостаточна для удовлетворенія его потребностямъ; личныя усилія отдѣльныхъ людей становятся достаточными только тогда, когда люди совокупно затрачиваютъ свою дѣятельность. Это только другими словами выраженный фактъ, что человѣкъ немыслимъ внѣ общества. Фактъ этотъ означаетъ, что люди могутъ достигнуть своихъ цѣлей только тогда, когда они другъ другу помогаютъ. Эта подмога, оказываемая человѣкомъ человѣку, является такимъ образомъ естественною необходимостью, безъ которой не мыслимъ человѣкъ.

---

[1] *Schäffle*, Preise, l. c. S. 201.

Потому дѣятельность каждаго отдѣльнаго человѣка есть въ одно и то-же время средство для удовлетворенія его личныхъ потребностей и средство для удовлетворенія потребностей его ближнихъ.

Этотъ двойной характеръ хозяйственной дѣятельности находитъ себѣ основаніе въ особенности тѣхъ органовъ, чрезъ посредство которыхъ выражается хозяйственная дѣятельность.

На это указалъ Бастіа [1]. Отправленія человѣческаго организма, чрезъ посредство которыхъ совершается хозяйственная дѣятельность, отличаются отъ тѣхъ, чрезъ посредство которыхъ совершается нехозяйственная дѣятельность, различаются тѣмъ, что результатъ отправленія — дѣятельности въ послѣднемъ случаѣ неотдѣлимъ отъ организма человѣка, членъ котораго функціонировалъ. Такъ, результатъ отправленія моихъ легкихъ, вдыхаемый воздухъ, неотдѣлимъ отъ моего организма. Я не могу отдать другому воздухъ, полученный мною чрезъ мои легкія; точно такъ другой не можетъ пользоваться тѣмъ свѣтомъ, который воспринятъ моимъ глазомъ, — звукомъ, воспринятымъ моимъ ухомъ. Наоборотъ, результатъ функціи, чрезъ посредство которой выражается хозяйственная дѣятельность, совершенно отдѣлимъ отъ человѣка, органъ котораго функціонировалъ. Такъ, другой можетъ пользоваться произведенною моимъ физическимъ трудомъ (функціею моихъ мускуловъ) вещью, или другой можетъ пользоваться произведеніемъ моего умственнаго труда (функціей моего мозга).

Изъ сказаннаго ясно, что сознательная совокупная дѣятельность составляетъ сущность хозяйства, которое такимъ образомъ состоитъ изъ трехъ моментовъ, тѣсно другъ съ другомъ связанныхъ и другъ друга предполагающихъ.

Такъ-какъ сознательная совокупная дѣятельность не происходитъ въ одинъ только моментъ, а есть нѣчто совершающееся въ родѣ послѣдовательно другъ за другомъ слѣдующихъ моментовъ

---

[1] *Bastiat*, Oeuvres complètes. T. VI, p. 57—58.

времени и въ различныхъ мѣстахъ, — такъ-какъ хозяйство представляется намъ продолжающимся во времени и пространствѣ процессомъ, — то анализъ (какъ увидимъ ниже) разбиваетъ его на нѣкоторыя простѣйшія части или явленія, которыя и суть основы хозяйственныхъ научныхъ категорій.

Такимъ образомъ хозяйство состоитъ изъ совокупности нѣсколькихъ явленій, имѣющихъ между собою то общее, что они обнимаютъ сознательную совокупную дѣятельность людей на удовлетвореніе ихъ потребностей. Хозяйство представляется намъ цѣлымъ, состоящимъ изъ частей: каждая изъ этихъ частей или элементовъ находится въ такой тѣсной связи со всѣми остальными, что безъ нихъ вовсе немыслимо, но при всемъ томъ каждый элементъ имѣетъ свои самостоятельные признаки, отличающіе его отъ другихъ. Отъ большей или меньшей гармоничности, съ которою сочетаются эти элементы, зависитъ высшая или низшая степень хозяйственнаго развитія, то есть бо́льшая или меньшая возможность человѣка жить въ благосостояніи.

Вслѣдствіе того, что одинъ изъ этихъ элементовъ есть сознаніе человѣка и вслѣдствіе тѣсной связи, которая находится между всѣми остальными, — *хозяйственный процессъ развивается во времени, имѣетъ свою исторію. Главный моментъ, вслѣдствіе котораго хозяйство становится исторически-развивающимся явленіемъ, есть сознаніе, воля человѣка*, въ данномъ случаѣ специфицирующаяся, какъ разумно-сознательная хозяйственная воля (der vernunftbewusste Wirthschaftswille по *Schäffle*). Человѣкъ, какъ разумное и способное къ развитію существо, вноситъ этотъ свой характеристическій признакъ и въ хозяйство, чрезъ что хозяйство теряетъ свой исключительно объективный характеръ. Такимъ образомъ, въ каждое данное время на каждомъ данномъ мѣстѣ, хозяйственный процессъ находится въ зависимости не только отъ причинъ объективныхъ, но и отъ данной степени развитія хозяйственнаго сознанія человѣка.

Это ведетъ насъ къ необходимости различать двоякаго рода хозяйственные факты, что влечетъ за собою въ наукѣ различеніе двоякаго рода хозяйственныхъ категорій. Одни изъ хозяйственныхъ фактовъ такого рода, что ихъ существованіе не обусловливается волею человѣка, другіе же ей обязаны своимъ существованіемъ. Безъ первыхъ хозяйство вообще немыслимо; всегда и вездѣ они существуютъ, обусловливаясь естественною необходимостью. Совершенно другаго свойства втораго рода факты; обусловливаясь чѣмъ-то такимъ, что по самому существу своему перемѣнчиво и подлежитъ развитію, они имѣютъ такой-же непостоянный и преходящій характеръ. Въ одно время они одни, въ другое время — другіе; точно такъ-же въ одномъ мѣстѣ они могутъ быть не тѣ, что въ другомъ.

Это основное различіе въ подлежащихъ изслѣдованію хозяйственной науки фактахъ не можетъ быть ею обойдено. Но коль скоро мы его примемъ во вниманіе, то въ такомъ случаѣ хозяйственныя категоріи также разбиваются на два рода. Одни изъ нихъ имѣютъ своею основой факты вѣчные, неизмѣнные, постоянные составные элементы всякаго хозяйства, гдѣ и когда бы мы его ни встрѣчали. Категоріи, такими фактами обусловливающіяся, будутъ логически-необходимо вытекать изъ самаго понятія о хозяйствѣ, гдѣ и когда бы мы его себѣ ни составляли. Другія же категоріи будутъ имѣть своею основой факты историческіе, преходящіе; они не будутъ находиться въ логически необходимой связи съ понятіемъ о хозяйствѣ вообще, а только съ понятіемъ о конкретномъ хозяйствѣ того или другаго времени, того или другаго мѣста.

Не трудно однако замѣтить, что вслѣдствіе тѣсной связи, соединяющей хозяйственные элементы другъ съ другомъ, значитъ соединяющей и хозяйственное сознаніе съ остальными элементами, — историческія категоріи не должно считать чѣмъ-то отдѣльно существующимъ отъ логическихъ. Первыя суть тѣ-же ло-

гическія категоріи, только принявшія подъ вліяніемъ времени и мѣста: цивилизаціи, развитія хозяйственнаго сознанія, политическаго и юридическаго быта, — ту или другую форму, тотъ или другой внѣшній видъ. Историческая категорія есть только оформленная подъ вліяніемъ культурнаго начала логическая хозяйственная категорія.

Если мнѣ до сихъ поръ приходилось говорить о хозяйствѣ въ общихъ чертахъ и я не далъ ему точнаго опредѣленія, то это обусловливается тѣмъ, что въ подобное опредѣленіе могутъ входить только логическіе моменты, безъ которыхъ не мыслимо понятіе о хозяйствѣ, и на-оборотъ, должны быть выброшены такіе моменты, которые имѣютъ историческій характеръ и потому болѣе или менѣе случайны, когда мы на нихъ не смотримъ съ точки зрѣнія даннаго времени или мѣста, которымъ они обусловливаются. Но въ такомъ случаѣ мы встрѣчаемъ значительное затрудненіе. Необходимые въ понятіи о хозяйствѣ моменты, или логическія категоріи, подвергаясь вліяніямъ многоразличныхъ случайныхъ и перемѣнчивыхъ обстоятельствъ, принимаютъ ту или другую форму. Очевидно, что въ такомъ случаѣ представляется опасность — какую-нибудь исторіей обусловливаемую форму принять за необходимый моментъ самой категоріи и такимъ образомъ невольно возвести фактъ въ принципъ. Исторія нашей науки представляетъ намъ немало подобныхъ случаевъ. Ясно, что опредѣленію хозяйства должно предшествовать чисто *историческое изслѣдованіе хозяйственныхъ категорій*, чтобъ этимъ изслѣдованіемъ выдѣлено было все историческое; затѣмъ изъ оставшагося матеріала можетъ быть построено понятіе о хозяйствѣ.

Мы можемъ считать установленнымъ, что во всякомъ случаѣ въ хозяйствѣ противупоставляются два момента — субъективный и объективный. Выразителемъ субъективнаго момента является культурное начало, которое собственно кладетъ на объективный моментъ хозяйственную, такъ сказать, печать. Логически необхо-

димыя части хозяйства собственно потому становятся элементами хозяйства, что приходятъ въ соприкосновеніе съ сознаніемъ человѣка[1]. Вотъ эта-то печать, — слѣдъ, оставляемый прикосновеніемъ культурнаго начала на объективномъ матеріалѣ, составляющемъ сущность хозяйства, и есть *цѣнность*.

Ясно, что въ такомъ случаѣ цѣнность является намъ атрибутомъ, спеціально характеризующимъ хозяйственныя явленія, какъ таковыя, — дающимъ намъ возможность узнать хозяйственную сторону въ явленіи вообще, какого бы порядка оно ни было: юридическаго, политическаго и т. д.

Та-же трудность, которая мѣшаетъ дать ясное опредѣленіе хозяйства, встрѣчаетъ насъ, когда мы хотимъ формулировать понятіе о цѣнности. Но тутъ прибавляется еще одна задержка: это ея высокая отвлеченность. Цѣнность есть голая логическая форма, въ которой могутъ проявляться самыя разнообразныя явленія и чрезъ то становиться хозяйственными, и именно потому она также трудно поддается опредѣленію, какъ напр. понятія о свободѣ, правѣ, истинѣ и т. п. Мы можемъ только сказать, что это — специфически-хозяйственная форма и что она обусловливается соотношеніемъ указанныхъ двухъ моментовъ.

Я сказалъ, что болѣе или менѣе гармоническимъ сочетаніемъ элементовъ, составляющихъ сущность хозяйства, обусловливается степень развитія хозяйственнаго быта. Понятно, что это развитіе находится въ зависимости отъ степени развитія хозяйственнаго сознанія. Но развитіе хозяйственнаго сознанія заключается именно въ постепенномъ познаваніи естественной необходимости гармоническаго сочетанія хозяйственныхъ элементовъ. Понятно, что такъ какъ это познаваніе происходитъ постепенно, то въ каждый данный историческій періодъ гармонія будетъ существовать не вполнѣ; а нарушеніе гармоніи, другими словами, означаетъ, что одинъ

[1] Это вытекаетъ изъ сказаннаго выше, что *сознательность* дѣятельности дѣлаетъ послѣднюю *хозяйственною*.

какой-либо элементъ или болѣе имѣютъ больше значенія, нежели сколько было бы нужно, — что они преобладаютъ надъ другими. Это преобладаніе выскажется въ двоякой формѣ: съ одной стороны, оно отразится на хозяйственномъ строѣ, характеризующемъ данный историческій періодъ, съ другой стороны оно отразится на самомъ хозяйственномъ субъектѣ, на его сознаніи, на той формѣ культурнаго начала, въ которой оно проявляется въ данное время.

Въ этихъ двухъ фактахъ, — преобладаніи одного извѣстнаго хозяйственнаго элемента надъ другими и двойномъ вліяніи этого преобладанія на субъективную и объективную стороны хозяйства, — находятъ себѣ основаніе категоріи *мѣновой цѣнности, цѣнности потребленія* и *цѣны*.

Мы видѣли выше, что цѣнность есть голая логическая форма, которая можетъ обнимать всякіе факты; коль скоро какой-либо фактъ облекается въ эту форму, онъ становится хозяйственнымъ. Когда мы говоримъ о чемъ-либо, что оно имѣетъ цѣнность, то мы этимъ выражаемъ только, что имѣемъ предъ собой хозяйственный фактъ, не больше. Для объясненія этого факта цѣнность не даетъ намъ никакихъ средствъ, и это по очень простой причинѣ. Коль скоро мы имѣемъ дѣло съ конкретнымъ хозяйственнымъ фактомъ, то его конкретность указываетъ на то, что онъ принадлежитъ извѣстному хозяйственному періоду. Когда же мы говоримъ о цѣнности, то мы отвлекаемъ отъ факта все конкретное; все то, что связываетъ его съ данными окружающими его обстоятельствами, которыя могли бы служить ему объясненіемъ.

Указанная выше разница между двоякаго рода хозяйственными явленіями — постоянными, самымъ существомъ хозяйства обусловливающимися, и историческими, — и тѣсная связь, соединяющая постоянныя, — показываютъ, что *только когда мы говоримъ объ этихъ послѣднихъ, мы можемъ (и должны) отвлекать ихъ*

отъ всего, что обусловливается историческими причинами. Отсюда мы можемъ сдѣлать обратный выводъ: коль скоро для объясненія какого-либо хозяйственнаго явленія недостаточны логическія категоріи, — это доказываетъ, что данное явленіе обусловливается историческими причинами.

Ад. Смитъ заговорилъ о цѣнности, приступая къ объясненію цѣны. Но какъ ему, такъ и его предшественникамъ и послѣдователямъ это понятіе кажется недостаточнымъ для данной цѣли. Вслѣдствіе этого мы видимъ, какъ наука начинаетъ укорачивать, обрѣзывать, съуживать понятіе о цѣнности. Вмѣсто до-крайности абстрактной цѣнности политико-экономы заговорили о другой, менѣе отвлеченной. Къ цѣнности начали приставлять различные эпитеты, чтобъ лишить ее хоть нѣсколько абстрактности. Появились: *мѣновая цѣнность* и *цѣнность потребленія.*

Уже a priori можетъ возникнуть подозрѣніе по этому поводу. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро ученый сходитъ съ широкой отвлеченной точки зрѣнія, онъ рискуетъ уже больше, чѣмъ прежде, подпасть подъ вліяніе обстоятельствъ, обусловливающихся временемъ и мѣстомъ. А чрезъ это цѣнность его можетъ уже перестать быть логической категоріей, которая выражаетъ условіе, безъ котораго хозяйство вообще немыслимо. Категорія будетъ уже выражать условіе, безъ котораго немыслимо *хозяйство даннаго времени или мѣста.* Въ этомъ случаѣ мы будемъ уже имѣть право на два вывода; во 1-хъ, подлежащее изслѣдованію явленіе не есть постоянное, встрѣчающееся вездѣ и всегда, когда и гдѣ есть хозяйство, а чисто исторически-обусловливающееся; во 2-хъ, категорія, помощью которой мы хотимъ объяснить данное явленіе, есть тоже историческая и опять по причинѣ, выше уже указанной. Только постоянные хозяйственные факты можно объяснить логическими категоріями; факта историческаго ими объяснять нельзя, потому что отъ нихъ отвлечено все историческое, — все что необходимо въ данномъ случаѣ.

Такъ-какъ Смитъ, ни слова не говоря о цѣнности, прямо началъ съ цѣнности потребленія и мѣновой цѣнности, которыя *бываютъ*, такъ-какъ дальнѣйшими политико-экономами разница между ними признана фундаментальной, а самыя понятія необходимыми для объясненія цѣнъ, — то изслѣдовать ихъ нужно потому, что это разъяснитъ намъ и самую сущность цѣнъ.

Мы видѣли, что понятіемъ о цѣнности мы выражаемъ отношеніе хозяйственнаго субъекта къ объекту матеріала, изъ котораго слагается хозяйство, — что она есть выразительница субъективнаго момента, безъ котораго немыслимо хозяйство по той причинѣ, что хозяйства безъ хозяина нѣтъ. Но такъ-какъ этотъ хозяинъ отличается отъ внѣшняго міра, его окружающаго, тѣмъ, что его сознаніе, чрезъ посредство котораго выражается его отношеніе къ внѣшнему міру, есть нѣчто измѣняющееся, — чрезъ что измѣняются черты, которыми мы характеризуемъ это отношеніе, измѣняется *содержаніе* отношенія, — то мы цѣнность можемъ назвать только формой. Потому что, если мы захотимъ въ эту форму влить какое-нибудь содержаніе, то такъ-какъ это содержаніе будетъ обусловливаться данною какою-нибудь степенью развитія хозяина, его сознанія, — то мы вмѣсто отношенія хозяина вообще къ окружающему міру, отношенія, существующаго вездѣ и всегда, будемъ говорить объ отношеніи даннаго хозяина извѣстнаго времени, или мѣста.

Если говорятъ, что понятіе о цѣнности — основное въ наукѣ, то этимъ выражаютъ, что человѣкъ есть исходный пунктъ для хозяйственно-научныхъ изслѣдованій. Если говорятъ, что оно существенно-субъективно, то этимъ выражаютъ фактъ, что хозяйственное сознаніе всему основа въ хозяйствѣ, какого бы строя хозяйство ни было, какія бы отъ этого ни были послѣдствія, всегда всему начало въ хозяйственномъ сознаніи человѣка, которое имъ руководитъ въ стремленіи устроиться хорошо.

Въ этомъ стремленіи устроиться хорошо человѣкъ весь обу-

словленъ внѣшнимъ міромъ. Природа надѣлила его способностями и силами, чтобъ владѣть этимъ міромъ и получить возможность добиться своей цѣли. Но подобно тому, какъ ребенокъ только постепенно научается владѣть своими членами, только постепенно развиваетъ ихъ къ предназначенной имъ цѣли, и человѣкъ не скоро сознаетъ, чѣмъ онъ владѣетъ. Если-бь онь сразу это созналь, тогда бы онъ устроился хорошо. Но именно то, что ему приходится *стремиться*, именно это показываетъ, что только постепенно онъ сознаетъ и, старая исторія, чѣмъ больше человѣкъ знаетъ да понимаетъ, тѣмъ ему лучше.

Но много ли или мало человѣкъ знаетъ, во всякомъ случаѣ онъ долженъ удовлетворять своимъ потребностямъ. Это онъ сознаетъ всегда и потому всегда будетъ существовать какое-либо отношеніе его сознанія къ внѣшнему міру. При этомъ сознаніе можетъ относиться вовсе не къ тому, къ чему слѣдуетъ, и отъ этого будутъ тѣ или другія послѣдствія. Но всегда и вездѣ будетъ это отношеніе.

Мы видѣли однако, что сущностью человѣческой природы и его отношенія къ внѣшнему міру обусловливается то, что только дѣятельностью онъ можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ. Хорошо, или дурно онъ удовлетворяетъ своимъ потребностямъ — будетъ зависѣть отъ того, какъ онъ устроилъ эту дѣятельность, какъ онъ ее повелъ, на что главнымъ образомъ обратилъ и т. п.; но всегда все будетъ обусловливаться дѣятельностью. — Однако это знаетъ только ученый, — субъектъ хозяйства можетъ не знать этого; послѣдній можетъ и не знать ни своей природы, ни природы хозяйства и поэтому считать *основой* хозяйства не дѣятельность, а что-либо другое.

Объективный матеріалъ, противуставляющійся сознанію человѣка въ дѣятельности, можетъ представляться человѣку или внѣ его, или въ немъ самомъ, въ его дѣятельности или въ одномъ какомъ-нибудь видѣ дѣятельности. Съ научной точки зрѣнія

основа хозяйства вездѣ и всегда — дѣятельность [1]. Точка зрѣнія хозяина однако можетъ быть иная и притомъ различная въ различные періоды развитія его хозяйственнаго сознанія. Такъ-какъ объективная сторона хозяйства состоитъ изъ совокупности нѣсколькихъ простѣйшихъ явленій, — которыя хотя и тѣсно между собой связаны и въ сущности представляютъ проявленія одного и того-же (дѣятельности), но все-таки рѣзко другъ отъ друга различны, — то ничуть не удивительно, если постепенно только развивающееся сознаніе не сразу усматриваетъ это. Въ подобномъ случаѣ будетъ естественно, если онъ часть приметъ за цѣлое, часть основы хозяйства приметъ за всю основу; эта часть ему тогда представится объективною стороной хозяйства. Такъ-какъ эта часть имѣетъ свои индивидуальные признаки, то цѣнность, которую мы назвали слѣдомъ, оставляемымъ на объективной сторонѣ хозяйства прикосновеніемъ къ ней сознанія, сама окрасится цвѣтомъ этой части. Цѣнность станетъ опредѣленною формой, съ извѣстнымъ содержаніемъ, которое будетъ зависѣть отъ того, что сознаніе въ данное время считаетъ за основу хозяйства. Но цѣнность, сказали мы, вмѣстѣ съ тѣмъ есть еще и форма, которую явленіе должно принять, чтобъ стать хозяйственнымъ; понятно, что въ такомъ случаѣ *хозяйственное свойство явленій также будетъ обусловливаться тѣмъ, что сознаніе въ данное время принимаетъ за основу хозяйства;* то есть, отъ большей или меньшей его годности принять данную форму будетъ зависѣть то — можно ли будетъ его назвать явленіемъ хозяйства даннаго времени. И на-оборотъ, если встрѣтится явленіе съ подобною формой, то его примутъ за то-же явленіе.

Эпитеты, приставляемые къ цѣнности, вслѣдствіе чего появляются — *цѣнность мѣновая, цѣнность потребленія,* показываютъ,

---

[1] Лучше всего въ послѣднее время доказалъ это *Bastiat*, напр. Oeuvr. compl. T. IV, p. 401—407 и въ др. мѣстахъ.

что сказанное мною о цѣнности, какъ формѣ, справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что этими эпитетами хотятъ цѣнности дать опредѣленное содержаніе, иначе для чего было бы приставлять эпитеты? Ясно, что это можетъ быть только по той причинѣ, что цѣнность сама по себѣ еще не выражаетъ ничего опредѣленнаго, и что опредѣленность (содержаніе) слѣдуетъ еще только придать. Этого содержанія въ ней еще нѣтъ, и она его получаетъ извнѣ.

Но въ подобномъ случаѣ необходимое содержаніе всегда обусловливается временемъ и мѣстомъ. Это я показалъ выше. Значитъ, какъ скоро только съ такимъ, опредѣленное содержаніе имѣющимъ, понятіемъ о цѣнности мы можемъ приступить къ цѣнѣ, то это даетъ намъ первый намекъ на характеръ цѣны, намекъ на ея историческую сущность.

Мы видѣли, что современная хозяйственная наука начинается съ признанія Смитомъ труда настоящею основой хозяйства. Этого никогда не отрицалъ ни одинъ изъ послѣдующихъ писателей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ однако всѣ они находили положеніе Смита мало годнымъ для объясненія дѣйствительности. Если-бъ въ самомъ дѣлѣ Смитъ говорилъ правду, то въ дѣйствительности цѣнность имѣлъ бы только трудъ человѣка, существеннымъ признакомъ хозяйственнаго явленія было бы то, что она находится въ связи съ трудомъ; объектъ цѣнности былъ бы продуктъ труда. Если все это въ самомъ дѣлѣ такъ въ идеѣ, то это вовсе не мѣшаетъ тому, чтобъ въ дѣйствительности оно было не такъ. По идеѣ, въ принципѣ, хозяйственный объектъ есть продуктъ труда [1],— въ дѣйствительности, чтобъ объектъ былъ хозяйственный, нужно чтобъ его можно было обмѣнять. Это послѣднее должны признать всѣ писатели, которые пишутъ, имѣя между прочимъ въ виду и объяснять современную имъ дѣйствительность. Такъ-какъ

[1] *Schäffle*, Preise, l. c. S. 201.

это имѣли въ виду всѣ политико-экономы, то потому нетрудно было бы привести изъ всѣхъ ихъ цитаты, подтверждающія это. Мы приведемъ двухъ только, которые, не смотря на рѣзкую разницу въ основныхъ точкахъ зрѣнія, въ этомъ пунктѣ сходятся. Дж. Ст. Милль находитъ, что объектъ хозяйства, или все равно — цѣнности, богатство, есть все то, что можно обмѣнять [1]. На взглядъ Маклеода, экономическимъ элементомъ можно назвать все то, что можно купить или продать [2].

Мы видѣли, что политико-экономы, основываясь на природѣ хозяйства, находили сущность хозяйства въ трудѣ. Даже Сей, который для объясненія нѣкоторыхъ явленій, безъ того казавшихся ему необъяснимыми, выставилъ теорію трехъ факторовъ производства и положительно говорилъ, что Смитъ не правъ, считая трудъ единственнымъ источникомъ богатствъ [3], самъ, какъ мы видѣли выше, экономическими богатствами считалъ только тѣ, «которыя существуютъ благодаря человѣческой дѣятельности» [4].

Джемсъ Милль полагаетъ, что если-бъ не было труда, то не было бы и политической экономіи; — по мнѣнію Маклеода, ея бы не было въ томъ случаѣ, когда бы не существовалъ обмѣнъ [5]. Что-же такое обмѣнъ?

Мы знаемъ основной фактъ, что человѣкъ можетъ жить только въ обществѣ; этотъ фактъ проявляется во всякой, какую бы мы ни взяли, сферѣ человѣческой жизни. Въ переводѣ на хозяйственный языкъ, онъ означаетъ, что люди только совокупными усиліями могутъ удовлетворять своимъ потребностямъ, то-есть

---

[1] *J.-St. Mill*, Grundsatze der pol. Oek. S. 7.

[2] *Маклеодъ*, Основ. пол. эк. 1865. стр. 13 и др. *Richelot*, Une revolution en écon. pol. 1862. p. 179.

[3] *J.-B.-Say*, Traité d'éc. pol., p. 32; 72—73 и др. Cours d'éc. pol. T. I. p. 214.

[4] *J.-B.-Say*, Cours d'éc. pol. T. I, p. 80.

[5] *Маклеодъ*, Основ. пол. эк., стр. 14 (§ 26).

одинъ человѣкъ необходимо долженъ помогать другому въ стремленіи устроиться хорошо. *А* долженъ работать для *В*, а *В* для *А*, — только при такомъ условіи они оба могутъ жить. Это фактъ общій, всегдашній. Всегда человѣкъ работаетъ, это разъ, второе, — всегда онъ работаетъ и для другаго. Не всегда, правда, онъ работаетъ для другаго именно то, что нужно другому, — это обусловливается степенью развитія его хозяйственнаго сознанія, но всегда онъ *работаетъ* и, кромѣ того, *работаетъ для другаго*.

Вотъ этимъ-то фактомъ обусловливается обмѣнъ. Если одинъ человѣкъ всегда работаетъ для другаго, то онъ всегда для него что-нибудь *сработаетъ*, точно такъ и другой что-нибудь *сработаетъ* для перваго. Не всегда, опять-таки, каждый изъ нихъ сработаетъ для своего ближняго именно то, что ему нужно, но что-нибудь каждый сработаетъ, и вытекающій отсюда необходимо переходъ сработаннаго отъ того, который сработалъ, къ тому, для котораго сработано, есть обмѣнъ.

Обмѣнъ есть логическая категорія хозяйственнаго порядка, потому что онъ обусловливается явленіями постоянными, вѣчными и повсемѣстными. Люди должны всегда жить вмѣстѣ и работать другъ для друга — вотъ его основа. А такъ-какъ эта основа такого рода, что безъ нея немыслимо хозяйство, то потому и обмѣнъ есть явленіе постоянное и повсемѣстное.

Были писатели, по большой части изъ соціалистовъ, которые отрицали постоянство и повсемѣстность обмѣна, его логическую необходимость. Я незнакомъ близко съ этими писателями, но какъ они мотивируютъ свою мысль, я себѣ приблизительно представляю такъ: Они могутъ сказать, что « есть вѣдь люди, которые положительно ничего не дѣлаютъ, — надо быть слѣпымъ, чтобъ этого невидѣть. Вѣдь всѣ бѣдствія, которыя претерпѣвало человѣчество, происходили отъ того, что не всегда человѣкъ для человѣка работалъ. Правда, что люди всегда дол-

жны работать другъ для друга, но они не всегда это дѣлаютъ. Исторія показываетъ, что только одни работаютъ, другіе нѣтъ; а между тѣмъ всѣ должны жить. Въ результатѣ — кому-нибудь должно быть худо. Такъ оно и было». — Я держусь однако своего мнѣнія на слѣдующемъ основаніи. Человѣкъ немыслимъ безъ дѣятельности: дѣятельность есть функція организма. Организмъ можетъ функціонировать нормально или патологически, но всегда онъ долженъ функціонировать, иначе онъ перестанетъ быть организмомъ. Потому что въ концѣ концовъ вѣдь понятіе «организмъ» есть абстракція о совокупности отправленій, тѣсно между собою связанныхъ, другъ безъ друга немыслимыхъ, одно другое обусловливающихъ. Теперь, у меня основная точка зрѣнія, что хозяйство есть такое органическое цѣлое, а такъ-какъ хозяйство существуетъ всегда, то потому всегда существуетъ и совокупность отправленій, его составляющихъ.

Вспомнимъ то, что сказано выше о цѣнности, съ которою тѣсно связано то, что теперь говорится объ обмѣнѣ и что будетъ сказано далѣе. Всегда человѣкъ есть центръ хозяйства. Всегда, значитъ, существуетъ какое-нибудь отношеніе между его сознаніемъ и внѣшнимъ міромъ; всегда это сознаніе кладетъ свою печать на какую-нибудь часть внѣшняго міра, чрезъ что эта часть втягивается въ его хозяйственный міръ, становится хозяйственнымъ фактомъ. Не всегда эту печать человѣкъ кладетъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ, — потому что эту печать кладетъ его сознаніе, а сознаніе его есть нѣчто, подлежащее развитію, которое, значитъ, можетъ ошибаться. Поэтому онъ можетъ дѣлать хозяйственными такіе факты, которые по существу своему не только что нехозяйственны, но даже противухозяйственны, — точно такъ, какъ ребенокъ можетъ ѣсть не только непитательныя вещества, но даже вредныя. Но эта печать всегда будетъ цѣнность. Потому что всегда у него есть потребности и всегда онъ долженъ для ихъ удовлетворенія обращаться къ внѣшнему міру.

Эта послѣдняя необходимость всегда влечетъ за собою дѣятельность. Но развитіемъ его сознанія будетъ обусловливаться, на что будетъ обращена его дѣятельность, — точно такъ, какъ отъ этого зависитъ, на что оно кладетъ свою печать, что втягиваетъ въ хозяйственный міръ. Втянетъ въ хозяйство именно то, что слѣдуетъ, значитъ его дѣятельность будетъ обращена именно на то, на что нужно, и ему будетъ хорошо; въ противномъ случаѣ будетъ обратное. Будетъ ли его дѣятельность обращена на то, на что слѣдуетъ, или нѣтъ, отъ этого будетъ зависѣть — достигнетъ ли онъ цѣли, къ которой стремится. Но *стремиться* къ ней онъ всегда будетъ.

Оба факта: должно всегда существовать отношеніе между сознаніемъ человѣка и внѣшнимъ міромъ, и человѣкъ всегда дѣятеленъ — означаютъ одно и то-же. Или лучше: они суть двѣ стороны одного и того-же факта, стремленія къ удовлетворенію потребности. Это стремленіе выражается: во-первыхъ, въ его дѣятельности; во-вторыхъ, въ отношеніи его сознанія къ тому, что внѣ этого сознанія. Сознаніе знаетъ только, что нужно удовлетворять потребностямъ; средствъ оно не знаетъ, оно ихъ ищетъ и только постепенно познаетъ, по этому оно только постепенно познаетъ и то, что дѣятельность есть средство. Но изъ того, что сознаніе въ извѣстныя времена этого не знаетъ, не слѣдуетъ, что дѣятельность не есть единственное средство, которымъ сознающій удовлетворяетъ своимъ потребностямъ.

Мы придали выше большое значеніе цѣнности на томъ основаніи, что въ ней выражается субъективная сторона хозяйства. Если человѣкъ есть основа хозяйства, то въ немъ должно быть основаніе не только для субъективной, но и для объективной стороны. Вотъ это-то послѣднее основаніе и есть его дѣятельность. Когда человѣкъ мало знаетъ, тогда онъ дурно живетъ, тогда ему кажется, что онъ безсиленъ; силу онъ видитъ только въ томъ, что внѣ его. То малое, которое у него есть, онъ при-

писываетъ не себѣ, не своимъ силамъ, а чужимъ. Потому что онъ ничѣмъ не заправляетъ, а все заправляетъ имъ. Когда онъ побольше разовьется, тогда онъ начнетъ сознавать и въ себѣ силу, потому что вѣдь развиваться — это значитъ чувствовать свое достоинство, свою силу. Но если онъ еще мало развитъ, тогда онъ силу, которую почувствовалъ въ себѣ, сопоставитъ съ другими силами, внѣшними. Я говорю *сопоставитъ*, потому что онъ все еще полагаетъ, что силы, которыя онъ выдумалъ, когда не зналъ, продолжаютъ существовать. Наконецъ, раціональная наука ему показываетъ богатство его природы, знанія даютъ ему возможность заправлять всѣмъ. Тогда онъ начинаетъ понимать, что у него одного есть сила, что *онъ* все дѣлаетъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ понимать, что всегда онъ одному себѣ былъ обязанъ тѣмъ, что у него было, — что силы внѣшнія, когда онѣ заправляли имъ, не приносили ему пользы, а вредили. Онъ понимаетъ, что онъ унижалъ прежде свою природу, что всегда основою хозяйства былъ онъ, съ какой бы стороны мы ни заглянули въ это хозяйство.

Когда человѣкъ полагалъ, что внѣшнія силы суть основы его хозяйства, тогда онъ клалъ печать цѣнности не тамъ, гдѣ слѣдовало; онъ считалъ хозяйственными, такіе факты, которые вовсе не хозяйственны. Но независимо отъ его сознанія были другіе факты; если онъ ихъ не считалъ хозяйственными, то они были таковыми помимо его воли, сознанія; потому что вѣдь подкладкой подъ ними лежала другая собственная его печать: его дѣятельность.

Эту дѣятельность онъ не считалъ хозяйственнымъ фактомъ, между нею и его сознаніемъ не было связи, — это значитъ, что себя онъ не цѣнилъ — въ этомъ и состоитъ униженіе своей природы. Всякій человѣкъ и цѣнитъ, и дѣйствуетъ, хотя онъ не всегда видитъ связь между этими двумя дѣйствіями, и чѣмъ онъ менѣе видитъ эту связь, тѣмъ ему хуже. Чѣмъ больше связи

между ними, то-есть чѣмъ сознательнѣе его дѣятельность, тѣмъ больше онъ ее цѣнитъ, тѣмъ ему лучше. И понятно, что онъ достигнетъ высшей ступени, когда онъ ее больше всего будетъ цѣнить, то-есть, когда онъ въ ней одной будетъ признавать цѣнность.

Я думаю, что значеніе дѣятельности этимъ достаточно разъяснено. Теперь вспомнимъ, что эта дѣятельность, *по основному закону природы*, необусловливающемуся волею или сознаніемъ человѣка, должна быть непремѣнно совокупная. По природѣ своей, человѣкъ можетъ жить только въ обществѣ другихъ людей; только когда люди другъ другу помогаютъ, каждый изъ нихъ отдѣльно можетъ жить.

Тутъ вопросъ не въ томъ, хорошо или дурно онъ живетъ,— а именно вопросъ о жизни и смерти. Хоть какъ-нибудь да долженъ жить человѣкъ, и вотъ «хоть какъ-нибудь» даже онъ можетъ жить, только когда другіе ему помогаютъ. Изолированный человѣкъ есть нѣчто совершенно немыслимое, о которомъ еще пожалуй позволительно говорить въ романѣ, — но положительно логическая несообразность будетъ — говорить о Робинзонѣ серьёзно, какъ о чемъ-то дѣйствительно существующемъ. Робинзонъ есть такой-же миѳъ, какъ драконъ и т. п., и объяснять общественныя явленія Робинзономъ, какъ это нерѣдко дѣлается, имѣетъ такой-же смыслъ, какой имѣло бы объясненіе естествоиспытателя, если-бъ онъ въ него впуталъ дракона.

Какъ хозяйство немыслимо безъ дѣятельности, точно такъ оно немыслимо безъ совокупной дѣятельности. Достигаютъ ли, или нѣтъ люди цѣли своихъ стремленій, во всякомъ случаѣ они стремятся къ ней, а стремиться они могутъ только совокупно, потому что иначе стремленіе немыслимо.

Мы говорили, что люди могутъ направлять свою дѣятельность не на то, на что слѣдуетъ, что связь между ихъ сознаніемъ и ихъ дѣятельностью можетъ быть болѣе или менѣе близка и что

отъ всего этого зависитъ большее или меньшее ихъ благосостояніе. Это иначе значитъ, что, постоянно стремясь вмѣстѣ, силы ихъ еще не на-столько могутъ быть объединены, чтобъ каждая изъ нихъ принесла въ общую кассу, такъ сказать, что-нибудь дѣйствительно возвышающее общее благосостояніе. Вѣдь силы ихъ не направлены туда, куда слѣдуетъ; что же тутъ удивительнаго, если не каждая изъ нихъ имѣетъ полезный результатъ? Развѣ изъ этого слѣдуетъ, что сила никуда не была направлена? Мертвыхъ силъ въ хозяйствѣ нѣтъ, потому что хозяйство есть сфера, въ которой обращается живой человѣкъ. Вѣдь именно тѣмъ, что въ хозяйствѣ каждая сила живетъ и хоть какой-нибудь да производитъ результатъ, и обусловливается то, что для хозяйства бываютъ дурныя и хорошія времена, печальныя и веселыя.

Мы видѣли, какъ сначала человѣкъ предполагаетъ всѣ дѣятельныя силы внѣ себя и какъ постепенно съ развитіемъ хозяйственнаго прогресса роли начинаютъ мѣняться: все активное исходитъ отъ человѣка, пассивнымъ становится то, что внѣ его.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣли мы, что съ развитіемъ хозяйственнаго сознанія, человѣкъ начинаетъ понимать, что во всякое время онъ долженъ былъ приписывать все себѣ, что въ хозяйствѣ всегда онъ одинъ былъ плодотворная дѣятельная сила. Но когда человѣкъ начинаетъ понимать дѣятельность, то онъ начинаетъ понимать совокупную дѣятельность, потому что иной нѣтъ. Когда онъ мало цѣнилъ дѣятельность, тогда онъ мало цѣнилъ себя, унижалъ себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мало цѣнилъ совокупную дѣятельность, то есть мало цѣнилъ подмогу другихъ, унижалъ другихъ. Когда онъ начинаетъ цѣнить совокупную дѣятельность, то это значитъ, что активную плодотворную силу онъ начинаетъ видѣть тамъ, гдѣ она есть и всегда была и будетъ, по закону природы, въ подмогѣ, которую ему

оказываетъ его ближній. Наконецъ, на высшей степени развитія, когда человѣкъ больше всего цѣнитъ дѣятельность, онъ начинаетъ видѣть въ этой подмогѣ единственную плодотворную силу. Тогда для него отожествляется его дѣятельность съ дѣятельностью другихъ; онъ тогда начинаетъ понимать, что всякій актъ дѣятельности есть вмѣстѣ съ тѣмъ актъ подмоги, что, работая для себя, онъ работаетъ для другихъ, равно какъ и на-оборотъ, работая для другихъ, онъ работаетъ для себя. Дѣятельность сама по себѣ дѣлается безличною: нѣтъ личной дѣятельности, а есть общая дѣятельность; нѣтъ личной цѣли, а есть одна для всѣхъ общая цѣль. Это люди сознаютъ, когда они развиваются; но это всегда было помимо ихъ сознанія. Они всегда работали вмѣстѣ для общей цѣли, хотя они и не сознавали этого. Именно то, что они не сознавали этого, было причиной, что они не достигали общей цѣли.

Коль скоро обмѣнъ есть логическая категорія, то такъ-какъ мы знаемъ тѣсную связь, соединяющую всѣ логическія хозяйственныя категоріи, нѣтъ никакого неудобства или невѣрности говорить, что политическая экономія есть наука объ обмѣнѣ; мы точно такъ-же могли бы сказать, что она есть наука о цѣнности, богатствѣ, кооперації, капиталѣ и т. д. Такъ-какъ одна логическая категорія необходимо влечетъ за собою всѣ остальныя, — то все равно по какой бы изъ нихъ мы ни называли науку: заговоривъ объ одной, мы необходимо должны были бы заговорить и объ остальныхъ.

Но Маклеодъ, говоря о мѣновой цѣнности и политической экономіи, какъ наукѣ объ обмѣнѣ, имѣетъ въ виду не обмѣнъ, какъ логическую категорію. На его взглядъ, « богатства могутъ быть производимы, распредѣляемы и потребляемы безъ обмѣна. Въ такомъ случаѣ не будетъ политической экономіи и мѣновой цѣнности » [1].

[1] *Маклеодъ*, Основ. пол. эк. стр. 14, § 26.

Хозяйство однако будетъ всегда, будетъ, значитъ, всегда и обмѣнъ. Но разница можетъ быть та, что такъ-какъ субъектъ хозяйства есть существо способное къ развитію, то все его хозяйство, а съ нимъ и обмѣнъ, приметъ каждый разъ, смотря по степени развитія хозяйственнаго сознанія, иной складъ, строй его будетъ иной. Ошибочно будетъ поэтому съ исторической точки зрѣнія смѣшивать обмѣнъ одного времени или одного мѣста съ обмѣномъ другаго времени или другаго мѣста. Очевидно, что въ подобномъ случаѣ заходитъ уже рѣчь не объ обмѣнѣ, какъ о логической категоріи, а какъ о категоріи исторической, обусловливающейся историческими, преходящими обстоятельствами.

У Маклеода по поводу мѣновой цѣнности заходитъ рѣчь именно о такомъ обмѣнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, обмѣнъ, какъ справедливо поправляетъ Маклеода его переводчикъ, можетъ быть въ общинѣ, въ семействѣ [1], но Маклеодъ все-таки въ свою очередь будетъ правъ, не находя въ нихъ мѣновой цѣнности.

Дѣло въ томъ, что, по Маклеоду, мѣновую цѣнность имѣетъ все то, что можно продать или купить. Для Маклеода обмѣнъ все равно, что покупка или продажа. Въ семействѣ однако или въ общинѣ члены могутъ обмѣниваться, хотя и ничего не будутъ покупать другу у друга, ничего другъ другу не будутъ продавать [2].

Покупать, продавать — это значитъ, инымъ словомъ, торговать. Но обмѣнъ отличается отъ торговли тѣмъ-же, чѣмъ понятіе о правѣ вообще отличается отъ пріобрѣтеннаго недавно крестьянами права на личную свободу. Понятіе о правѣ обхватываетъ всякія права, гдѣ и когда бы они ни существовали; право крестьянъ говоритъ намъ о данномъ историческомъ фактѣ, извѣстнаго времени и мѣста. Точно такъ понятіе объ об-

---

[1] Ibid. стр. 15 примѣчаніе *a*.

[2] Ibid. § 27, стр. 14—15.

мѣнѣ говоритъ намъ о всякомъ обмѣнѣ, гдѣ и когда бы онъ ни встрѣчался, въ немъ стираются, пропадаютъ отличительные признаки, характеризующіе обмѣнъ даннаго времени или мѣста; въ понятіи « торговля », на-оборотъ, эти послѣдніе признаки выступаютъ на первый планъ. Чрезъ это понятіе мы выражаемъ, что имѣемъ въ виду не обмѣнъ вообще, а обмѣнъ, какъ онъ встрѣчается въ извѣстный періодъ хозяйственнаго развитія.

Могу купить я себѣ убѣжище на старость. Здѣсь очевидно, что я обмѣниваю то, что у меня есть теперь, на то, что мнѣ дадутъ, когда я буду старикъ. Если я за это плачу деньги, то я покупаю. Но отецъ, заботясь о своемъ сынѣ, воспитывая и развивая его силы, тоже надѣется, что на старости его, когда будетъ на то нужда, сынъ ему поможетъ. Когда сынъ ему поможетъ, то будетъ имѣть мѣсто обмѣнъ. Но торговли тутъ не будетъ. Отецъ не продаетъ своихъ заботъ сыну, сынъ, въ свою очередь, не продаетъ своей помощи отцу, короче — они не торгуютъ другъ съ другомъ. Есть пропасть другихъ случаевъ обмѣна, которые однако мы не рѣшаемся назвать торговлей. И это на томъ основаніи, что торговля, кромѣ тѣхъ признаковъ, которые характеризуютъ обмѣнъ, имѣетъ еще и свои специфическіе признаки [1].

Къ этимъ-то специфическимъ признакамъ принадлежитъ то, что обмѣниваемый предметъ долженъ имѣть мѣновую цѣнность. На этомъ-то основаніи Сей говоритъ, что цѣнность есть «la substance, avec laquelle seule on achète» [2]. Зная теперь, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать обмѣнъ Маклеода, мы можемъ понять и его мѣновую цѣнность.

---

[1] Различія, которыя проводитъ *Carey* (Princ. de la science sociale. T. I, p. 238, 239 и др.; T. II, p. 212, 222 слѣд., 238 § 4 и др.; T. III, p. 425 и др.) между commerce и trafic, для теоріи имѣютъ мало значенія.

[2] *J.-B.-Say*, Traité d'écon. pol., p. 141.

По Маклеоду, политико-экономъ знаетъ только то, что имѣетъ мѣновую цѣнность. Сей тоже находитъ, что основное свойство объекта хозяйственной науки — богатства — это его способность покупать. его мѣновая цѣнность [1]. То-же самое дѣлаетъ, какъ мы видѣли, и Дж. Ст.-Милль.

Ясное дѣло, что политико-экономы употребляютъ понятіе о мѣновой цѣнности въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ мы употребили выше понятіе о цѣнности вообще. По цѣнности, сказали мы, узнается, есть ли явленіе хозяйственное, или нѣтъ. Она есть форма, которую должно принять явленіе. чтобъ стать хозяйственнымъ.

Если общій смыслъ цѣнности и мѣновой цѣнности одинъ и тотъ-же, то мы кромѣ того видимъ, что у послѣдней ес ь еще свой смыслъ. На это указываетъ эпитетъ «мѣновая». Политико-экономы имѣютъ въ виду не всякую цѣнность, а именно *мѣновую*. Если, такимъ образомъ, понятіе о цѣнности выражаетъ понятіе о формѣ вообще, для всякихъ хозяйственныхъ явленій, какого бы они ни были времени или мѣста. — то понятіе о мѣновой цѣнности указываетъ на форму особенную, специфическую, окрашенную уже извѣстнымъ цвѣтомъ, характеризующимъ *торговлю*, нѣчто историческое.

Короче, въ мѣновой цѣнности мы имѣемъ предъ собой не логическую уже категорію, а историческую. Въ самомъ дѣлѣ, мѣновая цѣнность имѣетъ всѣ тѣ признаки, которые мы указали въ цѣнности. Какъ послѣдняя, она есть форма, по которой узнаются хозяйственныя явленія; мы видимъ здѣсь подтвержденіе сказаннаго выше, что историческая категорія не есть что-либо отдѣльное отъ соотвѣтствующей ей логической категоріи: она есть та-же логическая категорія, только болѣе опредѣлен-

[1] *J.-B.-Say*, Cours d'écon. pol. T. I, pp. 73, 76; *Mac-Culloch*, Princ. d'écon. pol. T. I, p. 1–2; изъ новѣйшихъ *Baudrillartt*, Manuel d'écon. pol. 1857. Chap. VI, pp. 30—31.

ная, болѣе конкретная. Эта конкретность ея обусловливается тѣмъ, что она обнимаетъ уже менѣе обширную сумму фактовъ, — а по общему логическому правилу, какъ извѣстно, понятіе тѣмъ конкретнѣе, тѣмъ шире оно по содержанію, чѣмъ уже оно по объему, чѣмъ къ меньшему числу фактовъ оно прилагается.

Если цѣнность есть форма, которая обусловливается отношеніемъ хозяйственнаго сознанія къ объективному матеріалу, который служитъ основаніемъ хозяйству, — то коль скоро и мѣновая цѣнность есть тоже форма, она должна обусловливаться тѣмъ-же. Что она и дѣйствительно этимъ обусловливается, ясно изъ того, что говоритъ Маклеодъ о торговлѣ и ея значеніи для политико-экономa. Это значеніе — первостепенное: она есть именно тотъ объективный матеріалъ, на которомъ основывается хозяйство даннаго времени Дж. Ст. Милль также находитъ, что мѣновая цѣнность имѣетъ громадное значеніе для общества, въ которомъ «все основано на покупкѣ и продажѣ»[1], т. е. на торговлѣ.

Здѣсь мы, далѣе, видимъ подтвержденіе высказаннаго выше, что понятіе о мѣновой цѣнности обусловливается выступившимъ на первый планъ какимъ-нибудь хозяйственнымъ элементомъ, который, на извѣстной степени развитія хозяйственнаго сознанія, считается важнѣе остальныхъ и потому становится основой всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ-какъ хозяйственное сознаніе только очень поздно начинаетъ развиваться подъ вліяніемъ науки, а до того руководствуется грубымъ эмпиризмомъ, т. е. односторонними знаніями, то послѣдствіемъ этого только и можетъ быть, что, наткнувшись на одинъ элементъ и замѣтивъ, что онъ одинъ еще не составляетъ всего въ хозяйствѣ, оно совершенно умаляетъ его значеніе и, на-оборотъ, будетъ преувеличивать значеніе того элемента, на который оно наткнулось въ слѣдующій періодъ

[1] *J.-St.-Mill*, Grundsatze der pol. Oek. S. 308.

развитія. Такимъ элементомъ представляется въ нашемъ случаѣ торговля. Что вліяніе этого элемента въ современномъ хозяйствѣ именно таково, что имъ закрываются остальные хозяйственные элементы, — ясно изъ того, что политико-экономы, которые желали болѣе обратить вниманіе на современную имъ эпоху при построеніи теоріи, всегда были упрекаемы въ преувеличеніи важности обмѣна, или вѣрнѣе торговли.

Такимъ образомъ, если цѣнность обусловливается отношеніемъ хозяйственнаго сознанія къ внѣшнему міру вообще, — то мѣновая цѣнность выражаетъ то-же самое отношеніе менѣе абстрактно: оно указываетъ, къ чему именно во внѣшнемъ мірѣ относится хозяйственное сознаніе.

Находя въ извѣстномъ явленіи основу хозяйства даннаго времени, сознаніе человѣка замѣчаетъ въ этомъ явленіи объективные признаки, характеризующіе это явленіе. А такъ-какъ цѣнность есть форма, въ которой выражаются хозяйственныя отношенія человѣка къ внѣшнему міру, — то, понятно, что вездѣ, гдѣ человѣкъ встрѣтитъ эти признаки, будетъ существовать и цѣнность.

Чтобъ изслѣдовать мѣновую цѣнность, намъ нужно, поэтому, узнать объективное свойство того явленія внѣшняго міра, которое въ данный періодъ становится на первый планъ въ хозяйствѣ. А изслѣдуемъ мы его, когда намъ будутъ извѣстны причины, его порождающія.

Это объективное свойство вещи — ея годность быть проданною или купленною, или, какъ это иначе называютъ, — *мѣноспособность* (Tauschfähigkeit). Что-же это за свойство и чѣмъ оно обусловливается?

Прежде всего, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это есть дѣйствительно свойство вещи, нѣчто объективное. Нѣкоторые политико-экономы понимали, что мѣноспособность слѣдуетъ различать отъ мѣновой цѣнности; но мы у нихъ не встрѣтили ука-

заній, въ чемъ именно это различіе[1]. Между тѣмъ очевидно, что это различіе не можетъ быть въ чемъ-либо иномъ, кромѣ какъ въ томъ, что мѣновая цѣнность противупоставляется мѣноспособности, какъ субъективное объективному. Въ цѣнности выражается, какъ мы уже нѣсколько разъ повторяли, хозяйственное отношеніе человѣка къ внѣшнему міру. Но цѣнность сама выражаетъ только половину этого отношенія: въ немъ на первомъ планѣ стоитъ субъективный моментъ. Но означенное отношеніе не есть исключительно субъективное: въ немъ такую же важную роль, какъ сознаніе человѣка, играетъ и то, что внѣ этого сознанія. Въ такомъ случаѣ должно существовать другое понятіе, которое будетъ выразителемъ этого также существенно необходимаго объективнаго момента.

Сущность хозяйства — въ сознательной дѣятельности, говоритъ наука. Но этого послѣдняго не нужно забывать: *наука* говоритъ это, а не сознаніе человѣка вообще, въ какомъ бы періодѣ развитія мы его ни взяли. Правда, наука выражаетъ здѣсь фактъ, который существовалъ вездѣ и всегда; но не вездѣ и не всегда этотъ фактъ былъ извѣстенъ хозяйственному сознанію. По наукѣ, въ принципѣ, такимъ образомъ, какъ субъективный, такъ и объективный моменты хозяйства будутъ существовать въ человѣкѣ, и наука съумѣетъ доказать, что то, что слѣдуетъ по принципу, всегда существовало и на практикѣ. Но неразвитое сознаніе можетъ находить этотъ объективный моментъ внѣ себя, или въ извѣстной только дѣятельности, предпочтительно предъ другими. Понятно, что въ такомъ случаѣ будутъ

[1] Такъ напр. *Roscher*, System... Bd. I. S. 7 (§, 4 nota 1), говоритъ: man sollte Tauschwerth und Tauschfahigkeit scharf (NB) unterscheiden; между тѣмъ, ib. S. 187, 188, цѣна опредѣляется чрезъ мѣновую цѣнность и разница между ними та, что первая есть specielle Möglichkeit (eingetauscht zu werden), а вторая allgemeine Möglichkeit (?!).

существовать два понятія: одно будетъ выражать *настоящій* объективный моментъ, какъ понимаетъ его наука, постоянный и повсемѣстный, не обусловливающійся степенью развитія хозяйственнаго сознанія; другое будетъ выражать объективное какое-нибудь явленіе, которое сознанію, въ извѣстный періодъ развитія, кажется основой хозяйства. Первое понятіе всегда будетъ говорить о дѣятельности; второе, въ нашемъ данномъ случаѣ, говоритъ о мѣноспособности.

Мы увидимъ ниже, что мѣноспособность вещи имѣетъ тѣсную связь съ дѣятельностью, которая была нужна для того, чтобы вещь существовала, но эта связь не необходимая: она можетъ и не существовать. Если такъ, то мы имѣемъ предъ собой случай, когда объективный хозяйственный моментъ представляется намъ не въ человѣкѣ, а внѣ его, въ свойствѣ вещи. Человѣкъ не есть въ такомъ случаѣ единственная основа хозяйства, не изъ него все исходитъ, не на немъ держится все хозяйство; есть еще кромѣ него другой факторъ, съ которымъ ему приходится дѣлиться значеніемъ и силой.

Теперь мы можемъ обратиться къ вопросу — какими обстоятельствами обусловливается мѣноспособность вещи?

Мы сказали, что только нѣкоторые политико-экономы желали различать мѣноспособность отъ мѣновой цѣнности. Понятно поэтому, что вопросъ нашъ въ литературѣ долженъ имѣть другой видъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ литературѣ обыкновенно идетъ дѣло объ основаніяхъ мѣновой цѣнности. Очевидно однако, что это въ сущности одно и то-же. Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, когда вспомнимъ, какъ наука мало обращала вниманія на субъективный моментъ, въ нашемъ смыслѣ, въ мѣновой цѣнности, и какъ часто ее приходится упрекать въ излишнемъ объективированіи.

Школа Смита, которая видѣла въ дѣятельности человѣка основу хозяйства, видѣла въ ней и основу цѣнности. «Я разсматриваю трудъ, говоритъ напр. Рикардо, какъ источникъ вся-

кой цѣнности»[1]. «Если вещи имѣютъ цѣнность, говоритъ Дестю-де-Траси, то это въ силу труда, который на нихъ затраченъ»[2]. «Трудъ, затраченный на производство вещи, есть причина, по которой она имѣетъ цѣнность»[3]. Высказывая подобное положеніе, Смитъ и его школа забываютъ совершенно, что въ хозяйствѣ не малую роль играетъ историческій моментъ. На эту ошибку, проникающую насквозь систему Смита, указывалъ еще Фр. Листъ. — «Смитъ, равно какъ и его послѣдователи, говоритъ Бр. Гильдебрандтъ, совершенно забыли, что человѣкъ есть прежде всего продуктъ цивилизаціи и исторіи, что его потребности, его образованіе, его отношенія къ вещественнымъ цѣнностямъ, равно какъ и къ людямъ, никогда не остаются одни и тѣ-же, а географически и исторически безпрерывно мѣняются вмѣстѣ со всею образованностью человѣчества»[4].

Вслѣдствіе этой ошибки писатели, желавшіе помощью теоріи объяснять факты, которые у нихъ были предъ глазами, должны были скоро замѣтить, что для такой цѣли положеніе Смита не годится. Въ самомъ дѣлѣ, практика представляетъ немало вещей, которыя имѣютъ большое значеніе въ хозяйствѣ, имѣютъ мѣновую цѣнность, и все-таки не суть результатъ труда. Во имя объясненія практики приходилось поправить теорію.

Чтобы поправить теорію, Сей отрицалъ важное значеніе, которое Смитъ придавалъ труду, какъ единственной основѣ хозяйства, а слѣдовательно и цѣнности. «Я не могу, говоритъ онъ, согласиться съ Смитомъ въ томъ, что трудъ есть единственное

[1] *Ricardo*, Oeuvres complètes, p. 14.

[2] Ib., p. 260.

[3] *Malthus*, Principes d'économie politique, p. 77; *Canard*, Principes d'écon. polit. 1801, pp. 6, 9, 21 и др.; *Mac Culloch*, Principes d'écon. pol. T. I, pp. 1, 2, 46—47, 67, 67, 68, 69, 71, 355, 362 и др.

[4] *Бруно Гильдебрандтъ*, Политич. экон. настоящаго и будущаго. Пер. Щепкина. 1860. Стр. 19.

основаніе цѣнности. Способность быть годною вещь получаетъ не только отъ труда, но еще услуги капитала и земли тоже содѣйствуютъ этому. Продуктъ имѣетъ цѣнность только тогда, когда потребитель находитъ его для себя полезнымъ»[1]. Отсюда ученіе Сея о полезности, какъ «первоначальномъ основаніи, по которому вещи имѣютъ цѣнность»[2]. «Цѣнность, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — уже прямо употребляя это слово въ смыслѣ мѣноспособности, есть качество, существующее въ самой вещи, независимо отъ того, что покупатель даетъ за нее. Это качество, *вслѣдствіе* котораго вещь получаетъ цѣнность, очевидно, есть ея полезность»[3]. Это ученіе Сея о полезности, какъ основѣ цѣнности, нашедшее себѣ немало послѣдователей, въ высшей степени важно въ исторіи нашей науки, и потому мы на немъ нѣсколько остановимся.

Ад. Смитъ, упустивъ изъ виду историческій моментъ, потерялъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность познавать и различать тѣ явленія и перемѣны, которыя происходятъ въ хозяйствѣ оттого, что въ немъ обращается живой человѣкъ, способный къ развитію, слѣдовательно къ тому, чтобъ находить удобнымъ и умѣстнымъ для своего благосостоянія въ различныя времена различное. Понятно, что, приступая къ описанію хозяйства, Смиту очень легко было подпасть прежде всего подъ вліяніе факта, современнаго ему. Такъ оно и было на дѣлѣ. «Смитова система, говоритъ Бр. Гильдебрантъ, выдавала себя за всеобщее ученіе человѣческаго хозяйства, а на самомъ дѣлѣ была лишь выраженіемъ денежнаго хозяйства, которое только-что успѣло упрочить свое господство въ Европѣ»[4]. Но ошибка Смита была не въ томъ только,

---

[1] *J.-B.-Say*, Traité d'économie politique, d. 283.

[2] *J.-B.-Say*, Traité d'écon. pol., p. 56.

[3] *J.-B.-Say*, Cours d'écon. pol. T. I, p. 78.

[4] *Бруно Гильдебрантъ*, Полит. экон. настоящаго и будущаго, стр. 20.

что онъ принялъ одинъ историческій періодъ хозяйства за все хозяйство и такимъ образомъ смѣшалъ часть съ цѣлымъ. Ошибка была еще въ томъ, что подъ эту часть онъ подложилъ основаніе, которое приходилось только для всего зданія. Крайне матеріалистическій взглядъ на человѣка[1] помѣшалъ ему замѣтить, что и сознательная воля человѣка тоже играетъ немалую роль въ установкѣ этого основанія. « Экономическая наука была для всей смитовской школы естественнымъ ученіемъ объ обмѣнѣ »[2], и это обусловливалось тѣмъ, что школа жила и дѣйствовала въ такой періодъ исторіи развитія хозяйства, когда хозяйственное сознаніе остановилось на обмѣнѣ и увидѣло въ немъ начало и основу всего хозяйства. Но эту связь своего ученія съ временемъ школа упустила изъ виду. Справедливо полагая, что трудъ человѣка всему основа, да за-тѣмъ упустивъ изъ виду связь современнаго ей хозяйства съ временемъ и мѣстомъ, она подложила эту основу и подъ это хозяйство, и, понятно, должна была разойдтись съ практикой.

Слѣдуетъ ли отсюда однако, какъ думалъ Сей, что вообще ученіе Смита о дѣятельности, какъ единственной основѣ хозяйства, было ложно? Очевидно — нѣтъ. Сей думалъ, что ученіе Смита не полно, и онъ его поправилъ теоріей трехъ факторовъ производства. Такой ли однако поправки требовала теорія Смита, и въ самомъ ли дѣлѣ Сей поправилъ теорію Смита?

Что на всѣ эти вопросы можно дать одни только отрицательные отвѣты, доказываетъ самъ Сей. Въ самомъ дѣлѣ, уже его ученіе о естественныхъ и общественныхъ богатствахъ, которое мы привели выше, доказываетъ, что на его взглядъ, какъ и на смитовскій, хозяйство знаетъ только то, что произведено человѣческою дѣятельностью. Всѣ тѣ блага, « для полученія которыхъ никто не обязанъ приносить никакой жертвы, суть естественныя богатства. *Ихъ политическая экономія не знаетъ.*

[1] Ib. стр. 22.

[2] Ib. стр. 23—24.

Но есть другія блага, которыхъ никто не получаетъ даромъ, *которыя суть результатъ производства. Вотъ это суть настоящія блага;* ихъ можно назвать, для отличія, общественными благами. *Только ихъ знаетъ политическая экономія*[1]. — Съ другой стороны, Сей не могъ не замѣтить, что одна человѣческая дѣятельность не достаточна для объясненія всѣхъ явленій, что у него такимъ образомъ остается еще много фактовъ, въ которыхъ встрѣчается цѣнность, хотя нѣтъ человѣческой дѣятельности. Зато онъ всегда замѣчалъ, что гдѣ есть цѣнность, тамъ всегда есть и полезность. Сподручнѣе было поэтому соединить причинною связью цѣнность съ полезностью, а не съ дѣятельностью. На какую-же теорію онъ при этомъ будетъ опираться? Очевидно, что ученіе о дѣятельности человѣка здѣсь не годилось.

А между тѣмъ практика показывала, что полезныя вещи, имѣющія мѣновую цѣнность, производитъ не только дѣятельность человѣка, но еще природа, да капиталъ.

Коль скоро цѣнность есть специфическій признакъ хозяйственныхъ свойствъ вещей, то ясенъ выводъ: это специфическое свойство является не только вслѣдствіе человѣческой дѣятельности, но еще и благодаря природѣ и капиталу.

Но практика показывала еще и другой фактъ: не всякая полезная вещь имѣетъ это хозяйственное свойство. А между тѣмъ по теоріи выходило, что всякая полезная вещь производится какимъ-нибудь хозяйственнымъ факторомъ. Говорить о необходимости *совокупнаго* дѣйствія всѣхъ трехъ факторовъ нельзя было: практика показывала случаи цѣнности безъ всякаго вмѣшательства человѣческой дѣятельности. Отчего же одни полезные продукты хозяйственныхъ факторовъ имѣютъ мѣновую цѣнность, а другіе нѣтъ?[2].

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ приходилось опять-

---

[1] *J.-B.-Say*, Traité d'écon. polit., p. 315.

[2] *Walras*, Théorie de la richesse et de l'origine de la valeur, pp. 35, 71, 79, 146, 202 и др.

таки возвращаться къ тому вопросу, съ котораго начали.

Мы уже указывали на то, что мѣновая цѣнность смѣшивалась съ мѣноспособностью. Такъ-какъ мѣноспособность есть свойство *вещи*, то, значитъ, каждая вещь, имѣющая это свойство, имѣетъ его въ опредѣленномъ размѣрѣ. Мы никогда не говоримъ о цвѣтѣ данной вещи, употребляя для этого слово, выражающее вообще понятіе о цвѣтѣ. Слово «бѣлизна» мы употребляемъ только тогда, когда говоримъ объ этомъ цвѣтѣ вообще, безъ отношенія къ той или другой вещи, которая его имѣетъ. Но когда заходитъ рѣчь о данной вещи, тогда мы начинаемъ говорить о размѣрѣ этой бѣлизны, мы говоримъ о болѣе или менѣе бѣлыхъ вещахъ; потому что иначе нельзя будетъ различать данную бѣлую вещь отъ другихъ бѣлыхъ вещей.

Такъ точно и о мѣноспособности мы говоримъ только тогда, когда имѣемъ въ виду это свойство, безъ отношенія къ той или другой вещи, имъ обладающей. Но когда зайдетъ рѣчь о данной вещи, тогда намъ придется заговорить о размѣрѣ ея мѣноспособности. Этотъ размѣръ мѣноспособности вещи есть ея цѣна.

Смѣшавъ мѣноспособность съ мѣновою цѣнностью, политико-экономы обходили вопросъ о причинѣ мѣноспособности вопросомъ о причинѣ размѣра мѣноспособности. Очевидно однако, что это совершенно различныя вещи. Вопросъ о сущности бѣлизны, о томъ, что она такое и чѣмъ обусловливается ея существованіе, — нѣчто совершенно различное отъ вопроса, почему та или другая бѣлая вещь болѣе или менѣе бѣла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оба вопроса имѣютъ и общее между собою: въ обоихъ идетъ рѣчь о бѣлизнѣ.

Поэтому-то политико-экономы легко могли переходить отъ одного вопроса къ другому безъ того, чтобъ этотъ переходъ былъ рѣзко замѣченъ: по-видимому, политико-экономы въ обоихъ случаяхъ занимаются однимъ и тѣмъ-же

Вотъ почему мы встрѣчаемъ указанныя выше противурѣчія у Сея, говоритъ ли онъ о цѣнности или о цѣнѣ. «Полезность,

говоритъ онъ, есть первое основаніе цѣнности; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что послѣдняя пропорціальна первой. Цѣнность будетъ только тей полезности пропорціональна, которую вещь имѣетъ, благодаря человѣку», и далѣе—всякій случай, когда цѣнность болѣе, нежели полезность, сообщенная человѣкомъ вещи, Сей называетъ патологическимъ [1]. Все это очень справедливо, но, во-первыхъ, это противурѣчитъ теоріи трехъ факторовъ, во вторыхъ, бываютъ и патологическіе случаи въ дѣятельности. Чѣмъ же объяснить послѣдніе? Не для нихъ выдумана теорія трехъ факторовъ, но въ такомъ случаѣ она не годится для предназначенной ей цѣли. Вѣдь по теоріи всѣ три фактора необходимы для существованія всякихъ цѣнъ и цѣнностей, все равно патологическихъ или нормальныхъ. Ясное дѣло, что однѣ и тѣже причины могутъ имѣть противуположныя послѣдствія только тогда, когда къ причинамъ, производившимъ нормальное послѣдствіе, прибавилась еще какая-нибудь причина, или причины иначе комбинируются, или вообще произошла какая-либо перемѣна въ нихъ. Иначе какъ-же объяснить перемѣны въ результатахъ?

Теорія трехъ факторовъ до сихъ поръ стоитъ крѣпко въ наукѣ, не смотря на рѣзкое ея противурѣчіе съ основнымъ принципомъ, выставленнымъ Ад. Смитомъ, — не смотря на то, что держаться ея и потомъ утверждать, что раціональная политическая экономія начинается только съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ Смитъ провозгласилъ идею труда, какъ основу всего, значитъ— наносить глубочайшее оскорбленіе логикѣ.

Эта теорія низводитъ человѣка съ того высокаго пьедестала, на который его поставилъ Смитъ. Человѣкъ перестаетъ быть центромъ хозяйства, уже даже *по принципу*. *Въ идеѣ* онъ не есть основа хозяйства; кромѣ него есть еще и другія основы [2].

---

[1] *Say*, Cours d'écon. polit., T. I, p. 80.

[2] *Baudrillart*, De méthode en écon. pol. въ Journ. des économ. 1866. № 1, p. 19.

Сей былъ однако правъ, когда онъ былъ недоволенъ смитовскимъ отвѣтомъ на вопросъ объ основаніяхъ мѣноспособности. Указаніе на человѣка, какъ на основу хозяйства, было тутъ неумѣстно. Основу, дѣйствительно, нужно было искать внѣ человѣческой дѣятельности. Гдѣ именно? для этого нужно было спроситься у исторіи; а извѣстно, какого взгляда былъ Сей на исторію, какъ на вспомогательную науку для теоретико-политико-экономa.

Изъ сказаннаго должно быть само по себѣ очевидно, что наука не могла остаться удовлетворенною основаніями мѣноспособности по теоріи Сея. И это по той-же причинѣ, по которой не удовлетворяетъ теорія Смита. «Если-бъ теорія Смита — разсуждаетъ Бастіа, отожествляя мѣновую цѣнность, мѣноспособность и цѣну — была вѣрна, то въ такомъ случаѣ цѣна вещи была бы пропорціональна затраченному на ея производство количеству труда, а этого на практикѣ нѣтъ; значитъ — теорія не вѣрна»[1]. Бастіа смѣлѣе Сея: тотъ, какъ мы видѣли, полагалъ еще, что могутъ быть случаи, когда цѣна непропорціональна труду, но за-то считалъ ихъ ненормальными. Бастіа не хочетъ знать никакихъ ненормальныхъ случаевъ и на этомъ основаніи отвергаетъ теорію. На такомъ-же основаніи онъ отвергаетъ ученіе Сея.

Другую теорію выставилъ Сеніоръ. По его мнѣнію, мѣноспособность вещи основывается на ея рѣдкости. «Коль скоро полезная вещь находится въ ограниченномъ количествѣ, то она имѣетъ мѣноспособность и цѣну»[2]. *Рѣдкая полезность* есть такимъ образомъ основаніе мѣноспособности. Шеффле также находитъ, что потребность и рѣдкость опредѣляютъ мѣноспособность и ея размѣръ[3].

[1] *Bastiat*, Oeuvres complètes. T. VI, pp. 178, 483 и др. Тоже и *Senior*, Princip. fond., p. 212. *Mannequin*, Travail et liberté. T. I, pp. 47, 53, 57 и др.

[2] *Senior*, Princip. fondamentaux d'écon. polit. Trad. par Arrivabene. 1863, p. 90—91.

[3] *Schaffle*, Die Nationalœkonomie. S. 92. Весьма энергично эту теорію защищаетъ *Walras*, Sur la théorie de la richesse etc.

Теорія эта имѣетъ свою основу въ томъ эмпирическомъ фактѣ, что вещи, имѣющія мѣновую цѣнность, находятся въ природѣ въ ограниченномъ количествѣ. Два явленія, такимъ образомъ, соединяются причинною связью только потому, что постоянно сопутствуютъ другъ другу. Но постоянное сопутствіе двухъ явленій не даетъ еще права соединять ихъ причинною связью[1]. Post hoc, ergo propter hoc, cum hoc, ergo propter hoc, какъ извѣстно, самыя плохія правила для руководства при научныхъ выводахъ. Мало одного факта, который даетъ намъ опытъ, что никогда не было вещи, имѣющей мѣновую цѣнность, которая не была и рѣдкой; нужно еще доказать, что не можетъ быть вовсе рѣдкаго полезнаго предмета, который не имѣлъ бы еще и цѣнности. Но этого никто еще не доказалъ; между тѣмъ нетрудно доказать противное. Нетрудно указать на такіе полезные предметы, которые находятся въ природѣ въ неограниченномъ количествѣ и все-таки не имѣютъ мѣновой цѣнности. «Если-бъ, говоритъ Рошеръ[2], мы пожелали составить себѣ понятіе о богатствѣ какого-либо народа и для этого приняли бы во вниманіе только предметы, имѣющіе мѣновую цѣнность, то намъ пришлось бы упустить изъ виду чрезвычайно важные элементы; такъ, напр., гавани, судоходныя рѣки, дороги, значеніе которыхъ для народнаго хозяйства можетъ быть гораздо больше, нежели значеніе акцій, на которыя онѣ построены, для владѣтелей этихъ акцій. Всѣ эти гавани, рѣки, искусственныя дороги и т. д. — рѣдкіе и полезные предметы, а между тѣмъ они не имѣютъ мѣновой цѣнности.

Если-бы ученіе Сеніора было вѣрно, то въ такомъ случаѣ, чѣмъ болѣе предметъ былъ бы рѣдокъ, тѣмъ болѣе было бы ему вѣроятности имѣть мѣновую цѣнность. Въ дѣйствительности, однако, бываетъ совершенно противуположное. «Когда предметъ

[1] *J.-S.-Mill*, System der Logik. 1862. Bd. I. S 399—403.

[2] *Roscher*, System. Bd. I. S. 12 (с. 38). *Schäffle* въ Tüb Zeit. Bd. XX. S. 184.

очень рѣдко, говоритъ Росси[1], то весьма мало вѣроятности, чтобъ онъ могъ быть предметомъ обмѣна (чтобъ онъ имѣлъ мѣноспособность). Въ осажденномъ городѣ, гдѣ всѣмъ угрожаетъ голодная смерть, тотъ, кто обладаетъ чѣмъ-нибудь съѣстнымъ, ни за какія блага въ мірѣ не уступитъ его другому. Если вамъ угрожаетъ смерть съ холоду, то вы не продадите того, что васъ согрѣваетъ, хотя бы вамъ предлагали за это 100.000 франковъ».

Что касается до вліянія, которое будто бы полезность и рѣдкость имѣютъ не только на мѣноспособность, но и на размѣръ ея, то, какъ весьма справедливо замѣчаетъ Манекенъ[2], трудно понять, какъ изъ отвлеченныхъ понятій о рѣдкости и полезности можетъ вытекать конкретное количество. Несоизмѣрность полезности признана была политико-экономами. Ее признаетъ даже и самъ Шеффле[3]. «Вещная годность или полезность блага, говоритъ онъ, не можетъ быть измѣряема. Сколько пользы приноситъ опредѣленное количество извѣстныхъ благъ по сравненію съ другими благами, въ какой пропорціи отдѣльныя блага принимаютъ участіе въ достиженіи хозяйственной цѣли, также трудно узнать, какъ трудно узнать, какой изъ двухъ множителей 5 или 4 больше содѣйствуетъ образованію ихъ произведенія — 20. Для истинной, дѣйствительной цѣнности, въ смыслѣ фактическаго значенія пользы, нѣтъ масштаба да ее обыкновенно и не измѣряютъ». Но то-же самое и на такомъ-же основаніи можно примѣнить и къ рѣдкости.

Мы слишкомъ неполно изложили бы теоріи Сея и Сеніора, если-бъ не упомянули еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое эти писатели считаютъ необходимымъ для мѣновой цѣнности, хотя они и не говорятъ о причинной связи между ними. Обстоятельство это заключается въ томъ, что предметъ, имѣющій мѣновую

[1] *Rossi*, Cours d'écon. pol. T. I, p. 55.

[2] *Mannequin*, Travail et liberté. T. I, p 17.

[3] *Schäffle*, Die Nationalœkonomie, S. 92—93; *Ricardo*, Oeuvres complètes, p. 394; *Bastiat*, Oeuvres complètes. T. VI, p. 267.

цѣнность, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда составляетъ частную, исключительную собственность одного или болѣе лицъ. Сей говоритъ о частной, исключительной собственности, какъ объ одномъ изъ признаковъ общественныхъ богатствъ[1]. По Сеніору, чтобъ вещь имѣла цѣнность ей нужно имѣть свойство быть передаваемой (propriété de pouvoir être transféré). Передавать же нельзя того, что не принадлежитъ никому. Чтобъ вещь имѣла мѣноспособность, значитъ, ей нужно принадлежать кому-либо»[2].

Что это обстоятельство, въ самомъ дѣлѣ, существенно важно, очевидно изъ того, что тѣ рѣдкія полезныя блага, которыя не имѣютъ мѣноспособности, вмѣстѣ съ тѣмъ не суть предметы частной собственности; такъ, напр., приведенныя выше государственныя имущества. Вещь можетъ терять мѣновую цѣнность именно потому, что она перестала быть частною собственностью и стала государственною; такъ, напр., городъ покупаетъ садъ у частнаго лица, и пользованіе садомъ предоставляется всѣмъ жителямъ безвозмездно, тогда-какъ прежде за входъ въ садъ была плата. Очевидно — садъ *потерялъ* мѣновую цѣнность: онъ прежде имѣлъ ее, а теперь не имѣетъ, и именно потому, что онъ не составляетъ предмета частной собственности. Другой примѣръ: Зундскій проливъ имѣлъ мѣноспособность, когда существовали зундскія пошлины; но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ проливъ не составляетъ уже исключительной собственности одного государства, а составляетъ достояніе всѣхъ народовъ, пошлинъ нѣтъ, нѣтъ мѣновой цѣнности.

Но не менѣе очевидно такъ-же и то, что если частная собственность составляетъ необходимое условіе для мѣноспособности предмета, — это обстоятельство само по себѣ еще не даетъ мѣноспособности ему. Въ этомъ насъ можетъ убѣдить приведенный выше примѣръ Росси.

---

[1] *J.-B.-Say*, Traité d'écon. pol., p. 315.

[2] *Senior*, Princip. fond. d'écon. pol., p. 78.

Бастіа, какъ извѣстно, былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что до него политико-экономы писали о цѣнности. «До сихъ поръ, говоритъ онъ, искали основанія цѣнности въ одномъ изъ обстоятельствъ, которыя увеличиваютъ или уменьшаютъ ее, — ложное направленіе, которое получила наука уже съ самаго начала: ибо обстоятельство, видоизмѣняющее явленіе, не можетъ быть его основаніемъ. Даже болѣе, каждый писатель становится крестнымъ отцемъ какихъ-нибудь обстоятельствъ, которыя ему казались господствующими и результаты которыхъ онъ всегда стремился обобщить. Такимъ образомъ для Рикардо основаніе цѣнности — въ трудѣ, для Сея — въ полезности, для Сеніора — въ рѣдкости и т. д.»[1].

Бастіа, какъ видимъ, недоволенъ тѣмъ, что смѣшиваются причины, опредѣляющія размѣръ мѣноспособности, съ причинами, опредѣляющими самую мѣноспособность, что изслѣдованіе цѣнъ перепутывается съ изслѣдованіемъ мѣновой цѣнности. Но самъ Бастіа ни на волосъ не сдѣлалъ для того, чтобъ различать эти вещи. Мы видѣли уже, что цѣнность потребленія для него безсмыслица; цѣнность и мѣновая цѣнность для него тождественны; о различіи между мѣновою цѣнностью и мѣноспособностью онъ не упоминаетъ ни слова; наконецъ, мѣновую цѣнность онъ опредѣляетъ пропорціею, въ которой обмѣниваются услуги, то есть чрезъ размѣръ мѣноспособности услугъ; а это значитъ отожествлять мѣновую цѣнность съ цѣной.

Трудно послѣ этого понять, какой смыслъ въ устахъ Бастіа имѣетъ высказанный имъ предшествовавшимъ писателямъ упрекъ, когда этотъ упрекъ въ такой-же мѣрѣ можетъ быть отнесенъ и къ нему самому.

Если Бастіа и не свободенъ отъ этого упрека, если онъ сознательно не различалъ того, что слѣдуетъ различать, и, такъ-

[1] *Bastiat*, Oeuvres complètes. T. VI, p. 147.

какъ онъ больше другихъ занимался вопросомъ о цѣнности, то, помимо его воли, по самой сущности дѣла, эти различія пробивались наружу и отражаются на различныхъ опредѣленіяхъ его цѣнности. Именно тѣмъ, что различія помимо его сознанія пробивались наружу, можно объяснить кажущіяся противурѣчія его по вопросу о цѣнности.

Такъ важность субъективнаго момента въ цѣнности явно выходитъ на видъ, когда его интересуетъ сама цѣнность, а не цѣна, и можно ясно различать то, что онъ говоритъ въ одномъ случаѣ, отъ того, что онъ говоритъ въ другомъ [1].

Если мы обратимся къ Бастіа съ вопросомъ, почему вещи имѣютъ цѣнность, то уже съ самаго начала мы получаемъ слѣдующій отвѣтъ: «вещи получаютъ цѣнность не прежде того, какъ трудъ имъ ее сообщилъ» [2]. «Силы природы сами по себѣ не создаютъ и не имѣютъ цѣнности. Это главная мысль всего моего сочиненія» [3] (Harmonies économiques).

Эту мысль, въ самомъ дѣлѣ, онъ повторяетъ множество разъ. «Полезность, говоритъ онъ, производится трудомъ и природой; цѣнность относится только до перваго» [4]. «Воздухъ имѣетъ полезность, а не цѣнность, потому что эта полезность существуетъ помимо человѣческаго усилія» [5], онъ получаетъ цѣнность, когда полезность его существуетъ, благодаря усилію человѣка, хотя и тутъ, собственно говоря, цѣнность имѣетъ не воздухъ самъ по себѣ, а трудъ [6]. Вода сама по себѣ не имѣетъ цѣнности, — трудъ [7],

---

[1] Сравн., напр., ib. pp. 59, 85, 143, 144, 146 и др. съ pp. 82, 83, 84, 97, 120, 145, 341 и др.

[2] Ib. p. 82.

[3] Ib. p. 83.

[4] Ib. p. 84.

[5] Ib. p. 148.

[6] T. IV, p. 405—406.

[7] Ib. 404.

необходимый для ея добыванія, имѣетъ эту цѣнность. По истинѣ, цѣнность всегда въ трудѣ; когда мы говоримъ: вода имѣетъ цѣнность, то это такая-же метонимія, какъ если-бы мы сказали: мы пьемъ бутылку [1]. Цѣнности денегъ тоже основана на трудѣ, которымъ онѣ произведены [2].

Мнѣніе Бастіа по занимающему насъ вопросу, кажется, очевидно изъ приведенныхъ цитатъ. Мы могли бы ихъ увеличить во сто разъ, потому что Бастіа повторяетъ его безпрестанно, и понятно, почему это такъ. Послѣ Смита и Рикардо не было ни одного экономиста, который бы такъ сильно сознавалъ важность труда въ общественной экономіи.

А между тѣмъ мы уже разъ имѣли случай замѣтить, что Бастіа не согласенъ со Смитомъ и Рикадро, и несогласіе начинается съ того пункта, когда цѣнность начинаетъ смѣшиваться съ цѣной. Рикардо смѣшивалъ цѣнность съ цѣной и, основывая первую на трудѣ, полагалъ, что вторая ему пропорціональна. Этой пропорціональности Бастіа не находилъ въ дѣйствительности, и, можетъ быть, это съ его стороны было логически; вслѣдствіе такого обстоятельства онъ колебался, когда приходилось цѣнность основывать на трудѣ. Манекенъ, разбирая недавно Бастіа, прямо высказался, что на его взглядъ Бастіа по вопросу о цѣнности повторялъ Рикардо [3]. Это однако несправедливо. Бастіа не разъ высказывался противъ Рикардо и Смита. «Политико-экономы, говоритъ онъ, очень приближаются къ истинѣ, когда въ трудѣ хотятъ видѣть основаніе цѣнности. Жаль, что они при этомъ имѣютъ въ виду только ручной трудъ» [4].

Бастіа думалъ, что онъ поправитъ дѣло, если вмѣсто труда

[1] Ib. 405, и T. VI, p. 98.

[2] T. VI, p. 167, еще 97, 108—109, 187, 189, 205, 219, 244, 278, 362, 483 и др.

[3] *Mannequin*, Travail et liberté. T. I, p. 69, и вообще 63—84.

[4] *Bastiat*, Oeuv. compl. T. VI, p. 177.

будетъ говорить объ услугѣ. «Услуга, а не трудъ, основаніе цѣнности, потому что цѣнность пропорціональна послѣдней, а не первому» [1]. Но, какъ уже замѣтилъ Лассаль, введеніемъ новой категоріи въ хозяйственную науку, Бастіа еще болѣе запуталъ вопросъ. Впрочемъ, я долженъ замѣтить, что эта категорія имѣетъ гораздо болѣе смысла, нежели сколько приписывалъ ей Лассаль. Смыслъ ея именно въ томъ, что коль-скоро Бастіа дѣлаетъ цѣну ей пропорціональной, онъ чрезъ то приписываетъ сильное участіе въ установленіи цѣны чисто личному началу.

Уже Рошеръ [2] указалъ на двойственный смыслъ, который имѣетъ понятіе объ услугѣ. Оно, съ одной стороны, можетъ означать усиліе, которое необходимо было для того, чтобы оказать услугу; съ другой стороны, оно можетъ выражать полезность услуги. Этотъ двойственный смыслъ лишаетъ его всякаго значенія для научнаго рѣшенія вопроса.

Если Бастіа и настаивалъ на услугѣ, какъ основаніи цѣнности, — то онъ, съ другой стороны, не мало старался разъяснить дѣло и безъ нея. Этимъ объясняется частое повтореніе Смита и Рикардо. Но онъ еще другими путями постоянно наталкивался на необходимость этого повторенія. Такъ, онъ считаетъ свободу необходимой для цѣнности [3], и потомъ говоритъ, что, при свободѣ, цѣнности вещей стремятся къ тому, чтобъ быть пропорціональными труду [4].

Недостатокъ Смита и Рикардо, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что въ ихъ цѣнности не видно, что обмѣнъ тоже одна изъ причинъ ея возникновенія. Безъ обмѣна нѣтъ цѣнности, безъ него и понять ее нельзя.

---

[1] Ib. p. 150, 319, 406 и др.

[2] *Roscher*, System. Bd. I, S. 8 (§ 5, пр. 5). *Kautz*, Die geschichtliche Entwickelung der Nationaloekonomie. S. 579.

[3] *Bastiat*, T. VI. p. 85, 327 и др.

[4] Ib. p. p. 153, 179, 342, 352, 360, 370, 375, 410 и др.

Вопросъ о томъ, предшествуетъ ли обмѣнъ цѣнности, или наоборотъ, въ послѣднее время снова подвергся обсужденію въ наукѣ. Собственно для новаго изслѣдованія этого вопроса Михаэлисъ написалъ свою статью о цѣнности [1]; ибо ему казалось, что положеніе, будто цѣнность есть послѣдствіе обмѣна, ведетъ къ смѣшенію цѣнности съ цѣной.

Мы уже видѣли, что Манекенъ въ результатѣ своихъ новыхъ изслѣдованій пришелъ къ тому, что не нашелъ никакой разницы между цѣнностью и цѣной; слѣдовательно, на его взглядъ, безъ обмѣна нѣтъ цѣнности. Къ другому выводу приходятъ нѣмецкіе политико-экономы. Шеффле находитъ практически неважнымъ мѣновой моментъ для понятія о благѣ; положеніе, что цѣнность есть пропорція, онъ считаетъ за petitio principii [2]. То-же самое думаетъ и Рошеръ. «Развѣ, говоритъ онъ, у Робинзона нѣтъ хозяйства? Развѣ блага, которыя крестьянинъ потребляетъ въ своемъ хозяйствѣ, суть менѣе хозяйственные моменты, нежели блага, которыя онъ назначилъ къ продажѣ?» [3]. Что касается до Робинзона, на котораго ссылается и Шеффле, то мы уже высказались на-счетъ научности доводовъ, которые опираются не на болѣе или менѣе вѣроятномъ гипотетическомъ примѣрѣ, а буквально на миѳѣ. Второй доводъ Рошера имѣетъ болѣе силы, но Рошеръ упустилъ изъ виду, что обмѣнъ есть и въ семействѣ хозяина, хотя тамъ и нѣтъ торговли, такъ-что если въ семейномъ хозяйствѣ существуетъ цѣнность, то тамъ существуетъ и обмѣнъ.

Хозяйства безъ обмѣна нѣтъ, цѣнность однако обусловливается не обмѣномъ, а тѣмъ что необходимо для хозяйства отношеніе сознанія человѣка къ внѣшнему міру. Чтобы суще-

---

[1] *Michaelis*, Zum Kapitel vom Werthe, l. c. S. 1—2.

[2] *Schaffle*, Preise, l. c. S. 202, и Zeit. f. d. g. St.-W. Bd. XX. S. 578.

[3] *Roscher*, System. Bd. I S. 4.

ствовала цѣнность необходимо, чтобы существовало хозяйство, слѣдовательно всѣ тѣ элементы, совокупность которыхъ составляетъ хозяйственный міръ, между ними, значитъ — и обмѣнъ. Такимъ образомъ справедливо, что цѣнности нѣтъ безъ обмѣна; но точно такъ-же цѣнности нѣтъ, когда нѣтъ другаго существенно-необходимаго хозяйственнаго элемента; потому что во всякомъ подобномъ случаѣ нѣтъ хозяйства. Специфической связи между цѣнностью и обмѣномъ нѣтъ. Цѣнность есть самостоятельная хозяйственная категорія, которая на-столько же обусловливается другими, на-сколько другія обусловливаются ею. Какъ всякая другая хозяйственная категорія она имѣетъ свое индивидуальное основаніе, различное въ существѣ отъ основаній другихъ категорій.

Но это относится только до цѣнности, какъ логической хозяйственной категоріи. Коль скоро однако заходитъ рѣчь о мѣновой цѣнности, то выступаетъ на видъ специфическая связь между цѣнностью, какъ исторической категоріею и обмѣномъ. Въ такомъ случаѣ цѣнность есть послѣдствіе обмѣна. Въ первомъ случаѣ цѣнность есть голая форма, въ которой выражается отношеніе хозяйственнаго сознанія къ внѣшнему міру вообще. Понятно, что тутъ нѣтъ необходимости, чтобы отношеніе существовало между сознаніемъ и непремѣнно извѣстнымъ явленіемъ внѣшняго міра: это прямо противорѣчило бы принципу цѣнности, какъ логической категоріи. На-оборотъ, въ извѣстный періодъ развитія хозяйственнаго сознанія, когда обмѣнъ выступаетъ на первый планъ и сознаніе относится именно къ нему, какъ основѣ всего, очевидно, цѣнность будетъ находиться въ необходимой связи съ обмѣномъ.

Бастіа неудалось найдти основаніе мѣновой цѣнности по той-же причинѣ, по которой это не удалось предшествующимъ писателямъ. Игнорированіе историческаго момента мѣшало ему понимать дѣйствительность и въ то-же самое время держаться прин-

ципа труда, который врядъ-ли имѣлъ въ другомъ экономистѣ такого сильнаго приверженца. Бастіа мало придавалъ значенія тому, что дѣйствительность можетъ представлять случаи, по видимому уклоняющіеся отъ общаго закона, что законъ отъ этого ничуть не терпитъ. Но эти случаи приверженецъ общаго закона долженъ признать ненормальными, и если дѣйствительность представляла много такихъ случаевъ, значитъ — она заключала въ себѣ много ненормальнаго. Такое заключеніе однако невозможно было для Бастіа. Онъ не былъ чистымъ теоретикомъ, для котораго на первомъ планѣ стоитъ наука и достоинство ея выводовъ. Гораздо болѣе, нежели теорія, ему дорога была практика, и этою-то коллизіей теоретическихъ требованій съ практикой объясняются частыя непослѣдовательности, за которыя его даже лишали и научнаго значенія [1].

По Маклеоду, вещь имѣетъ цѣнность не потому, что на нее затраченъ трудъ, а потому на нее затраченъ трудъ, что она имѣетъ цѣнность [2]. Цѣнность является такимъ образомъ у вещи еще прежде, нежели она существуетъ. Если вспомнимъ, что у Маклеода цѣнность и цѣна одно и то-же (цѣнностью онъ называетъ размѣръ, въ которомъ вещи обмѣниваются другъ на друга [3]), то возникаетъ вопросъ, какое же вліяніе имѣетъ еще на вещь то, что на нее затрачивается трудъ и, если трудъ не имѣетъ никакого вліянія на цѣнность [4], то зачѣмъ трудиться. Коль скоро цѣнность создается спросомъ, то, значитъ, остается только спрашивать; а между тѣмъ «не всѣ вещи, на которыя существуетъ спросъ, имѣютъ и цѣнность» [5].

Врядъ-ли въ политической экономіи было написано что-либо

---

[1] См. напр. *Kautz*, Die gesch. Entwick. der N.-Oek. S. 583, 584.
[2] *Маклеодъ*, Основанія пол. экон., стр. 56—57, 116—117 и др.
[3] Ib. стр. 11.
[4] Ib. стр. 124.
[5] Ib. стр. 56.

болѣе несообразное того, что написалъ Маклеодъ о соотношеніи между трудомъ и цѣнностью. Онъ зналъ, что это соотношеніе очень тонкое, и находилъ [1], что для различенія ихъ нуженъ анализъ въ родѣ того, который сдѣлалъ Чарльзъ Бэлль между нервами чувствовательными и двигательными; а между тѣмъ собственный его анализъ—самый грубый изъ всѣхъ, которые когда-либо дѣлались по этому вопросу: грубый въ прямомъ смыслѣ, если примемъ во вниманіе положительную часть его теоріи,—грубый въ переносномъ смыслѣ, если примемъ во вниманіе отрицательную, критическую часть ея, гдѣ онъ критикуетъ Рикардо, рѣшительно не понимая, или не желая понимать этого писателя.

По мнѣнію Маклеода, не трудъ, а спросъ создаетъ цѣнность. Но выраженіе «спросъ»—въ высшей степени неопредѣленно. Про «спросъ», какъ основаніе мѣноспособности, можно говорить то-же самое, что Маклеодъ говоритъ о трудѣ. Если не всѣ продукты труда имѣютъ цѣнность и цѣна ихъ не всегда пропорціональна количеству труда, то и не всѣ вещи, на которыя существуетъ спросъ, имѣютъ мѣноспособность и цѣна ихъ не пропорціональна спросу. Спросъ существуетъ на всѣ годныя вещи, а развѣ всякая полезность имѣетъ уже и цѣнность? Съ другой стороны, непропорціональность между цѣной и спросомъ есть фактъ, доказанный статистикой.

«Только результатъ, одинъ только результатъ бываетъ одаренъ извѣстною цѣнностью» [2], говоритъ Маклеодъ. Очевидно, что тутъ имѣется въ виду полезность произведенной вещи. А между тѣмъ Маклеодъ хорошо понималъ, что на такомъ основаніи онъ не объяснитъ всѣхъ фактовъ, и рядомъ съ этимъ положе-

[1] *Walras*, Théorie de la richesse, p. 132, по поводу *Ganilh* (Théorie d'écon. pol.. T. II, p. 334, 335), который высказываетъ то-же, что Маклеодъ.

[2] Ib. стр. 56.

ніемъ стоитъ у него другое, въ такой-же крайней формѣ выраженное, хотя рѣзко противурѣчащее первому. «Говоря о цѣнности предметовъ, мы должны совершенно отрѣшиться отъ ихъ употребленія» [1].

Мы пересмотрѣли всѣ, болѣе или менѣе, извѣстныя теоріи и показали, какъ онѣ крайне недостаточны для объясненія основанія мѣноспособности предметовъ. О теоріи Дж.-Ст. Милля мы не говорили; потому что она въ сущности есть соединеніе теоріи Смита-Рикардо съ теоріей Сеніора. По Миллю, мѣноспособность вещь имѣетъ, потому что она полезна и потому что ее трудно добыть. Но есть полезныя и трудно добываемыя вещи, которыя все-таки не имѣютъ мѣновой цѣнности и цѣны; это мы уже показали.

Намъ уже приходилось указывать на то, чѣмъ главнымъ образомъ страдаютъ приведенныя теоріи. Всѣ онѣ хотятъ подвести всевозможные случаи практики подъ одну общую формулу, не разбирая того, что только постепенно человѣкъ познаетъ природу хозяйства и сообразно съ нею устраивается, а до того онъ можетъ дѣйствовать наперекоръ всякимъ возможнымъ теоріямъ, основаннымъ на существѣ дѣла. Для объясненія, значитъ, практики, необходимо принять во вниманіе это обстоятельство.

Мы показали, что цѣнность вообще не имѣетъ необходимо специфическаго соотношенія съ обмѣномъ; но что это соотношеніе существуетъ между мѣновою цѣнностью и извѣстною формою обмѣна — торговлей. Если мы обратимъ вниманіе на различіе между торговлей и обмѣномъ вообще, то увидимъ, что послѣдняя можетъ существовать во всякомъ хозяйствѣ, какой бы оно ни было формы. На-оборотъ, торговля предполагаетъ извѣстную хозяйственную форму, именно — частную, отдѣльную, индивидуальную. Безъ этого частнаго хозяйства нѣтъ торговли.

---

[1] Ib. стр. 55.

Мужъ сѣетъ хлѣбъ, жена тчетъ холстъ; жена ѣстъ произведенный мужемъ хлѣбъ, мужъ носитъ произведенный женой холстъ. Но мужъ съ женой не торгуетъ, хотя очевидно, что онъ съ нею обмѣнивается [1]. Мужъ не обмѣниваетъ извѣстную сумму единицъ хлѣба, на другую также извѣстную сумму единицъ холста. Продуктъ не разбивается для обмѣна на части, изъ которыхъ каждая промѣнивается, — то есть цѣны тутъ нѣтъ [2]. Нельзя тутъ сказать, что мужъ съ женой торговалъ, что хлѣбъ, который жена потребляла, имѣлъ мѣноспособность. Но, за собственнымъ потребленіемъ въ семействѣ, осталось извѣстное количество хлѣба и холста. Эти остатки будутъ продавать; насъ ничто не остановитъ, если мы захотимъ сказать, что они имѣютъ мѣноспособность и цѣну.

Отчего же это не было возможно въ первомъ случаѣ? — Очевидно оттого, что мужъ и жена имѣютъ одно общее хозяйство. Четыре носильщика, имѣющіе однѣ носилки, помогаютъ другъ другу, обмѣниваются услугами, но они не торгуютъ другъ съ другомъ этими услугами. На-оборотъ, всѣ вмѣстѣ торгуютъ всѣми своими услугами, когда они переносятъ чужія вещи.

Мѣноспособность, значитъ, есть качество, необходимое вещи для того, чтобы она переходила изъ одного отдѣльнаго хозяйства въ другое.

Если-бъ каждый человѣкъ могъ отдѣльными личными своими усиліями удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ, тогда бы онъ не нуждался въ помощи другихъ, не было бы обмѣна, а съ нимъ и торговли. Слѣдовательно, не могло бы быть и рѣчи о мѣноспособности. На первомъ планѣ для него стояли бы его производственная сила и полезность вещей, которыя появились чрезъ посредство этой силы.

---

[1] *Carey*, Princip. de la sc. soc. T. I, p. 230.

[2] *Mannequin*, Travail et liberté. T. I, p. 144

Но этихъ усилій недостаточно. Вслѣдствіе этого возникаетъ необходимость во взаимной подмогѣ, которую люди должны оказывать другъ другу. Это, иными словами, означаетъ, что отдѣльному человѣку приходится участвовать въ производствѣ такихъ продуктовъ, которые не ему лично нужны, или по крайней мѣрѣ они полезны для него только посредственно. То есть, чрезъ то, что его ближній будетъ имѣть необходимую ему полезность, и самому ему, помогающему, будетъ возможно добыть необходимое.

При частномъ хозяйствѣ необходимость подмоги будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ будутъ существовать двоякаго рода вещи. Однѣ изъ нихъ будутъ имѣть значеніе для даннаго частнаго хозяйства, онѣ будутъ въ немъ играть роль, другія — нѣтъ. Понятно, что хозяйственное сознаніе отнесется къ нимъ различно. Значитъ, тутъ должны возникнуть двѣ различныя цѣнности.

Возникновеніе двухъ *видовъ* цѣнности обусловливается только частнымъ хозяйствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мужъ производитъ ровно столько хлѣба, сколько нужно ему, да женѣ, тогда у него нечѣмъ торговать. Ко всей суммѣ произведеннаго хлѣба его хозяйственное сознаніе отнесется одинаково. Значитъ, будетъ одна только цѣнность. Но коль-скоро онъ производитъ больше, то *въ его* частномъ хозяйствѣ оказывается излишекъ, къ которому онъ долженъ отнестись уже иначе. Излишекъ ему самъ по себѣ не нуженъ, а нужно то, на что онъ его обмѣняетъ. Очевидно, что это послѣднее будетъ имѣть такую-же цѣнность, какъ и первая часть хлѣба, и обѣ эти цѣнности будутъ различаться отъ цѣнности излишка. Разница будетъ основана на томъ, что первыя имѣютъ роль въ его хозяйствѣ, вторая — нѣтъ.

Эта-то первая цѣнность и есть цѣнность потребленія. Это мѣта, которую кладетъ хозяинъ на данную конкретную вещь, показывая тѣмъ, что она признается способной играть роль въ

его хозяйствѣ. Понятно, что конкретность играетъ тутъ главную роль. Цѣнность потребленія признается не въ вещи вообще, а въ данной какой-либо. Тутъ рѣчь не о томъ, что вообще человѣку нужно, а о томъ, что̀ данному человѣку для его индивидуальнаго хозяйства полезно.

Пока индивидуальный хозяинъ занятъ производствомъ вещей, которыя имѣютъ значеніе въ его собственномъ хозяйствѣ, значитъ—имѣютъ цѣнность потребленія для него, онъ находится въ положеніи человѣка, который самъ для себя дѣлаетъ необходимое, которому не помогаютъ. Въ этомъ случаѣ, какъ я замѣтилъ выше, на первомъ планѣ у него стоитъ его производственная сила и полезность ея результатовъ. — Подмога появляется, когда онъ занятъ производствомъ вещей, которыя не нужны въ его хозяйствѣ, или когда другой хозяинъ производитъ вещи, ему необходимыя.

Въ этомъ случаѣ произведенныя каждымъ изъ нихъ вещи не будутъ уже имѣть цѣнность потребленія для каждаго изъ нихъ; потому что для каждаго изъ нихъ важна не конкретная полезность произведенныхъ вещей, а возможность чрезъ ихъ посредство получить нужную конкретную полезность. Эта возможность тѣсно и нераздѣльно связана съ вещами; безъ нихъ и ея нѣтъ. Объективно понятая, какъ свойство этихъ вещей, она есть—мѣноспособность или покупательная сила.

Вмѣсто того, чтобы, какъ въ первомъ случаѣ, на первомъ планѣ стояла производственная сила, ея мѣсто занимаетъ сила покупательная.

Эта покупательная сила имѣетъ тѣ-же свойства, что и производственная. Подобно послѣдней, она даетъ возможность *добывать* необходимую полезность. Вещи, необходимыя для меня, я долженъ или производить, тогда я затрачиваю производственную силу; или же я произвелъ предметы, которые не мнѣ

нужны, — тогда для того, чтобы добыть необходимое, мнѣ нужно затратить покупательную силу.

Эта сила, которую въ подобномъ случаѣ нужно затратить, не есть нѣчто новое, отдѣльное отъ производственной силы. Если я произвелъ вещи не мнѣ нужныя, — то я не могу сказать, что для добыванія необходимаго мнѣ нужно затратить новую силу, *сверхъ* прежней, которая будто бы пропала. Покупательная сила есть тоже производственная сила, только воплотившаяся въ вещи. Разница между ними та, что первая тѣсно связана съ человѣкомъ и безъ него, самостоятельно, немыслима; вторая тѣсно связана съ вещью, слѣдовательно можетъ существовать отдѣльно отъ человѣка, которому она принадлежитъ.

Изъ этой разницы вытекаетъ въ высшей степени важное слѣдующее обстоятельство. Производственная сила A можетъ принадлежать B только въ томъ случаѣ, когда и A принадлежитъ B. Коль же скоро производственная сила A отдѣлилась отъ него, преобразившись чрезъ воплощеніе въ вещи въ покупательную силу, она можетъ принадлежать B, хотя бы A ему не принадлежалъ.

Когда A обмѣнивается съ B, тогда оба они добываютъ себѣ необходимое чрезъ посредство покупательной силы, мѣноспособность своихъ вещей. Результатомъ является то, что оба они владѣютъ вещами, въ которыхъ воплотились извѣстныя суммы производственной силы. Если въ этихъ вещахъ воплотились равныя суммы производственной силы, то въ такомъ случаѣ каждый изъ нихъ послѣ обмѣна будетъ имѣть ту-же сумму производственной силы, которую онъ имѣлъ до обмѣна. Въ противномъ случаѣ одинъ изъ нихъ послѣ обмѣна будетъ имѣть больше, нежели имѣлъ до обмѣна. Излишекъ этотъ онъ получилъ чрезъ обмѣнъ. Значитъ, обмѣнъ можетъ давать человѣку возможность владѣть чужою производственною силой.

Если A промѣнялъ вещь, въ которой воплотились 10 про-

изводственныхъ единицъ, на другую, воплотившую въ себѣ 15 единицъ, то значитъ его вещь имѣла 15 единицъ покупательной силы. Это показываетъ намъ, что для того, чтобъ вещь имѣла покупательную силу, вовсе не нужно, чтобъ въ ней непремѣнно воплотилась производственная сила. 5 лишнихъ единицъ покупательной силы не находятъ себѣ соотвѣтственныхъ 5 единицъ производственной. Это значитъ, что вещь можетъ имѣть мѣноспособность, хотя она не есть продуктъ труда.

Я показалъ выше, что мѣноспособность есть объективная сторона того отношенія, субъективную сторону котораго составляетъ понятіе о мѣновой цѣнности. Понятно, что въ такомъ случаѣ основанія также должны быть объективныя. Эти основанія суть:

1) *Полезность.* Безъ полезности нѣтъ мѣновой цѣнности и мѣноспособности, ибо цѣнность, какую бы то ни было, имѣютъ объекты хозяйства, а безполезная вещь въ хозяйствѣ немыслима. Полезность эта можетъ быть дѣйствительная или выдуманная, это все равно: во всякомъ случаѣ она должна быть.

2) Мѣноспособность можетъ имѣть только вещь, *принадлежащая къ какому-нибудь частному хозяйству*, она должна быть частною собственностью какого-либо одного лица, или совокупности лицъ. Иначе ею нельзя будетъ торговать. Торговля предполагаетъ способность вещи переходить изъ собственности одного лица въ собственность другаго. Иначе она немыслима.

3) Вещь можетъ имѣть мѣноспособность только въ томъ случаѣ, *когда лице, не владѣющее ею, признаетъ въ ней цѣнность потребленія.* Иначе она не пойдетъ въ обмѣнъ, никто не захочетъ ее получить.

4) *Вещь не должна имѣть цѣнности потребленія для своего владѣльца.* Коль-скоро самъ владѣлецъ признаетъ въ ней цѣнность потребленія, то значитъ, онъ находитъ ее имѣющею значеніе для его собственнаго хозяйства, онъ ее не отдастъ

въ обмѣнъ, не будетъ на нее покупать; она не будетъ имѣть покупательной силы.

Мы знаемъ, что по закону, необусловливающемуся волей человѣка, большую часть необходимыхъ ему вещей онъ долженъ добывать трудомъ. Слѣд., большая часть вещей, играющихъ роль въ хозяйствѣ. суть продукты труда. и произведены онѣ именно потому, что нужны въ хозяйствѣ; такъ-что затраченный на нихъ трудъ можетъ быть основаніемъ, причиной, признакомъ ихъ хозяйственнаго характера. Но признаки, по которому въ дѣйствительности человѣкъ узнаетъ хозяйственный характеръ явленій и вещей, обусловливаются его сознаніемъ: они зависятъ отъ степени его развитія: въ одно время онъ можетъ ставить одни признаки, въ другое время — другіе. Безспорно, что помимо его воли будутъ существовать другіе признаки, можетъ быть лучшіе, но онъ можетъ ихъ не замѣтить и взять себѣ другіе, а потому вездѣ, гдѣ онъ встрѣтитъ эти признаки, онъ будетъ говорить и о хозяйственной сторонѣ.

Такой-же точно признакъ и мѣноспособности. Спору нѣтъ, что большая часть мѣноспособныхъ вещей, играя роль въ хозяйствѣ, поэтому суть продукты труда. Но это послѣднее обстоятельство вовсе не находится въ тѣсной, логически-необходимой связи съ мѣноспособностью въ *сознаніи хозяйствующаго субъекта*, а между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и вся суть дѣла. Вспомнимъ, что мѣноспособность есть только объективная подкладка мѣновой цѣнности, хотя послѣдняя вся отъ начала до конца субъективна. Въ отношеніи человѣка къ внѣшнему міру главную роль играетъ самъ человѣкъ, слѣдов. все опредѣляется его сознаніямъ и сообразно съ степенью развитія этого сознанія будетъ опредѣляться и объективная сторона отношенія.

Мы замѣтили выше, что только очень поздно хозяйствующій субъектъ становится на научную точку зрѣнія и такимъ образомъ только очень поздно его хозяйственныя понятія могутъ вы-

держать научную критику; до того-же они необходимо должны быть ошибочны, т. е. основанія ихъ *должны быть* непремѣнно ложныя. Мы напомнили историческій фактъ, что сначала человѣкъ видитъ хозяйственныя дѣятельныя силы внѣ себя и только постепенно освобождается отъ этого предразсудка. Такъ точно и покупательная сила сначала представляется ему чѣмъ-то внѣшнимъ, отдѣльнымъ отъ него самого. Наука можетъ показать ошибочность этого; она можетъ показать, что, какъ всякая другая хозяйственная сила, и сила покупательная есть сила человѣка, а не внѣшняя, что если она и можетъ существовать отдѣльно отъ него, если *только* въ вещи она и можетъ существовать, — то это все-таки только потому, что она туда положена самимъ человѣкомъ, что она есть та-же производственная сила, только преобразившаяся.

Но научные результаты получаются обыкновенно только очень поздно, а до того приходится довольствоваться тѣмъ, до чего можно дойдти при данной степени развитія. Если-бы то, что теперь наука говоритъ, человѣкъ зналъ всегда, то онъ зналъ бы настоящія основы мѣноспособности; если же онъ этихъ результатовъ не знаетъ, то онъ будетъ искать другія основы. И понятно, что, послѣ этого, обстоятельства, которыя ему будутъ казаться основаніями мѣноспособности, уже сами потомъ будутъ причиной возникновенія покупательной силы.

Мы выше настаивали на томъ, что политико-экономы, опредѣляя мѣновую цѣнность и цѣиность потребленія, не противупоставляли ихъ другъ другу, и потомъ показали, какъ это было причиной того, что Книсъ напалъ на опредѣленія Лотца, въ сущности очень приближавшіяся къ истинѣ. Послѣ того, что нами сказано, не трудно будетъ дополнить этотъ пробѣлъ.

Мы видѣли, что два вида цѣнности возникаютъ потому, что при частномъ хозяйствѣ отношеніе хозяйственнаго сознанія къ внѣшнему міру раздвоивается. Съ одной стороны, это отношеніе

имѣетъ своимъ основаніемъ конкретную полезность, съ другой стороны — возможность получить эту конкретную полезность. Конкретность полезности обусловливается тѣмъ, что она нужна для даннаго, частнаго хозяйства. Если цѣнность вообще выражаетъ отношеніе, изъ конца въ конецъ субъективное, то и виды ея будутъ выражать то-же самое. Слѣдов., требуемое противупоставленіе должно заключаться не въ томъ, чтобъ вещь, имѣющая цѣнность потребленія, не могла уже имѣть мѣновой цѣнности. Такъ оно было бы, если-бъ цѣнность была объективное свойство. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы специфицируемъ красныя вещи на свѣтло-красныя и темно-красныя, то мы эти два послѣдніе цвѣта должны опредѣлить такъ, чтобъ вещь темно-красная не могла быть принята за свѣтло-красную, иначе специфицированіе не будетъ имѣть смысла. Такъ-какъ цѣнность однако есть нѣчто субъективное, то требуемое противупоставленіе должно заключаться въ томъ, что вещь, имѣющая цѣнность потребленія для даннаго лица, не можетъ уже имѣть для этого лица мѣновой цѣнности въ то-же самое время. Всякая цѣнность есть только для даннаго лица, для даннаго хозяйства, ибо виды, какъ мы замѣтили, обусловливаются частною формой хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что продаемъ мы то, что намъ не нужно, покупаемъ то, что нужно. Понятія о покупкѣ и продажѣ выражаютъ два такія отношенія къ полезности, которыя другъ друга исключаютъ. Продавать то, что нужно, или покупать то, что ненужно, можетъ только или съумасшедшій, или человѣкъ, кѣмъ или чѣмъ-нибудь къ этому принуждаемый. Свободно-разумный человѣкъ этого не дѣлаетъ.

Какъ-скоро, значитъ, кто-нибудь призналъ въ вещи цѣнность потребленія, она уже не можетъ имѣть покупательной силы и мѣновой цѣнности для того-же самаго лица въ это время; потому что этимъ онъ выражаетъ, что она нужна ему въ его хозяйствѣ. Когда же онъ на нее покупаетъ, когда вещь имѣетъ покупательную силу

и мѣновую цѣнность, то самый этотъ фактъ показываетъ, что въ его хозяйствѣ она не нужна. А въ одно и то-же время одна и та-же вещь не можетъ быть и нужной и ненужной; слѣдов. въ одно и то-же время она не можетъ имѣть и цѣнность потребленія, и мѣновую цѣнность.

Для даннаго частнаго хозяйства вещь можетъ имѣть значеніе по двумъ причинамъ: или потому, что она имѣетъ какъ-разъ ту полезность, которая въ данное время нужна; или же потому, что въ ней воплотилась сила, помощью которой можно добыть необходимую полезность. Коль-скоро человѣку нужна эта послѣдняя сила, то, значитъ, самая вещь ему не нужна: ему все равно, какая бы тамъ вещь ни была, какая бы ни была ея конкретная полезность, къ чему бы она сама по себѣ ни годилась, ему нужна сила, въ ней воплотившаяся. Значитъ, вещь сама по себѣ ему не нужна, она не имѣетъ для него цѣнности потребленія.

Такимъ образомъ цѣнность потребленія и мѣновая цѣнность въ томъ смыслѣ противуположны другъ другу, что для одного субъекта вещь не можетъ имѣть разомъ и ту, и другую цѣнность.

Что-же касается до указаннаго Прудономъ противурѣчія, существующаго будто бы между обоими видами цѣнности, то оно лишено всякаго научнаго основанія. Прудонъ, подобно всѣмъ другимъ французскимъ и англійскимъ политико-экономамъ, смѣшиваетъ цѣнность потребленія съ полезностью, — цѣнность мѣновую же онъ отожествляетъ съ цѣной. Такимъ образомъ онъ собственно утверждаетъ [1], что между цѣною вещи и ея полезностью существуетъ обратная пропорціональность. Не повторяя обыкновенно приводимыхъ противъ этого доводовъ [1], я замѣчу только,

[1] *Proudon*, Système des contradictions économiques. 1851. T. I, p. 70.

[1] *Бр. Гильдебрантъ*, Полит. эк. наст. и будущ. Пер. Щепкина, стр. 264—266; *Roscher*, System etc. Bd. I. S. 9—10 (§ 6); *Knies*, Leh-

что между цѣной и полезностью не существуетъ никакого соотношенія, никакой пропорціи, ни прямой, ни обратной; потому что для этого нужно было бы измѣрить полезность, а она, какъ мы видѣли, признана несоизмѣримой.—Впрочемъ, этотъ вопросъ вовсе не относится къ ученію о цѣнности.

Оставляя здѣсь ученіе о цѣнности, мы считаемъ нужнымъ показать отношеніе сказаннаго нами къ тому, что до сихъ поръ было писано по вопросу о цѣнности. Мы видѣли, что политико-экономы хорошо понимали важность категоріи цѣнности и субъективнаго момента въ послѣдней. Не смотря однако на это, сущность субъективнаго момента, его роль, обусловливаемыя имъ послѣдствія — мало были разъяснены. Этимъ объясняется извѣстный всѣмъ занимавшимся хозяйственною наукой фактъ, что обыкновенно на словахъ до крайности возвышаютъ значеніе цѣнности, на дѣлѣ же забываютъ ее скоро послѣ того, какъ о ней было болѣе или менѣе сказано въ введеніи; нельзя привести ни одного примѣра, гдѣ бы то, что говорится о цѣнности, было въ органической связи съ тѣмъ, что говорится о другихъ вопросахъ,— чтобъ сказанное въ введеніи о цѣнности вліяло на послѣдующія разсужденія. Конечно, мы здѣсь имѣемъ въ виду чистую категорію цѣнности, отдѣльную отъ цѣны.

Въ послѣднее время начало вырабатываться въ хозяйственной наукѣ направленіе, которое главнымъ своимъ лозунгомъ поставило идею о первенствующей роли человѣка въ хозяйственной сферѣ. Сама по себѣ эта мысль не новая; не безъ основанія В. Кузенъ полагалъ даже, что эта мысль лежитъ въ основѣ того, что Ад. Смитъ сдѣлалъ для политической экономіи. Тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что въ теченіи XIX вѣка, въ-особенности въ лицѣ англійской школы, хозяйственная наука въ своихъ теоретическихъ

---

re vom Werth, l. c. S. 442, 443 ff.; *Schaffle*, Die Nationaloekonomie. S. 96—97; *его-же*, Preise, l. c. S. 207.

построеніяхъ весьма часто или совершенно забывала про человѣка, или же слишкомъ мало удѣляла ему вниманія. Въ лицѣ Сисмонди, Дроза, частью Росси, гораздо болѣе — Дюнойе и соціалистовъ [1], въ послѣднее время въ лицѣ Бодрильяра, Воловскаго, Курсель-Сенелля, — въ Германіи въ лицѣ исторической школы, и наиболѣе энергично въ профессорахъ Шеффле и Дитцелѣ это направленіе встрѣтило энергическій отпоръ; Шеффле въ особенности рѣзко выставилъ на видъ необходимость сдѣлать человѣка краеугольнымъ камнемъ научно-хозяйственныхъ изслѣдованій, — съ нимъ согласился и Рошеръ, Дитцель требуетъ даже реформы экономической науки въ духѣ этой новой идеи [2].

Мысль, что въ человѣкѣ начало и конецъ всего, что только можетъ сказать хозяйственная наука, составляетъ естественный центръ, около котораго группируется все то, что выработала въ послѣднее десятилѣтіе эта наука. Она лежитъ въ основѣ историческаго направленія Рошера и Книса, она же составляетъ сущность того, что Курсель-Сенелль называетъ индуктивнымъ направленіемъ въ политической экономіи, наконецъ безъ нея немыслимо то, что представляется характеристичнаго въ теоріи Кэри. Къ сожалѣнію однако этотъ объединяющій характеръ новой идеи еще не всѣми признанъ, и поэтому мы встрѣчаемъ небрежное отношеніе къ историческому направленію какъ у Дитцеля, такъ и у приверженца Кэри, Дюринга. Можетъ быть, въ этомъ виновата мало философская форма, которую историческое направленіе приняло подъ вліяніемъ главнаго его представителя—Рошера. Какъ бы то ни было, но въ томъ, что совре-

---

[1] *Dühring* Kritische Grundlegung der Volkswirthschaftslehre. 1866. S. 301.

[2] *Schäffle* въ Deut. Vierteljahrschr. 1861 г. (Mensch und Guti. d. V.-W). *Roscher* (ed. 1866) I § 1 nota 1; *Dietzel* въ Tübinger Zeitsch. f. St.-W. *XXII*, 340.

менная наука опять возвратилась къ основному взгляду Смита нельзя не видѣть весьма значительнаго прогресса, заключающагося преимущественно въ томъ, что въ этой идеѣ наука нашла наконецъ основной источникъ, откуда берутъ начало всѣ частные вопросы политико-экономической теоріи.

Въ-особенности эта идея важна для теоріи цѣнности. Если не было связи между тѣмъ, что говорилось о цѣнности и что говорилось по поводу разныхъ частностей, то виною этого было отсутствіе на-столько широкаго начала, которое бы объединяло всѣ эти частности. Какъ-скоро это широкое начало найдено, вмѣстѣ съ тѣмъ найдена твердая опора для теоріи цѣнности и ея связи съ другими частными вопросами экономической теоріи. Но ни Шеффле, ни Рошеръ не воспользовались однако этою идеей для хорошаго опредѣленія цѣнности. Говоря, что цѣнность есть проникнувшая въ сознаніе полезность, они только повторяли старыя опредѣленія Шторха, Рау, Лотца Фридлендера и др.; хотя очевидно, что подъ ихъ повтореніемъ лежитъ совсѣмъ иная подкладка. Основная ошибка Шеффле, встрѣчающаяся во всемъ, что этотъ писатель говоритъ о цѣнности, заключается въ его мнѣніи, будто эта категорія выражаетъ понятіе о специфически хозяйственной формѣ, *наполненной уже опредѣленнымъ содержаніемъ;* какое бы мы ни взяли опредѣленіе Шеффле, всегда интегральную часть его составляютъ или «вещь», или «полезность», или «трудъ». Отсюда его противурѣчія, когда онъ то считаетъ полезность хозяйственнымъ признакомъ, то считаетъ ее объективнымъ отношеніемъ. Между тѣмъ именно потому, что цѣнность субъективна, нельзя указать на опредѣленное содержаніе, которое она будто бы заключаетъ въ себѣ, когда мы ее опредѣляемъ вообще. Это содержаніе измѣнчиво; потому что измѣнчиво развивается хозяйственное сознаніе, которое его опредѣляетъ. Установить одно содержаніе, какъ постоянное, для цѣнности, значитъ отрицать развитіе хозяйственнаго сознанія, пола-

гать, что данною степенью его развитія опредѣляется все и навсегда; а это означаетъ возведеніе преходящаго факта въ принципъ, что возможно только — когда забывается исторія и способность человѣка развиваться, быть самостоятельнымъ въ каждый историческій періодъ; а когда забывается самостоятельность человѣка извѣстнаго времени, то это значитъ, что человѣкъ этого времени забытъ [1].

Вспомнимъ, какъ Бастіа настаивалъ на необходимость различать полезность отъ цѣнности. По его совершенно вѣрному мнѣнію, вся судьба экономической науки зависитъ отъ этого различенія [2]; поэтому-то его и не удовлетворяли опредѣленія германскихъ политико-экономовъ. Въ самомъ дѣлѣ, приводя опредѣленіе Шторха, онъ спрашиваетъ, какая разница между признанною полезностью хозяйственнаго блага и не хозяйственнымъ благомъ,

---

[1] Все это вещи, которыя признаетъ вполнѣ Шеффле, а между тѣмъ онъ все-таки находитъ, что «die Eigenschaft nutzbar gestaltetes ausseres Mittel zu sein fur den Zweck einer Person ist wesentliches okonomisches Charaktermerkmal». *Schaffle*, Die Concurrenz der Organe im Staatsleben въ Tub. Zeit. f. St.-W. Bd. XX. S. 164. До какой степени крѣпко еще держится эта мысль, можно судить по тому, что приведенная цитата взята изъ статьи, цѣль которой, между прочимъ, опредѣлить «den Begriff des Wirthschaftlichen, von welchem, so paradox es klingt, gesagt werden kann, dass die Nationaloekonomie ebenso wenig endgultig fertig ist, als Rechtsphylosophie und Jurisprudenz mit dem Begriff des Rechts», ib. S. 182. Что Шеффле хорошо знаетъ дурныя послѣдствія признанія полезности хозяйственнымъ признакомъ и опредѣляетъ ихъ именно такъ, какъ мы это сдѣлали, доказываетъ слѣдующія его слова: erkennt man dem Werthe den subjectiven Charakter nicht zu, *wirft man ihn zusammen mit dem rein objectiven Verhaltniss der Brauchbarkeit*, so geht eben der des Wirthschaftens beherrschenden menschlichen Bewusstsein und hiedurch die klare Grundanschauung seines dominirenden Wirkens in Wirthschaftsleben verloren», ib. S. 185.

[2] *Bastiat*, VI. 187.

полезность котораго тоже признана?[1]. И на этотъ вопросъ ни одинъ изъ нѣмецкихъ политико-экономовъ не дастъ отвѣта, потому что ихъ критеріумъ – признанная полезность — не допускаетъ этого; нуженъ другой критеріумъ, то есть — другое опредѣленіе.

Чтобы добыть себѣ подобное опредѣленіе, мы и взяли исходнымъ пунктомъ идею о хозяйствѣ, какъ исключительно человѣческой сферѣ жизни, характеризующейся, какъ хозяйственная — именно потому, что она человѣческая; человѣкъ есть центръ и основа хозяйства. Если это основаніе двоякое, если въ человѣкѣ приходится отличать разумную сторону отъ чисто естественной, которая его соединяетъ со всѣмъ остальнымъ въ природѣ, то, значитъ, и основаніе хозяйства двойственное: съ одной стороны, представляется дѣятельность человѣка, обусловливающая постоянное въ хозяйствѣ, съ другой — руководящее эту дѣятельность разумное сознаніе, обусловливающее историческій моментъ въ хозяйственной сферѣ. *Первымъ* опредѣляется объективная сторона хозяйства — то, что составляетъ его неизмѣнную сущность, основывающуюся на неизмѣнныхъ естественныхъ законахъ, отрицаніе которыхъ равносильно отрицанію хозяйственной науки. Эти законы существуютъ, что бы объ нихъ ни думалъ человѣкъ извѣстнаго періода хозяйства и какъ бы онъ ихъ превратно ни понималъ; они всегда одинаковы, хотя бы люди различныхъ періодовъ формулировали ихъ различно: потому что всегда одинакова природа человѣка, которою обусловливаются эти законы; эта природа человѣка неизмѣнна, измѣняется только пониманіе человѣка своей собственной природы. *Вторымъ* опредѣляется субъективная сторона хозяйства, обусловливающая то, что есть въ хозяйствѣ преходящаго, установляющая тѣ различія, которыми характеризуются отдѣльные періоды хозяйства[2].

[1] Ib. 191.

[2] *Knies*, Die pol. Oek. vom geschichtl. Standpuncte. 1853. S. 238, 128, passim.

Сама по себѣ дѣятельность не есть хозяйственный фактъ; еслибъ только дѣятельность характеризовала хозяйственное, тогда бы экономическая наука была только отдѣльною отраслью естествознанія въ тѣсномъ смыслѣ. Но физіологическое и механическое понятіе о трудѣ не есть экономическое. Послѣднее тѣснѣе перваго: къ признакамъ, которыми физіологія и механика характеризуютъ трудъ, прибавляется еще одинъ — *разумность*, и получается экономическое понятіе о трудѣ.

Этотъ-то послѣдній признакъ и есть специфически *хозяйственный:* только разумность производитъ порядокъ, экономію хозяйства. Вотъ почему имъ однимъ опредѣляется хозяйственное свойство явленія — цѣнность. А такъ-какъ это сознаніе, вообще взятое, неопредѣленно и не имѣетъ никакого вещественнаго содержанія, то и цѣнность есть голая форма, вмѣщающая въ различные періоды различные хозяйственные факты.

Ад. Смитъ, не смотря на все значеніе, которое онъ придавалъ труду, не считалъ его однако, самого по себѣ, годнымъ для характеристики хозяйственнаго свойства въ явленія. Онъ справедливо считалъ еще необходимымъ дальнѣйшую характеристику самаго труда. Не всякій трудъ есть хозяйственная дѣятельность; спрашивается: какой же? На это Смитъ отвѣчалъ, что только тотъ трудъ есть *хозяйственный*, который производитъ *матеріальныя* вещи. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, наука ушла далеко впередъ, оставивъ, какъ ошибочное, это смитовское мнѣніе; но это *говорятъ* только, на дѣлѣ же до сихъ поръ еще хозяйственной сферой считается сфера той дѣятельности человѣка, которая обращена на удовлетвореніе потребностямъ матеріальнаго питанія, и Дитцель именно противъ этого недавно долженъ былъ протестовать. Правда, въ настоящее время оставили старое смитовское слово «непроизводительность», которое онъ прилагалъ ко всякому нематеріальному труду. Разнообразныя отрасли дѣятельности которыя Смитъ считалъ непроизводительными, въ настоящее время,

считаются производительными; но за-то ихъ выключаютъ изъ сферы хозяйства, какъ будто бы выраженіе «нехозяйственная производительность» не заключаетъ въ себѣ внутренняго логическаго противурѣчія.

Смитъ характеризовалъ хозяйственную дѣятельность не по какому-либо существенному ея признаку, но по объекту, на который устремлена дѣятельность; основой спецификаціи была не личность производителя, а свойство производимаго,—не человѣкъ, а продуктъ. Иначе, какъ исторически, этого мотивировать нельзя. Новое время выработало такое понятіе о хозяйствѣ, что оно обхватываетъ дѣятельность на удовлетвореніе матеріальнымъ потребностямъ. Это чисто историческое понятіе о хозяйствѣ, которое можно считать въ той мѣрѣ истиннымъ, въ какой ему соотвѣтствуетъ хозяйственный строй, который его выработалъ. А въ этомъ соотвѣтствіи сомнѣваться нѣтъ никакого основанія: иначе трудно было бы объяснить, какимъ образомъ наука такъ долго и съ такимъ упорствомъ стояла за это понятіе, постоянно его повторяя. Но это только одинъ доводъ; другой, гораздо сильнѣйшій, заключается въ томъ, что никогда еще матеріальные интересы не находили себѣ болѣе энергическихъ защитниковъ, никогда важность ихъ и вліяніе на различныя стороны жизни не были такъ обстоятельно и, можно сказать, блистательно доказаны, какъ мы это видимъ въ сочиненіяхъ политико-экономовъ. Это доказываетъ, что жизнь, развиваясь, выдвинула на первый планъ эти интересы, что заботы о нихъ были вызваны настоятельною потребностью жизни. Вслѣдствіе того, дѣятельности, которою удовлетворяется эта потребность, было придано преобладающее значеніе. Казалось, что достаточно будетъ, если наука ограничится этою дѣятельностью и только ее будетъ изслѣдовать; настоятельная потребность времени этого требовала. Поэтому, только эта дѣятельность была хозяйственною, всякая другая дѣятельность была нехозяйственная; мало того: всякая другая дѣятельность—

непроизводительна; все благосостояніе зависитъ отъ пропорціи между первою дѣятельностью и послѣднею. Только потомъ, когда появилась реакція этому взгляду, клеймо непроизводительности снято съ нематеріальной дѣятельности, но клеймо нехозяйственности еще осталось; въ хозяйственную сферу эта дѣятельность все-таки не принимается, уступки дѣлаются весьма медленно.

Смитовское пониманіе хозяйства неотдѣлимо отъ его времени, которое, выставивъ на первый планъ матеріальные интересы, вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинуло впередъ представителей этихъ интересовъ. И въ этомъ заключается причина, по которой пониманіе Смита, годившееся для конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго, потеряло теперь все свое значеніе. Смитъ поставилъ въ зависимость благосостояніе общества отъ матеріальнаго труда, т. е. отъ дѣятельности самыхъ низшихъ классовъ общества. Какъ реакція времени, это имѣетъ свое основаніе; какъ теоретическое положеніе, оно лишено основанія. Поэтому-то мы и видимъ, что уже *Ганиль* находитъ идею Смита объ исключительной важности матеріальнаго труда годящеюся для такого общества, въ которомъ низшимъ классамъ не придается никакого значенія [1]; что, позже, Басіа находитъ недостатокъ Смита и Рикардо въ томъ, что они слишкомъ узко понимаютъ трудъ, подразумѣвая подъ нимъ исключительно ручной трудъ (travail manuel) [2]. Коль скоро всѣмъ классамъ общества придается одинаковое значеніе для благосостоянія, наука о благосостояніи не можетъ уже больше характеризовать свой объектъ по признаку, взятому у одного класса.

Дѣятельность человѣка на удовлетвореніе его многообразнымъ

---

[1] *Ganilh*, La théorie de l'écon. pol. etc. 1815. T. II, p. 24. Теорія Смита была бы впору греческому и римскому обществамъ, гдѣ производительные классы притѣснялись; тамъ она была бы достойна похвалы за гуманность и разумность. Ср. T. I, p. 267, и еще T. II, pp. 39—41.

[2] *Bastiat*, Oeuv. comp. T. VI, p. 177.

потребностямъ матеріальнаго и духовнаго питанія разбивается на множество отраслей; можно всѣ эти отрасли соединить въ два большіе класса: духовный и матеріальный. Но нѣтъ основанія примѣнить только къ послѣднему понятіе о хозяйствѣ: для этого нужно было бы прежде доказать, что законы, которымъ подчиняется дѣятельность человѣка при добываніи матеріальныхъ благъ, различны отъ законовъ, которымъ подчиняется его дѣятельность при добываніи духовныхъ благъ. Но этого никто никогда не доказалъ; напротивъ, одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній новѣйшей экономической науки, добытое историческою школой и преимущественно Рошеромъ, заключается въ убѣжденіи о полномъ единствѣ всѣхъ отраслей дѣятельности человѣка; одна, единая сущность проникаетъ ихъ всѣ; къ единой цѣли одинаково ведутъ онѣ всѣ, будучи органически другъ съ другомъ связаны и обусловливая одна другую. Это убѣжденіе есть краеугольный камень историческаго направленія[1]; оно добыто историческимъ путемъ, чисто индуктивнымъ изслѣдованіемъ того, что представляютъ факты, и потому представляетъ такое основаніе для выводовъ, какихъ мало у экономической науки.

Опираясь на это основаніе, мы и можемъ сказать, что объектъ, вещь (все равно духовная или физическая), на добываніе которой устремлена дѣятельность человѣка, не можетъ быть основаніемъ для характеристики дѣятельности, какъ хозяйственной. На томъ-же самомъ основаніи, на которомъ мы не признаемъ, что извѣстная отрасль матеріальной дѣятельности есть исключительно экономическая и потому составляетъ исключительный предметъ экономической науки (примѣръ представляетъ единодушіе, съ которымъ недавно еще была отвергнута новая попытка Маклеода ограничить политическую экономію однимъ обмѣномъ или, вѣрнѣе, одною торговлею), — на томъ-же основаніи одну только

[1] *Knies*, Die polit. Oekonomie. S. 250.

матеріальную дѣятельность не можетъ исключительно обхватывать хозяйственная сфера. Объектъ, свойство вещи, на производство которой устремлена дѣятельность, специфицируетъ эту дѣятельность, когда мы имѣемъ въ виду не производящаго, а производимое. Послѣднимъ обусловливаются извѣстныя особенности въ дѣятельности: такъ, мы различаемъ столярную дѣятельность отъ плотничной, кузнечной и т. п., имѣя въ виду тѣ особенности въ процессѣ производства, которыя зависятъ отъ свойствъ производимой вещи, не производящаго лица. Но все-таки мы говоримъ, что экономическіе законы одинаковы для всѣхъ отраслей матеріальной дѣятельности; потому что экономическая наука знаетъ не столяра, не плотника, не кузнеца и т. д., а человѣка вообще, и на-сколько производственный процессъ обусловливается участіемъ въ немъ человѣка, и поэтому заключаетъ въ себѣ черты общія для всѣхъ отраслей матеріальной дѣятельности, онъ составляетъ предметъ ея изслѣдованія. Но нѣтъ никакого основанія останавливаться тамъ, гдѣ кончается матеріальная дѣятельность. И въ сферѣ духовной дѣятельности можно тоже различать разнообразныя отрасли, которыя, съ одной стороны, на-столько между собой различны, на-сколько это обусловливается особенными свойствами производимыхъ благъ духовныхъ: такъ *право*, какъ продуктъ духовной дѣятельности, есть объектъ различный отъ *художественнаго произведенія*, и этимъ различіемъ можетъ обусловливаться различіе юриспруденціи отъ эстетики; этимъ-же различіемъ въ *продуктахъ* дѣятельности можетъ отличаться юриспруденція отъ исторіи литературы, отъ политики и т. д. Всѣ различія этихъ наукъ имѣютъ свое основаніе въ томъ, что дѣятельности, которыми занимаются эти науки, имѣютъ особенности, обусловливающіяся производимыми ими продуктами, и на-сколько существуютъ *такія* различія — возможны отличія и въ наукахъ: такъ прежде трудно было отличить юриспруденцію отъ политики вслѣдствіе отсутствія рѣзкаго разграниченія частнаго и публич-

наго права, обусловливавшаго отсутствіе особенностей въ двухъ отрасляхъ правопроизводящей (rechtserzeugenden) дѣятельности.

Коль-скоро мы выходимъ изъ узкихъ рамокъ, которыми исторія ограничиваетъ пониманіе хозяйства, это послѣднее представляется намъ охватывающимъ весь громадный процессъ приготовленія матеріальнаго и духовнаго питанія. Кромѣ тѣхъ особенностей, которыя разныя отрасли дѣятельности человѣка имѣютъ вслѣдствіе особенностей производимыхъ ими продуктовъ, онѣ имѣютъ и общія черты, обусловливающіяся тѣмъ, что во всѣхъ ихъ принимаетъ участіе человѣкъ, природа котораго остается неизмѣнной, когда, гдѣ и что бы онъ ни производилъ: хлѣбъ, пѣсню, право, языкъ, государственную форму или языческаго бога. Творческая сила человѣка едина, и ее-то изслѣдуетъ наука объ экономіи, въ чемъ бы эта сила ни проявилась. Всякое созиданіе человѣка чего-нибудь себѣ во благо есть экономическій актъ.

Въ экономической наукѣ важно не созидаемое благо, а самый процессъ созиданія. На созиданіе чего бы то ни было устремлена дѣятельность человѣка; вездѣ и всегда единою сущностью человѣка обусловливается то, что это созиданіе опирается на одни и тѣ-же начала, подчиняется однимъ и тѣмъ-же законамъ; это — законы экономіи человѣческой дѣятельности.

Эти законы можно изучать, или наблюдая всѣ различныя стороны человѣческаго быта, въ которыхъ человѣкъ является созидающимъ, или наблюдая только созиданіе извѣстныхъ благъ, значитъ — созиданіе болѣе спеціальное. Но во всякомъ случаѣ результаты будутъ одинаковые. Результатъ, касающійся началъ, которымъ подчиняется человѣческая дѣятельность — если только онъ научнымъ образомъ добытъ и если при этомъ выдѣлено все особенное, обусловливающееся продуктомъ, производимымъ этою дѣятельностью — съ полнымъ правомъ можетъ быть приложенъ ко всѣмъ отраслямъ созиданія всевозможныхъ благъ.

Такое понятіе о хозяйствѣ можетъ казаться слишкомъ широкимъ; но дѣло въ томъ, что оно имѣетъ подъ собою основаніе, какого до сихъ поръ не имѣло понятіе о хозяйствѣ: оно опирается на исторіей доказанную тождественность человѣческой силы во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности; наша дедукція основывается на предшествовавшей ей индукціи, тогда какъ коренной недостатокъ смитовской школы, вызвавшій, какъ реакцію, историческое направленіе, заключается въ томъ, что эта школа, утверждая, что экономическая наука по существу своему дедуктивна, никогда не могла указать на тѣ предварительныя индукціи, которыя единственно и могутъ быть достаточною опорой вѣрной и научной дедукціи. Въ своей статьѣ о необходимости реформы экономической науки, Рошеръ характеризуетъ свое историческое направленіе именно тѣмъ, что оно даетъ эту необходимую хозяйственную индукцію [1]. Смитовское понятіе о хозяйствѣ приковано къ матеріальному факту и до-того ему подчиняется, что забываетъ всѣ остальные факты, что только реакція противъ него можетъ напомнить про исторію хозяйства, про связь между дѣятельностью на удовлетвореніе нуждъ матеріальнаго питанія съ другими отраслями дѣятельности; только забывши всего человѣка и его значеніе въ сферѣ матеріальной дѣятельности, оно могло забыть, что это тотъ-же самый человѣкъ, который дѣйствуетъ и въ другихъ сферахъ. Но если имѣетъ основаніе эта реакція, если она также жизнью вызвана, какъ предшествовавшій ей взглядъ Смита, если идея о преобладающемъ значеніи человѣка въ хозяйственной сферѣ соотвѣтствуетъ теперешнему хозяйственному строю, въ которомъ главное мѣсто занимаетъ человѣкъ, а не вещь, — то это значитъ, что современное хозяйство не можетъ уже умѣститься въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, ко-

[1] *Roscher*, Der gegenwärtige Zustand der wissenschaft. N.-Oek. und die nothwendige Reform derselben въ Deutsche Vierteljahrschrift. 1849. № 45. S. 182.

торыя ему были въ пору прежде, что оно хочетъ сбросить съ себя тѣ матеріальныя цѣпи, которыя наложилъ на него Смитъ; а въ такомъ случаѣ потребно болѣе широкое пониманіе хозяйства.

Послѣ этого, кажется, будетъ понятно наше опредѣленіе цѣнности. Цѣнность есть специфически хозяйственный признакъ; слѣдовательно, если только разумностью характеризуется хозяйственное, безъ отношенія къ тому, что въ то или другое время признается за хозяйственное, то значитъ, что цѣнность сама по себѣ есть голая форма, содержаніе которой обусловливается временемъ и мѣстомъ и также разнообразно, какъ исторія хозяйства, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Выраженіе «цѣнить» не означаетъ какого-либо спеціальнаго акта, относящагося до отдѣльной сферы жизни: оно есть абстракція, обхватывающая всѣ дѣйствія человѣка, которыми онъ признаетъ духовное или матеріальное благо годнымъ для своихъ нуждъ; а цѣнность есть знакъ, оставшійся на внѣшнемъ благѣ послѣ этого акта. Способность человѣка цѣнить обусловливаетъ его духовное и физическое благосостояніе: чѣмъ шире сфера цѣнности, тѣмъ шире благостояніе, и наоборотъ.

Только при такомъ пониманіи цѣнности становится возможнымъ отличать ее отъ другихъ сродныхъ ей категорій, становится возможнымъ дать отдѣльныя опредѣленія цѣнности потребленія, мѣновой цѣнности, мѣноспособности и цѣнѣ; иными словами — дается возможность узнать, что есть характеристичнаго въ этихъ категоріяхъ, посредствомъ котораго мы могли бы ихъ различать одну отъ другой, какъ понятія о различныхъ хозяйственныхъ фактахъ. Отсюда ясно уже, что само по себѣ ученіе о цѣнности не имѣетъ никакого исключительнаго значенія для теоріи цѣнъ; гораздо больше ея значеніе для вопроса о предѣлахъ и предметѣ хозяйственной науки; а въ той-же мѣрѣ, въ какой она важна для теоріи цѣнъ, она важна для ученій о деньгахъ и обращеніи, которыя немыслимы безъ твердо установ-

лепныхъ понятій о мѣноспособности, мѣновой цѣнности и цѣнности потребленія.

Мы употребляли немало усилій, чтобы ориентироваться въ лабиринтѣ категорій, съ которыми приходится имѣть дѣло въ ученіи о цѣнности. Но не менѣе стараній мы устремили на то, чтобъ выпутаться изъ тьмы противурѣчій и запутанностей, которыми кишитъ литература этого вопроса. Мы желали добиться опредѣленныхъ результатовъ по этому вопросу, но не меньше было наше желаніе понять каждое изъ высказывавшихся мнѣній, чтобъ добиться результата не чрезъ обломки опровергнутыхъ и разрушенныхъ теорій, а скорѣе имѣя за себя, какъ опору и доводъ, то, что литература представляетъ по этому вопросу. На сколько мы въ этомъ успѣли, конечно не намъ судить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Законъ цѣнъ и причины уклоненій отъ него.

Въ предъидущей главѣ мы показали общія условія возникновенія мѣноспособности, или покупательной силы. Прямое продолженіе начатыхъ изслѣдованій составляетъ вопросъ объ условіяхъ, опредѣляющихъ *размѣръ* мѣноспособности.

Мы показали, что мѣноспособность есть только видоизмѣненная производственная сила человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро мы станемъ на той точкѣ зрѣнія, что въ человѣкѣ — вся основа хозяйства, мы не можемъ признавать существованіе какой-либо хозяйственной силы, которая не была бы человѣческою силою; въ противномъ случаѣ мы должны были бы признать, что хозяйство держится не на одномъ только разумѣ.

Не по волѣ человѣка, а по основному закону природы, человѣкъ можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ трудился. Вытекающій отсюда трудовой бытъ[1] есть хозяйственный бытъ; поэтому, какими внѣшними покровами ни закрывалась бы трудовая сущность хозяйственнаго явленія, какъ-скоро оно въ самомъ дѣлѣ хозяйственное, теоретикъ политико-экономъ непремѣнно долженъ открыть

[1] L'existance travaillée, какъ это прекрасно называетъ *Canard*, Pr. d'éc. pol. (1801), p. 114.

эту трудовую подкладку. Въ этомъ открытіи и заключается сущность экономическаго изслѣдованія.

Если это вѣрно въ приложеніи къ мелкимъ хозяйственнымъ фактамъ, то еще въ большей мѣрѣ это вѣрно въ примѣненіи къ такому важному факту, каково основаніе хозяйства. Если покупательная сила считается за такое основаніе, то, что̀ бы ни думала практика о связи этой силы съ трудомъ, теоретикъ долженъ показать, что она тождественна съ трудомъ. И это онъ показываетъ, напоминая, что хозяйственной основой можетъ быть только разумная сила, а такая разумная сила есть только у человѣка.

Выше мы показали, въ чемъ сущность обмѣна. Мы видѣли, что чрезъ посредство обмѣна *реализируется* возможность общимъ трудомъ достигнуть той цѣли, которой люди не достигаютъ, работая отдѣльно.

Обмѣнъ есть хозяйственная логическая категорія; онъ выражаетъ условіе, безъ котораго немыслимо никакое хозяйство. Когда хозяйственное сознаніе находится на извѣстной степени развитія, хозяйственный бытъ, принимая сообразно съ этимъ извѣстный складъ, обусловливаетъ тѣ историческія формы, въ которыя облекаются логическія хозяйственныя категоріи и которыя собственно даютъ намъ возможность отличать одинъ періодъ исторіи хозяйственнаго быта отъ другаго. Такимъ образомъ объясняется то различіе, которое существуетъ между торговлей и обмѣномъ,— по которому мы не каждый мѣновой фактъ называемъ торговымъ фактомъ.

Мы задались выше вопросомъ, чѣмъ опредѣляется размѣръ мѣноспособности? Задавая вопросъ въ такой общей формѣ, мы, очевидно, хотимъ получить такой отвѣтъ, который прилагался бы ко всякимъ случаямъ опредѣленія размѣра мѣноспособности, какіе бы практика ни представляла. Другими словами сказать: мы хотимъ знать *законъ цѣнъ*.

Каждая цѣна есть въ сущности только отдѣльный, конкретный торговый моментъ. Потому что торговля не есть нѣчто отдѣльное отъ цѣны. Значитъ, законъ цѣнъ означаетъ *торговый законъ*. Но торговля есть видоизмѣненный подъ вліяніемъ времени и мѣста обмѣнъ. Вспомнимъ еще, что законъ есть нѣчто такое, что по самому своему существу не обусловливается временемъ и мѣстомъ. Ясно, что, для открытія торговаго закона, мы должны обратить наше вниманіе на тѣ моменты въ торговлѣ, которые не обусловливаются исторіей, а постоянно и всегда повторяются. Такой моментъ въ торговлѣ — обмѣнъ. Слѣдовательно, чтобъ открыть торговый законъ, намъ нужно знать, какое условіе для существованія хозяйства выражаетъ обмѣнъ. Ибо основныя, логическія категоріи хозяйства выражаютъ всегда какое-нибудь условіе, безъ котораго немыслимо никакое хозяйство, гдѣ и когда бы мы его ни встрѣчали.

Обмѣнъ тѣсно и нераздѣльно связанъ съ подмогой, которую люди должны оказывать другъ другу. Но подмога эта всегда проявляется въ томъ, что одинъ человѣкъ работаетъ для другаго, оттого-то Бастіа и Кери[1] говорятъ, что соединеніе и раздѣленіе труда означаютъ обмѣнъ. Собственно говоря, трудиться не значитъ обмѣниваться, но трудиться нельзя, не обмѣниваясь; потому что трудятся люди всегда совокупно. *Обмѣнъ*, являющійся результатомъ этой совокупной дѣятельности, *есть внѣшній признакъ, по которому мы узнаемъ о существованіи подмоги.*

Въ самомъ дѣлѣ. до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не удовлетворитъ всѣмъ своимъ потребностямъ, мы не знаемъ, существовала ли подмога или нѣтъ. — Подмога имѣетъ тутъ мѣсто, потому что безъ нея человѣкъ не въ состояніи удовлетворить своимъ потребностямъ: *только* благодаря ей это становится возможнымъ. Но что эта возможность дѣйствительно реализирова-

[1] *Bastiat*, IV. 102, 565; *Carey*, стр. 252 и др.

лась, мы, очевидно, будемъ судить потому, получилъ ли онъ чрезъ обмѣнъ все то, что ему недоставало, или нѣтъ. Какъ скоро онъ чрезъ обмѣнъ всего этого не получитъ, это будетъ доказательствомъ, что подмоги не было.

Безъ подмоги трудъ былъ недостаточенъ для того, чтобы добыть необходимое. Сущность подмоги въ томъ именно и заключается, что, благодаря ей, это становится возможнымъ; то есть становится возможнымъ, чтобъ каждый человѣкъ могъ удовлетворять своимъ потребностямъ, благодаря *своей* дѣятельности. Понятное дѣло, что обмѣнъ, являющійся ея послѣдствіемъ, самъ по себѣ, не долженъ имѣть никакихъ такихъ послѣдствій, которыя бы противурѣчили тому, что стремится произвести подмога. Онъ, на-оборотъ, долженъ вполнѣ гармонировать съ послѣдней.

Но чтобъ эта гармонія дѣйствительно существовала, необходимо обмѣну основываться на такомъ началѣ, по которому каждый человѣкъ, совершивъ обмѣнъ, все-таки могъ бы сказать, что онъ удовлетворилъ своимъ потребностямъ. благодаря *своему* труду. То есть, что послѣ обмѣна, какъ и до обмѣна, сумма труда, которою онъ располагалъ, осталась неизмѣнной. Ибо если она увеличилась послѣ обмѣна, то это означаетъ, что онъ потребилъ то, что произведено не его трудомъ; если же она уменьшилась, то это означаетъ, что кто-либо другой потребилъ то, что онъ произвелъ. Опять, значитъ, существовалъ человѣкъ, который, благодаря не своей только дѣятельности, удовлетворилъ своимъ потребностямъ.

А, положимъ, затрачиваетъ $^1/_4$ суммы труда, которою онъ располагаетъ, на производство продуктовъ, которые ему лично нужны, а $^3/_4$ на производство того, что онъ отдаетъ въ обмѣнъ. Ясное дѣло, что послѣ обмѣна онъ можетъ сказать, что удовлетворилъ своимъ потребностямъ, благодаря *своей* дѣятельности, только въ томъ случаѣ, когда онъ получилъ обратно сумму продуктовъ, которые производятся такимъ-же количествомъ труда,

какимъ произведено было то, что онъ отдалъ. Въ противномъ случаѣ, или онъ будетъ жить на счетъ чужой дѣятельности, или другой будетъ жить на счетъ его дѣятельности.

Въ обоихъ случаяхъ окажется, что подмога, которую люди должны оказывать другъ другу, не существовала. Потому что сущность ея заключается именно въ томъ, что. благодаря ей, для отдѣльнаго человѣка становится достаточною та сумма труда, которою его надѣлила природа. Какъ-скоро кто-нибудь живетъ на мой счетъ, то это доказываетъ, что его собственной дѣятельности не хватаетъ на то, что ему нужно. Если же я живу не на свой счетъ, это значитъ. что моей дѣятельности для меня недостаточно, что долженъ еще кто-нибудь другой затрачивать для меня свой трудъ.

Отсюда понятна сущность обмѣна и условія, которое выражаетъ мѣновой законъ. Когда мы говоримъ о необходимости подмоги, то мы говоримъ о необходимости извѣстнаго производственнаго акта. Когда, далѣе, мы говоримъ о послѣдствіи подмоги—обмѣнѣ, то мы говоримъ о необходимости акта, который составляетъ продолженіе подмоги и *чрезъ который конечная ея цѣль осуществляется*. Изъ того, что въ обмѣнѣ осуществляется назначеніе подмоги, вытекаетъ, что когда люди совершаютъ другъ съ другомъ обмѣнъ, то онъ долженъ совершаться на такомъ началѣ, по которому, въ концѣ разсчетовъ, каждая изъ обмѣнивающихся сторонъ могла бы сказать, что на нее другіе столько-же работали, сколько она работала на другихъ.

Мѣновой законъ, какъ и всѣ хозяйственные законы, выражаетъ условіе, безъ котораго хозяйство не можетъ существовать. Мы, послѣ сказаннаго, въ состояніи понять, въ чемъ заключается это условіе. Именно: *оно требуетъ, чтобы при обмѣнѣ человѣкъ всегда отдавалъ столько труда, сколько онъ получаетъ*. Такой смыслъ мѣноваго закона обусловливается тѣмъ, что обмѣнъ есть послѣдствіе совокупной дѣятельности и что весь смыслъ этой совокупной дѣятельности, въ свою очередь, за-

ключается въ томъ, что она дѣлаетъ возможнымъ, чтобъ каждый человѣкъ могъ жить благодаря тому, что онъ самъ для себя работалъ.

Мѣновой законъ требуетъ, чтобъ каждый человѣкъ отдавалъ продуктъ такого-же количества труда, какъ и то, которое было затрачено на производство того, что онъ получилъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ-же законъ требуетъ, чтобъ онъ получилъ обратно все количество труда, которое онъ самъ затратилъ для производства отданнаго въ обмѣнъ. Такимъ образомъ *мѣновой законъ есть законъ сохраненія производственныхъ силъ отдѣльнаго человѣка.*

Сказанное относится къ обмѣну вообще, въ какое бы время и въ какомъ бы мѣстѣ мы его ни наблюдали. Мы видѣли, что торговля есть тотъ-же обмѣнъ, только принявшій подъ вліяніемъ времени и мѣста извѣстную форму. Специфически-характеризующее ее торговля заимствуетъ изъ того, что характеризуетъ эпоху, въ которую она существуетъ. Мы знаемъ, что это время частнаго хозяйства.

Всякая, какая бы то ни было форма хозяйства можетъ существовать нормально только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ ея существованіе не дисгармонировало съ основными условіями, которыя выражаются хозяйственными законами. Принявъ изложенный законъ обмѣна за вполнѣ доказанный, мы бы могли о возможности нормальнаго существованія частнаго хозяйства судить по тому, гармонируетъ ли сущность этой формы съ изложеннымъ закономъ. Но что эта форма нормальна,—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такимъ образомъ, принявъ за доказанную ея нормальность, мы обратно можемъ заключить, изъ того, что принципъ частнаго хозяйства гармонируетъ съ мѣновымъ закономъ, о вѣрности этого закона.

Эта гармонія однако не можетъ подлежать также никакому сомнѣнію. Для доказательства этого постараемся показать, какъ

выражается указанный мѣновой законъ въ примѣненіи къ торговлѣ.

Мы видѣли, что между обмѣномъ и торговлей существуетъ различіе, вслѣдствіе котораго мы цѣлый рядъ мѣновыхъ явленій выключаемъ изъ торговой сферы, и не всякій мѣновой случай считаемъ случаемъ цѣны. Въ самомъ дѣлѣ, обмѣнъ есть послѣдствіе того, что человѣкъ долженъ жить въ обществѣ: въ этой необходимости человѣкъ убѣждается въ каждую минуту своего существованія. Уже потому, что каждый человѣкъ прежде всего есть членъ общества, безъ котораго онъ немыслимъ, нѣтъ у него ни одного дѣйствія, которое непосредственно или посредственно не касалось бы, кромѣ него, и кого-нибудь другаго. То есть, во всякомъ дѣйствіи человѣка отражается то, что онъ принадлежитъ обществу; переводя это на экономическій языкъ, это означаетъ, что нѣтъ ни одного хозяйственнаго акта, въ которомъ было бы заинтересовано одно только лицо. Непремѣнно въ каждомъ хозяйственномъ актѣ заинтересовано нѣсколько лицъ. Это означаетъ другими словами, что каждый хозяйственный актъ, совершенный отдѣльнымъ лицемъ, есть актъ кооперативный, потому что другихъ актовъ хозяйственныхъ вовсе нѣтъ,—каждый актъ, такимъ образомъ, есть актъ подмоги. Но всякій случай подмоги влечетъ за собой обмѣнъ. Случай подмоги безъ обмѣна также немыслимъ, какъ немыслимо, чтобъ дѣйствовала сила и отъ этого не было бы никакого результата.

Не смотря однако на то, что всякое хозяйственное дѣйствіе, въ принципѣ, влечетъ за собой обмѣнъ, мы не всегда говоримъ объ этомъ обмѣнѣ,—мы его часто вовсе и не замѣчаемъ. Такъ, для примѣра, всякій разговоръ есть, очевидно, случай обмѣна. Когда мы покупаемъ какой-нибудь товаръ у купца,—между нами и купцомъ происходятъ два обмѣна. А между тѣмъ, мы говоримъ только объ одной цѣнѣ — о цѣнѣ купленнаго товара; но не прилагаемъ понятія о цѣнѣ къ тому обмѣну мыслей, ко-

торый происходилъ во время переговоровъ, предшествовавшихъ покупкѣ.

Нѣсколько любителей собираются вмѣстѣ разыграть сонату Бетговена. Очевидно, что между ними происходитъ такой-же обмѣнъ, какой происходитъ при всякомъ соединеніи силъ для одной общей цѣли. Каждый изъ нихъ доставляетъ удовольствіе остальнымъ, давая имъ возможность услышать сонату, и обратно— получаетъ такое-же удовольствіе. Потомъ всѣ эти любители даютъ концертъ. Опять происходитъ обмѣтъ. Но между обоими случаями обмѣна рѣзкое различіе. Послѣдній случай обмѣна есть торговый фактъ, первый — нѣтъ.

Всякій разъ, когда одинъ человѣкъ приходитъ въ столкновеніе съ другимъ, между ними происходитъ обмѣнъ. А такъ-какъ нѣтъ ни одного факта въ жизни человѣка, въ которомъ нельзя было бы открыть столкновенія съ другимъ человѣкомъ, то съ научной точки зрѣнія всякій хозяйственный фактъ имѣетъ въ себѣ мѣновую сторону. Это явствуетъ изъ того, что было сказано выше о тѣсной связи, соединяющей хозяйственныя категоріи. Но спросите практика, и онъ укажетъ на рѣзкую границу между торговымъ фактомъ и не торговымъ.

Не трудно замѣтить, въ чемъ эта разница. Тотъ мѣновой фактъ называется торговымъ, въ которомъ въ сознаніи человѣка выступаетъ на первый планъ именно, мѣновой моментъ, моментъ перехода, передачи. Мы сказали, что, собственно говоря, всякій хозяйственный актъ есть, между прочимъ, мѣновой актъ. Но не всегда эта мѣновая сторона обращаетъ на себя вниманіе; по настоящему, человѣкъ, какой бы хозяйственный актъ онъ ни совершалъ, всегда дѣлаетъ что-либо такое, что находится въ посредственной или непосредственной связи съ обмѣномъ. Но онъ часто обмѣнивается безсознательно. Потому что не всегда эта мѣновая сторона его интересуетъ, не всегда въ ней сущность акта. Но коль-скоро сущность акта заключается

въ мѣновомъ моментѣ, коль-скоро въ хозяйственномъ явленіи человѣка интересуетъ то, что принадлежавшее ему перестаетъ принадлежать ему, — коль-скоро все его вниманіе устремлено на переходъ блага отъ него къ другому, — то онъ говоритъ, что онъ торгуетъ.

Такимъ образомъ, когда сознаніе человѣка извлекаетъ хозяйственный фактъ изъ массы другихъ, когда этотъ фактъ становится сознаваемымъ явленіемъ и притомъ сознается въ немъ именно отчужденіе, — то фактъ становится торговымъ. Отсюда ясно, какую громадную роль играетъ здѣсь отчужденіе. Но отчужденіе немыслимо безъ права исключительной собственности на отчуждаемое. Безъ такой собственности немыслимо, чтобъ фактъ отчужденія могъ обратить на себя исключительное вниманіе сознанія. Вся сущность въ томъ, что человѣка главнымъ образомъ интересуетъ переходъ *принадлежавшаго* ему въ *чужія* руки.

Значитъ, безъ сложившихся извѣстнымъ образомъ отношеній людей по имуществу немыслима торговля. Для того, чтобъ существовала торговля, необходимо, чтобъ эти отношенія приняли извѣстныя юридическія формы.

Намъ однако нужно теперь показать, какимъ образомъ указанный выше мѣновой законъ примѣняется къ торговлѣ. Очевидно, что если *существенно характеризирующее въ торговомъ фактѣ заключается въ томъ, что мѣновой моментъ сталъ сознательнымъ*, то мѣновой законъ, въ примѣненіи къ торговлѣ, долженъ требовать, чтобъ его осуществляли во всякій торговый моментъ, то есть, чтобъ каждый случай цѣны подходилъ подъ него.

Мѣновой законъ, вообще выраженный, требуетъ, чтобъ каждый человѣкъ, подводя итоги всѣмъ обмѣнамъ, которые онъ когда либо совершалъ, могъ сказать, что онъ промѣнялъ продукты такого же количества труда, какое было затрачено на производство полученнаго имъ черезъ обмѣнъ. Въ примѣненіи же къ торговлѣ, —

чтобъ *въ каждомъ отдѣльномъ* случаѣ обмѣна (а индивидуализируется каждый отдѣльный мѣновой случай, когда онъ становится какъ таковый, сознательнымъ), человѣкъ отдавалъ продуктъ такого-же количества труда, какое затрачено другими для производства полученнаго имъ черезъ обмѣнъ. Мѣновой законъ, примѣненный къ торговлѣ, или законъ цѣнъ, требуетъ, чтобъ *продукты равныхъ количествъ труда были равноцѣнны.*

Посмотримъ, гармонируетъ ли это требованіе закона цѣнъ съ принципомъ частнаго хозяйства. Коль-скоро мы получимъ утвердительный отвѣтъ — а еще болѣе, если мы докажемъ, что указанный законъ цѣнъ выражаетъ условіе, безъ котораго немыслимо существованіе частнаго хозяйства, — то это будетъ самое убѣдительное доказательство его вѣрности.

Сущность частнаго хозяйства заключается въ обособленіи хозяйствъ отдѣльныхъ лицъ, — въ томъ, что эти хозяйства противупоставляются другъ другу, какъ отдѣльныя и самостоятельныя цѣлыя. Оно обусловливается первостепенною ролью, которую разъигрываетъ отдѣльное лицо, индивидуальность котораго стоитъ на первомъ планѣ и потому даетъ тонъ хозяйственной сферѣ, въ которой оно обращается, — индивидуализируетъ эту сферу и чрезъ то даетъ возможность отличать ее отъ другихъ сферъ, которыя характеризуются индивидуальностью другихъ лицъ, въ нихъ обращающихся. Короче, самостоятельность, и притомъ хозяйственная самостоятельность, отдѣльнаго лица — вотъ что характеризуетъ частную форму хозяйства. *Отдѣльное лицо предоставлено своимъ собственнымъ силамъ и въ нихъ видитъ основаніе своего благосостоянія.*

Сообразно съ этимъ и то, на чемъ держится всякое частное хозяйство, право частной исключительной собственности основано на правѣ каждаго человѣка назвать *своимъ* все то, что произведено *его* трудомъ. *Какъ трудъ не раздѣленъ съ его личностью,* на которую онъ одинъ имѣетъ право, - такъ и право частной

собственности, *которое немыслимо безъ личной свободы*, имѣетъ свое основаніе въ томъ, что *произведенное его трудомъ* точно также *нераздѣльно съ его личностью*

Частное хозяйство безъ частнаго права собственности, а частное право собственности безъ права человѣка на то, что имъ произведено, немыслимы. Потому что какъ хозяйственная сфера, такъ и сфера собственности суть внѣшнія сферы. Разграничить эти внѣшнія сферы на части такъ, чтобы одинъ человѣкъ могъ сказать это *моя* сфера, а не твоя, — можно только въ томъ случаѣ, когда этотъ человѣкъ успѣлъ объективировать свою личность, то есть воплотить то, что нераздѣльно съ ней во внѣшнемъ объектѣ, когда, значитъ, его производительная сила, его трудъ, воплотилась во внѣшней вещи

Сравнимъ это съ тѣмъ, чего требуетъ законъ цѣнъ, и мы увидимъ, что право частной собственности есть только осуществленіе требованія закона цѣнъ. По этому закону продукты равныхъ количествъ труда равноцѣнны, это значитъ, что размѣръ покупательной силы, которою располагаетъ владѣлецъ вещи, прямо пропорціоналенъ производительной силѣ, воплотившейся въ этой вещи *Пропорціональности производительной и покупательной силъ* — вотъ чего требуетъ законъ цѣнъ И это его требованіе понятно не по тѣмъ только доводамъ, которые мы приводимъ выше Вѣдь въ хозяйствѣ все, въ концѣ концовъ, подводится къ производительной силѣ Во что бы эта сила ни обращалась, какія бы вмѣсто ея ни появились другія силы — никакихъ другихъ силъ не можетъ быть больше въ хозяйствѣ, нежели сколько въ немъ было производительной силы. Ибо въ противномъ случаѣ слѣдовало бы предполагать, что хозяйство держится не на одной производительной силѣ. Если, напр., размѣръ покупательной силы больше размѣра производительной, воплотившейся въ вещи, — то, значитъ, силу хозяйственную даетъ не только трудъ, не только разумъ, но и неразумныя силы тоже

поддерживаютъ хозяйство,—а послѣднее ложно. Неразумныя силы хозяйства не поддерживаютъ, а на-оборотъ—его подрываютъ, и вся хозяйственная сфера есть только сфера дѣятельности, устремленной на преодолѣніе и подчиненіе неразумныхъ внѣшнихъ силъ.

Такимъ образомъ, если съ основной точки зрѣнія, по которой единственною плодотворною силою въ хозяйствѣ признается сила человѣка, покупательная сила и производственная тождественны въ сущности, то, съ этой-же точки зрѣнія, частное хозяйство немыслимо безъ пропорціональности производственной и покупательной силы.

Эта точка зрѣнія ставитъ на первый планъ человѣка, потому что хозяйственная дѣятельность по своему существу есть разумная дѣятельность. Такимъ образомъ она ставитъ на первый планъ разумъ, въ немъ она видитъ основаніе хозяйства. Кто хочетъ опровергать эту точку зрѣнія, долженъ опровергать то, что на разумѣ держится хозяйство.

Сводя все къ человѣку, какъ къ центру хозяйства, она все сводитъ на его дѣятельность, потому что для хозяйства разумность человѣка проявляется въ его дѣятельности. Но эта дѣятельность мыслима только какъ дѣятельность совокупная; слѣдовательно, разумность въ хозяйствѣ проявляется въ совокупной дѣятельности, въ подмогѣ людей другъ другу. Отсюда вытекаетъ новая сторона въ хозяйственной дѣятельности: мы видѣли, что она должна быть разумна, теперь, изъ необходимости совокупной дѣятельности, изъ необходимости подмоги, мы видимъ, что она есть нравственная сила. И если вѣрно, что хозяйственная сила есть нравственная сила, то это тоже доказываетъ, что она имѣется только у человѣка.

Но если вѣрна эта основная точка зрѣнія, то вѣренъ и выводъ, изъ нея вытекающій, о тождественности покупательной и производственной силъ, и выводъ, вытекающій изъ этой тождественности, о пропорціональности этихъ силъ.

Мы назвали выше мѣновой законъ закономъ сохраненія хозяйственной силы. Въ самомъ дѣлѣ, изъ пропорціональности покупательной и производственной силъ вытекаетъ, что по общему мѣновому закону ни у одного человѣка не должна пропадать ни одна частица его производственной силы, на которой держится его хозяйство; вся она должна превратиться въ покупательную. Такимъ образомъ, когда частное право собственности выражаетъ право человѣка на то, что онъ произвелъ своимъ трудомъ, то оно требуетъ того-же, что требуетъ законъ цѣнъ. Частное право собственности требуетъ, чтобы все, въ чемъ ни проявилась производственная сила человѣка, во что бы она ни воплотилась, все принадлежало тому человѣку, *чья* была эта сила, отъ личности котораго она была нераздѣльна. Но производственная сила, воплотившаяся во внѣшнемъ объектѣ, можетъ превратиться въ покупательную. Если производственная сила, по требованію частнаго права собственности, должна всегда остаться принадлежностью того человѣка, съ личностью котораго она была нераздѣльна, — все равно, не отдѣлилась ли она отъ него еще, или, отдѣлившись, воплотилась во внѣшнемъ объектѣ, — то, значитъ, требованіе пропорціональности покупательной и производственной силъ есть только другимъ образомъ выраженное требованіе частнаго права собственности.

У каждаго человѣка можетъ быть только такой размѣръ покупательной силы, то есть цѣна его вещей можетъ быть на столько высока, сколько онъ въ данномъ случаѣ затратилъ производственной силы. Этого требуетъ законъ цѣнъ. Это значитъ, что законъ цѣнъ требуетъ, чтобъ *въ каждомъ данномъ случаѣ* человѣкъ могъ сказать, что его хозяйство держится на *его* производственной силѣ, а не на чужой, — что его хозяйство носитъ на себѣ печать *его* личности, а не чужой. Коль-скоро, подводя итоги обмѣнамъ, которые онъ совершилъ, онъ можетъ сказать, что *всегда* покупательная его сила была пропорціональна производственной, — то онъ можетъ сказать, что *вся* его хозяйствен-

ная сфера характеризировалась его личностью и что по этой чертѣ ее можно отличить отъ другихъ хозяйственныхъ сферъ. А вѣдь все это требованія принципа частнаго хозяйства.

Такимъ образомъ примѣняется къ хозяйственной сферѣ основной законъ сохраненія силы, которымъ все держится въ природѣ, которымъ держится всякое хозяйство, а потому и частное. Безъ сохраненія хозяйственной силы немыслимо непрерывное существованіе хозяйства, т. е. немыслима жизнь человѣческая. Потому, какимъ бы историческимъ вліяніемъ ни подвергалось хозяйство, всегда мы встрѣтимъ этотъ законъ, хотя онъ и можетъ проявляться въ различныхъ формахъ. Пропорціональность производственной и покупательной силъ есть та форма, въ которой законъ сохраненія хозяйственной силы проявляется въ частномъ хозяйствѣ.

Три есть силы въ частномъ хозяйствѣ: сила производственная, сила покупательная и потребительная сила, — или вѣрнѣе, всѣ эти три силы суть только троякаго рода проявленія единой хозяйственной силы, основанія человѣческой жизни. Потому что онѣ не существуютъ независимо другъ отъ друга, а постоянно видоизмѣняются и переходятъ одна въ другую, — потому и совершается сохраненіе силы. Сколько у человѣка есть производственной силы, столько и покупательной, столько и потребительной. Кто больше работалъ, тотъ можетъ и больше покупать. Мало работать и много покупать съ хозяйственной точки зрѣнія — безсмыслица и естественная невозможность: нужно *чѣмъ-нибудь* покупать, а это «*что-нибудь*» должно быть произведено. Такъ точно, по той причинѣ, что потребляемое должно быть предварительно произведено, сумма потребляемаго опредѣляется количествомъ работы; сумма потребляемаго по-видимому опредѣляется не однимъ только количествомъ, но и качествомъ работы. Но это качество не есть нѣчто первоначальное, а добытое трудомъ и заботами человѣка; значитъ, въ послѣднемъ счетѣ, это количество трудовъ

и заботъ опредѣляетъ сумму потребляемаго. Мало производить и много потреблять — также хозяйственная безсмыслица и естественная невозможность, какъ мало покупать и много потреблять.

Каждый человѣкъ затрачиваетъ свою производственную силу на созиданіе вещей, годныхъ для удовлетворенія извѣстнымъ потребностямъ. Вслѣдствіе необходимости подмоги, каждому человѣку приходится производить вещи, которыя нужны другимъ, а не ему одному. Отсюда первый метаморфозъ хозяйственной силы: воплотившись въ вещи, производственная сила превращается въ покупательную.

Добыть себѣ необходимыя, данную (нужную) полезность имѣющія вещи можно только имѣя покупательную силу; а эту послѣднюю можно имѣть только подъ условіемъ затраты производственной силы. Но имѣть необходимыя, нужную полезность имѣющія вещи значитъ имѣть потребительную силу. Отдавая свою покупательную силу, я получаю нужныя мнѣ вещи, т е. потребительную силу. Хозяйственная сила совершила второй метаморфозъ: изъ покупательной она превратилась въ потребительную.

Но процессъ метаморфозированія хозяйственной силы еще не закончился. Уничтожаясь, потребительная сила не пропадаетъ совершенно; подъ новымъ видомъ она проявляется опять: снова возникаетъ производственная сила, чтобъ опять начался вѣчный круговоротъ хозяйства. Въ этомъ круговоротѣ сохраняется могущественнѣйшая изъ всѣхъ силъ: сила человѣческаго разума.

Чѣмъ больше каждый человѣкъ работаетъ, тѣмъ больше онъ можетъ покупать, т. е. тѣмъ больше ему помогаютъ его ближніе, и тѣмъ больше онъ можетъ потреблять. Чѣмъ больше онъ потребляетъ, тѣмъ больше онъ можетъ производить, т. е., помогать другимъ. Вотъ экономически формулированный законъ сохраненія силы.

Не менѣе всего этого очевидно и то, что если-бы подъ тре-

бованія принципа частнаго хозяйства нельзя было подложить указываемый законъ мѣнъ, то онѣ остались бы голыми, лишенными всякаго содержанія, фразами. Въ самомъ дѣлѣ, если покупательная сила, которою располагаетъ какой-нибудь человѣкъ, не пропорціональна, а больше затраченной имъ производственной, то — такъ какъ, въ концѣ концовъ, всякая хозяйственная сила есть сила человѣческая, значитъ сила производственная, — излишекъ покупательной силы, которымъ онъ располагаетъ, появился, благодаря не *его* дѣятельности, а чужой. Какой же послѣ этого смыслъ имѣетъ требованіе принципа частнаго хозяйства, чтобы хозяйство отдѣльнаго человѣка опиралось на его собственную производственную силу?

Отсюда мы видимъ, что указываемый мѣновой законъ въ самомъ дѣлѣ выражаетъ условіе, безъ котораго немыслимо никакое хозяйство, — что примѣненный къ торговлѣ, превращаясь въ законъ цѣнъ, онъ выражаетъ условіе, безъ котораго немыслимо существованіе той формы хозяйства, при которой обмѣнъ принимаетъ форму торговли.—

Послѣ всего сказаннаго объ обмѣнѣ и законѣ, который лежитъ въ его основѣ, слѣдуетъ еще сказать о выгодѣ, которую доставляетъ людямъ обмѣнъ. Обмѣнъ слѣдуетъ за совокупною дѣятельностью, когда эта дѣятельность уже окончена и результатъ ея имѣется уже готовый. Очевидно, что выгода отъ обмѣна должна быть иная, нежели та, которую люди имѣютъ отъ совокупной дѣятельности; обмѣнъ самъ по себѣ долженъ доставлять людямъ выгоду, независимо отъ послѣдней выгоды.

Послѣдняя выгода заключается именно въ томъ, что помощью совокупной дѣятельности достигается возможность имѣть все *количество* необходимыхъ вещей. По той причинѣ, что обмѣнъ слѣдуетъ за дѣятельностью, это количество должно существовать до обмѣна, помощью котораго оно *распредѣляется*.

Отсюда слѣдуетъ, что выгода отъ обмѣна должна заключать-

ся не въ томъ, что каждое отдѣльное лицо имѣетъ все *количество* необходимыхъ ему вещей, — эта выгода существовала до обмѣна, — а въ чемъ-либо иномъ, а именно она должна обусловливаться тѣмъ, *какъ распредѣляется* количество произведеннаго совокупною дѣятельностью.

Необходимость же распредѣленія или обмѣна обусловливается подмогой, оказываемой человѣкомъ человѣку, т. е. тѣмъ, что каждый отдѣльный человѣкъ производитъ блага, которыя нужны другому. Значитъ, цѣль распредѣленія заключается въ томъ, чтобъ каждый человѣкъ получилъ тѣ блага, которыя ему нужны. Если эта цѣль будетъ достигнута, то каждый отдѣльный человѣкъ будетъ обезпеченъ не только въ *количествѣ*, но и въ *качествѣ* благъ, которыя ему нужны. Въ этомъ то послѣднемъ и заключается выгода отъ обмѣна [1].

Пока мы смотримъ на отдѣльнаго человѣка, какъ на производителя, онъ представляется только звеномъ великой трудосоединительной цѣпи, на которой держится хозяйство. Какъ производитель онъ теряетъ свою индивидуальность, онъ есть только часть громаднаго цѣлаго, безъ котораго онъ немыслимъ: дѣятельности несоединенной вѣдь нѣтъ. Совершенно инымъ онъ является къ обмѣну: здѣсь онъ стоитъ съ требованіемъ того, что *ему* нужно. Онъ здѣсь представляетъ только одного себя, онъ выставляетъ свои индивидуальныя особенности, которыя обусловливаютъ его частныя требованія. Его не характеризуетъ здѣсь требованіе всего, *сколько* ему нужно: съ этой стороны, въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. Онъ требуетъ то, *что* ему нужно, продуктъ, имѣющій опредѣленныя качества, которыя опредѣляются его потребностями, а не чужими. А этими именно потребностями

[1] *J.-B.-Say*, Traité, p. 63—64 и въ примѣч. къ *Ricardo*, Oeuvres compl., pp. 6 и 240. *James-Mill*, pp. 120—125; *Fotz*, Revision, I. 151 folgende Handb. B. I. S. 303—305, 306—307; *Mac'Culloch*, B. I. S. 129.

отличается человѣкъ отъ человѣка, — въ нихъ основаніе всего, что индивидуализируетъ людей.

Въ этомъ-то и заключается великое значеніе рынка: это сфера проявленія разнородности (гетерогенности) человѣческаго общества. Здѣсь только во очію человѣкъ показываетъ свой собственный образъ: именно тѣмъ, что, съ одной стороны, здѣсь выступаетъ на видъ, какъ и чѣмъ каждый отдѣльный человѣкъ помогалъ своему ближнему, а, съ другой — какъ и чѣмъ онъ былъ вспоможенъ. Съ двухъ сторонъ, значитъ, индивидуализируется человѣкъ: извнѣ, такъ сказать, и извнутри. Онъ самъ характеризуетъ себя и общество его характеризуетъ.

При гипотезѣ частнаго хозяйства, значитъ, выгода отъ обмѣна не въ томъ, что послѣ обмѣна частный хозяинъ владѣетъ количествомъ вещей, въ которомъ сумма производственной силы больше той, которою онъ располагалъ до обмѣна. Если-бъ это было такъ, то это означало бы, что послѣ обмѣна *количество* средствъ нашего хозяина увеличилось. Но отъ обмѣна, какъ мы видѣли, количество не измѣняется. Значитъ, вся выгода отъ обмѣна для частнаго хозяина заключается въ томъ, что вещи, въ которыхъ воплотилась его производственная сила, но которыя не имѣли тѣхъ полезныхъ качествъ, которыя ему были нужны, чрезъ что ему и важны были не вещи, а покупательная ихъ сила, — выходятъ изъ его хозяйства и мѣсто ихъ занимаетъ именно то, что ему нужно. Выгода, значитъ, въ томъ, что всеобщая *возможность* добыть необходимую полезность, которую ему давала покупательная сила, перестала быть возможностью, а реализировалась.

Мы замѣтили выше, что каждый человѣкъ только въ томъ случаѣ можетъ сказать, что вся его производственная сила дала ему полезный результатъ, когда онъ увидитъ, что она вся воплотилась въ вещахъ, которыя ему нужны. Но эти всѣ нужныя вещи онъ получаетъ только чрезъ обмѣнъ. Значитъ, обмѣнъ да-

етъ ему сумму полезныхъ вещей, которую можно произвести его дѣятельностью, затраченною на производство отданнаго въ обмѣнъ. Отсюда понятно, почему обмѣнъ не долженъ производить никакихъ перемѣнъ въ количествѣ производственной силы человѣка, затраченной на производство вещей, ненужныхъ самому производителю.

Чтобъ обмѣнъ не производилъ никакихъ перемѣнъ, требуетъ естественная необходимость. Требованіе это клонится къ тому, чтобы отдѣльный человѣкъ могъ въ своей личности видѣть основаніе для своего хозяйственнаго благосостоянія, чтобы его производственная сила всегда принадлежала ему и чтобы такимъ образомъ все, что онъ извлекаетъ изъ этой силы, принадлежало ему и улучшало его хозяйственное положеніе. Требованіе это имѣетъ свой смыслъ, независимо отъ того, существуетъ ли обмѣнъ, или нѣтъ. Оно само выражаетъ условіе хозяйственнаго благосостоянія. Но съ этимъ требованіемъ, какъ мы видѣли, вполнѣ гармонируетъ существо обмѣна: такъ-какъ по принципу обмѣнъ не производитъ никакихъ перемѣнъ въ количествѣ вещей, а въ качествѣ.

Эта гармонія можетъ также служить доказательствомъ вѣрности указаннаго закона. Въ самомъ дѣлѣ, если-бъ гармоніи не было, то одно изъ двухъ началъ должно было бы оказаться ложнымъ: или ложно указанное мѣновое начало, или же ложно начало, по которому благосостояніе отдѣльнаго человѣка обусловливается тѣмъ, что вся его производственная сила воплощается въ полученныхъ вещахъ. Вѣрность послѣдняго не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, если же оно можетъ осуществляться только подъ условіемъ осуществленія указаннаго мѣноваго начала, или все равно закона цѣнъ, то это доказываетъ истинность этого начала.

Мѣновой законъ выражаетъ одно изъ условій безъ которыхъ не можетъ существовать хозяйство. Но изъ сказаннаго очевидно, что условіе, выражаемое мѣновымъ закономъ, не есть первона-

чальное, а деривативное. Помощью этого начала осуществляется то благосостояніе, которое производится соединеннымъ трудомъ. Самъ по себѣ обмѣнъ не имѣетъ значенія; значеніе онъ получаетъ только тогда, когда соединенная дѣятельность произвела тѣ полезныя вещи, въ которыхъ люди нуждаются. Проще говоря, это означаетъ, что обмѣнъ предполагаетъ уже готовые продукты и что до тѣхъ поръ, пока этихъ продуктовъ нѣтъ, нѣтъ и обмѣна.

Но мы выше, во второй главѣ, показали, что когда хозяйственное сознаніе человѣка находится на низкой степени развитія, когда человѣкъ еще малосиленъ и потому находится подъ властью внѣшнихъ силъ; онъ боится этихъ внѣшнихъ силъ, себя унижаетъ по сравненію съ ними и все въ хозяйствѣ приписываетъ имъ. Но унижая себя тѣмъ, что онъ не цѣнитъ своей дѣятельности, отдѣльный человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ унижаетъ и другихъ; потому что дѣятельность въ сущности — всегда совокупная, и въ этой совокупной дѣятельности проявляется сила людей. Когда, вслѣдствіе незнанія человѣка, природа властвуетъ надъ нимъ, то совокупная дѣятельность не проявляется въ полезныхъ результатахъ; это значитъ, что сила людей ничѣмъ не даетъ себя знать, на-оборотъ — даютъ себя знать внѣшнія силы, разрушая и мѣшая человѣку. Оттого только послѣднія признаются, первыя — нѣтъ. Но въ признаніи силы человѣка лежитъ основаніе, чтобъ его цѣнили. Покуда совокупная дѣятельность ни въ чемъ не проявляется, ее не цѣнятъ, а это значитъ, что человѣкъ человѣка не цѣнитъ, одинъ унижаетъ достоинство другаго.

Но когда мы говоримъ, что совокупная дѣятельность ни въ чемъ не проявляется, то это означаетъ, что нѣтъ тѣхъ предшествующихъ условій, безъ которыхъ немыслимъ обмѣнъ. Значитъ, существованіе обмѣна предполагаетъ успѣшность совокупной дѣятельности. Когда эта дѣятельность безуспѣшна, мѣновой законъ не дѣйствуетъ.

И это понятно, хозяйственные законы выражаютъ условія хозяйственнаго благосостоянія; хозяйственный законъ, какъ это превосходно доказалъ Бастіа[1], не можетъ выражать условія, вреднаго для хозяйства. Значитъ, и мѣновой законъ выражаетъ такое условіе. Какъ же это условіе можетъ осуществиться, когда основа всего, совокупная дѣятельность, не проявляется въ полезныхъ результатахъ, а на-оборотъ—подрывается внѣшними не хозяйственными силами?

Очевидно, какъ важно для осуществленія мѣноваго закона, чтобъ совокупная дѣятельность людей была успѣшна. Но эта успѣшность существуетъ, когда люди знаютъ силы природы, когда они умѣютъ подчинить эти силы себѣ, значитъ тогда уже, когда они не находятся больше подъ властью природы, а на-оборотъ — природа имъ подчиняется. Но тогда совокупная дѣятельность производитъ полезные результаты, которые видимы и ощущаются на увеличившемся благосостояніи каждаго. Тогда люди начинаютъ признавать силу въ себѣ и другихъ, значитъ возвышается нравственное достоинство каждаго отдѣльнаго и всѣхъ вмѣстѣ.

Когда невелика успѣшность совокупной дѣятельности, тогда каждый отдѣльно унижаетъ и свое собственное нравственное достоинство и нравственное достоинство своихъ ближнихъ. Тогда человѣкъ ставится на-равнѣ съ вещью. Мы сказали, что не можетъ тогда осуществиться мѣновой законъ. И это понятно; человѣкъ съ вещью не можетъ обмѣниваться.

Обмѣниваются между собою только разумные и свободные люди. Но свобода и разумность обусловливаются степенью развитія ума, которая обусловливаетъ такъ-же и степень успѣшности совокупной дѣятельности. Такимъ образомъ свобода, разумность и нравственность людей идутъ объ руку другъ съ дру-

---

[1] *Bastiat*, VI, 479—480. Вообще эта идея проходитъ чрезъ весь томъ.

гомъ и по мѣрѣ того, какъ они вырабатываются, мѣновой законъ получаетъ все большую и большую силу.

Отсюда ясно, чѣмъ обусловливаются нарушенія основнаго закона обмѣна. Они обусловливаются тѣмъ-же, чѣмъ и всѣ другія нарушенія людьми естественныхъ законовъ: незнаніемъ и неразвитостью. Только постепенно развивается хозяйственное сознаніе людей; а это значитъ, что только постепенно люди становятся разумнѣе въ хозяйственномъ отношеніи и устраиваютъ свое хозяйство сообразно съ естественными его законами.

Законы хозяйственные не зависятъ отъ воли человѣка и потому дѣйствуютъ постоянно. Отъ сообразности дѣйствій человѣка съ предписаніями этихъ законовъ зависитъ большая или меньшая степень благосостоянія. Въ волѣ человѣка приводить свои дѣйствія въ эту сообразность, но не въ его волѣ прекратить дѣйствіе закона.

Поэтому нельзя отрицать указанный нами законъ цѣнъ, какъ настоящій, на томъ основаніи, что мы въ дѣйствительности встрѣчаемъ много случаевъ, которые подъ него не подходятъ, что онъ будто-бы допускаетъ исключенія. Исключеній изъ естественныхъ законовъ не бываетъ. Послѣдствія отъ одного и того-же закона могутъ быть различны, смотря потому, какъ люди относятся къ закону. Но измѣнчивое въ послѣдствіяхъ не обусловливается самымъ закономъ, а именно — отношеніемъ людей къ нему.

По закону цѣнъ, выражающему условіе хозяйственнаго благосостоянія, *только продукты равныхъ количествъ труда равноцѣнны*, покупательная сила пропорціональна производственной. Развѣ законъ этотъ опровергается указаніемъ на то, что въ дѣйствительности бываетъ много случаевъ, когда обмѣниваются продукты не равныхъ количествъ труда? Вѣдь осуществленіе закона обусловливаетъ благосостояніе; слѣдовательно указаніе дѣйствительно опровергнетъ законъ, когда оно не будетъ простое указаніе на фактъ нарушенія, а еще сверхъ того указа-

ніе, что, не смотря на нарушеніе, благосостояніе осталось неизмѣннымъ.

Пропорціональность покупательной и производственной силъ обусловливаетъ благосостояніе. Слѣдовательно, коль-скоро этой пропорціональности нѣтъ, не можетъ быть благосостоянія. Все равно, какъ бы мы ни выразили законъ: по тѣмъ ли послѣдствіямъ, которыя появляются при его осуществленіи, или по тѣмъ, которыя происходятъ, когда онъ не осуществляется; во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ одинъ и тотъ-же законъ.

Сущностью всякаго закона обусловливается то, что нарушенія его не остаются безъ послѣдствій. Еслибъ не было послѣдствій отъ его нарушеній и притомъ послѣдствій, противуположныхъ тѣмъ, которыя происходятъ отъ его осуществленія, тогда бы законъ не былъ законъ. Законъ всегда долженъ дѣйствовать. Точно такъ-же и всякое нарушеніе мѣноваго закона не можетъ остаться безъ послѣдствій. Вотъ это-то послѣдствіе, происходящее отъ нарушенія мѣнового закона, есть убытокъ *при* обмѣнѣ.

Убытокъ не имѣетъ необходимой связи съ обмѣномъ, онъ, на-оборотъ, прямо противуположенъ обмѣну и отрицаетъ, уничтожаетъ его. Въ самомъ дѣлѣ, когда обмѣнивается продуктъ бо́льшаго количества труда на продуктъ меньшаго, то владѣтель перваго отдаетъ продуктъ извѣстнаго количества труда, не получая за то обратно ничего. На производство этого излишка онъ напрасно затрачивалъ свой трудъ. Этотъ трудъ не воплощается ни въ какой полезный для него продуктъ. Ясно, что онъ терпитъ убытокъ. Точно такъ-же очевидно, что этотъ убытокъ произошелъ именно потому, что часть продукта отдана даромъ, она ни на что не обмѣнена, значитъ убытокъ произошелъ оттого, что эта часть *не имѣла цѣны*.

Отсюда ясно, что сумма убытковъ находится въ обратномъ отношеніи къ числу обмѣновъ и ихъ правильности, сообразности

съ мѣновымъ закономъ. Чѣмъ развитѣе люди, тѣмъ *больше* они совершаютъ обмѣновъ и тѣмъ *правильнѣе* эти обмѣны. Значитъ, чѣмъ развитѣе люди, тѣмъ меньше убытковъ. Это потому, что при развитости люди приводятъ свои дѣйствія въ сообразность съ мѣновымъ закономъ [1].

Такимъ образомъ убытокъ, который возникаетъ при нарушеніи закона, есть послѣднее доказательство его вѣрности, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что вѣрность закона доказывается уклоненіями отъ него. Давнымъ давно уже извѣстно, что кажущіяся исключенія изъ закона только еще болѣе подтверждаютъ его вѣрность.

Въ предъидущемъ мы пробовали снова изслѣдовать, какое начало лежитъ въ основѣ обмѣна, въ чемъ заключается всеобщій мѣновой законъ и на какую основную причину можно свести случаи уклоненія отъ него. При этомъ мы главное наше стараніе устремили на то, чтобъ, занимаясь этимъ частнымъ вопросомъ, не упустить изъ виду, что въ хозяйственной наукѣ обобщающее, склеивающее и соединяющее всѣ мелочи въ одно гармоническое цѣлое есть человѣкъ.

На этомъ основаніи мы въ первой главѣ различали двоякаго рода факты: сущностью хозяйства обусловливающіеся, объективные хозяйственные моменты и обусловливающіеся только исторіей развивающагося человѣка. Мы показали далѣе, что какъ объективные, такъ и субъективные моменты хозяйства одинаково имѣютъ свой корень въ человѣкѣ; поэтому о какомъ бы хозяйственномъ фактѣ мы ни говорили, о такомъ ли, который обусловливается объективнымъ постояннымъ въ хозяйствѣ, или такомъ, который обусловливается тѣмъ, что есть въ хозяйствѣ перемѣннаго и переходящаго, — то есть будемъ ли мы говорить о естественномъ законѣ хозяйственномъ, одинаковомъ во всѣ времена и всегда обусловливающемъ благосостояніе, или о переходящемъ

[1] *Roessler*, Grunds. der V.-W.-L.-S. 525.

фактѣ, признаваемомъ патологическимъ въ его сущности, — въ концѣ концовъ причина его возникновенія всегда въ человѣкѣ. Хотя бы съ перваго раза казалось, что положеніе, по которому основаніе какъ хорошаго, такъ и дурнаго содержится въ человѣкѣ, заключаетъ въ себѣ внутреннее противурѣчіе, — съ нимъ однако нельзя не согласиться, когда мы вспомнимъ, что если природой человѣка можетъ обусловливаться только одно выгодное, то человѣкъ, все-таки, только постепенно развиваясь, познаетъ свою природу. Познаваніе своей природы дается человѣку весьма трудно, какъ вообще всякое познаваніе, — что-же удивительнаго, если онъ часто поступаетъ вопреки тому, что предписываетъ его природа.

Нѣтъ поэтому ничего нелѣпаго, если мы основную причину колебанія цѣнъ сводимъ на тотъ-же фактъ, которымъ обусловливается все хозяйственное, на необходимость соединенной дѣятельности и успѣшность этой дѣятельности.—

Теперь намъ нужно перейдти къ тѣмъ частнымъ явленіямъ, въ которыхъ выражается общая причина колебанія цѣнъ. Для доказательства того, что указанная нами основная причина колебанія цѣнъ дѣйствительно основная, мы изслѣдуемъ эти частныя явленія независимо отъ того, что до сихъ поръ сказали о колебаніи цѣнъ. Очевидно, что если, при изслѣдованіи каждаго изъ этихъ явленій отдѣльно, окажется, что всѣ они дѣйствительно сводятся къ этой основной причинѣ, то это будетъ доказательствомъ вѣрности показаннаго.

Переходомъ къ этому изслѣдованію намъ послужитъ обзоръ литературы вопроса о законѣ цѣнъ.

Законъ цѣнъ, формулированный въ такомъ видѣ, въ какомъ это мы сдѣлали, мы находимъ только у Рикардо. Онъ одинъ стоитъ за этотъ законъ и отрицаетъ всякое другое регулирующее цѣну начало[1]. Въ такой степени, въ какой Рикардо при-

[1] *Ricardo*, 17, 21, 355 и др.

держивался этого закона, позже не придерживались даже писатели, считающіеся его послѣдователями.

Но у Рикардо этотъ законъ почти вовсе не доказанъ, или же этотъ писатель употребилъ для доказательства слишкомъ практическіе доводы. Не удивительно поэтому, если онъ нашелъ себѣ весьма мало строгихъ послѣдователей.

Этому еще болѣе препятствовало то обстоятельство, что онъ самъ призналъ свой законъ цѣнъ неполнымъ и неприложимымъ ко всѣмъ случаямъ цѣнъ [1]. Правда, онъ признавалъ, что одинъ рядъ случаевъ исключенія встрѣчается въ ограниченномъ количествѣ, а второй рядъ даже не считалъ достойнымъ серьезной оговорки, но, *во-первыхъ*, Сеніоръ [2] и Мальтусъ [3] настаивали на важности этихъ случаевъ исключенія и доказывали, что такъ обходиться съ ними, какъ обошелся Рикардо, нельзя. Съ одной стороны, Сеніоръ доказывалъ, что число предметовъ, цѣны которыхъ составляли исключенія въ теоріи Рикардо, вовсе не такъ ограниченно, какъ думалъ Рикардо. Съ другой стороны, Мальтусъ доказывалъ, что рядъ другихъ случаевъ, которые Рикардо считалъ исключеніями, имѣютъ такое громадное значеніе и встрѣчаются въ такомъ большомъ количествѣ, что изъ-за нихъ можно смѣло отвергнуть законъ Рикардо.

Во-вторыхъ, если-бъ Мальтусъ и Сеніоръ не были даже правы, если-бъ доказательства ихъ не могли служить доводами за ихъ мнѣнія, — то это все-таки не устранило бы тѣхъ препятствій къ принятію закона, которыя возникли по винѣ самого Рикардо. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе о законѣ такого рода, что оно по самому существу своему не допускаетъ никакихъ исключеній. Когда заходитъ рѣчь о вѣрности закона, тогда теряютъ свою

---

[1] Ib. 7, 22.

[2] *Senior*, 214—215.

[3] *Malthus*, 78—84 и *Glaser*, 127, 128.

важность вопросы о числѣ и качествѣ исключеній. Коль-скоро Рикардо самъ призналъ, что его законъ допускаетъ исключенія, онъ этимъ подорвалъ научныя основанія этого закона. Вотъ почему Маклеодъ ни слова не говоритъ о количествѣ и качествѣ исключеній изъ закона Рикардо. Для него совершенно достаточно одного только признанія Рикардо, что эти исключенія существуютъ, чтобъ осудить законъ [1].

Разбирая Рикардо, Маклеодъ говоритъ [2]: «единственный вѣрный путь для построенія философскаго закона, регулирующаго цѣну *или* цѣнность (sic), — обсудить всѣ причины, вліяющія на цѣнность (цѣну). Есть *извѣстный* рядъ причинъ, содѣйствующихъ возвышенію цѣнъ, и есть рядъ причинъ, способствующихъ пониженію цѣнъ. Цѣна измѣняется, слѣдовательно, въ прямомъ отношеніи къ причинамъ, стремящимся ее возвысить, и въ обратномъ отношеніи къ причинамъ, стремящимся ее понизить. Таковъ именно методъ, который мы приняли при построеніи формулы, выведенной нами».

Если мы теперь обратимся къ этой формулѣ, чтобы узнать, чѣмъ Маклеодъ замѣняетъ формулу Рикардо, то окажется, что «цѣна есть результатъ постоянной борьбы между покупщикомъ и продавцемъ» [3], что «человѣкъ всегда старается выручить изъ обмѣна по возможности больше, безъ малѣйшаго соотношенія съ издержками производства» [4], что «цѣна въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда совершается сдѣлка, опредѣляется относительными положеніями покупщика и продавца въ данную минуту» [5], что «цѣна возвышается соразмѣрно съ властью продавца и понижается соразмѣрно съ властью покупателя. Цѣны со-

[1] *Маклеодъ*, 112—113, 131—134, 133—135 и др.

[2] Ib. 134 (§ 39).

[3] Ib. 117.

[4] Ib. id. 123, 124.

[5] Ib. 102.

ставляютъ предметъ постояннаго состязанія между покупателемъ и продавцомъ; онѣ суть оружіе, которымъ снабжены обѣ стороны. Съ одной стороны, необходимость, въ которой поставлено лице, требующее услугу, съ другой — власть лица, нуждающагося въ услугѣ, дѣлать выборъ между большимъ и меньшимъ числомъ соискателей, готовыхъ оказать услугу: вотъ два элемента, которые при постоянномъ столкновеніи обозначаютъ цѣну *тою точкою, гдѣ они встрѣчаются, и уравновѣшиваютъ другъ друга.* Итакъ, законъ, опредѣляющій цѣну, можетъ быть выраженъ такимъ образомъ: цѣна измѣняется въ прямомъ отношеніи къ напряженности оказанной услуги и въ обратномъ отношеніи къ власти покупщика надъ продавцомъ»[1].

Вотъ настоящій законъ цѣнъ, или, какъ его иначе называютъ, начало спроса и предложенія. «*Единственно* отъ измѣненія отношенія между спросомъ и предложеніемъ зависитъ измѣненіе цѣнъ[2]. Издержки производства сами по себѣ не дѣйствуютъ на цѣнность, а только посредственно, именно, когда чрезъ нихъ измѣняется отношеніе между спросомъ и предложеніемъ»[3].

Такова теорія цѣнъ Маклеода. Обращаясь къ литературѣ нашей науки, мы ее находимъ уже выраженною въ этой-же рѣзкой формѣ у Мальтуса. «Во всѣхъ сдѣлкахъ покупки и продажи, говоритъ онъ, можно замѣтить принципъ, котораго дѣйствіе постоянно, который можетъ опредѣлять, и дѣйствительно опредѣляетъ, цѣну вещей, безъ всякаго соображенія съ издержками или суммою труда и капитала, въ которую обошлось производство предмета»[4]. Принципъ этотъ — начало спроса и предложенія, совершенно различное отъ начала издержекъ производ-

---

[1] Ib. 104—105.

[2] Ib. 117, 118, 130.

[3] Ib. 118, 128.

[4] *Malthus*, 64.

ства [1]. « Дѣйствіе его такъ обще, что нельзя найдти ни одного случая измѣненія цѣнъ, котораго нельзя было бы достаточнымъ образомъ объяснить чрезъ посредство измѣненія, произшедшаго въ соотношеніи между спросомъ и предложеніемъ [2]. Что касается до вліянія издержекъ производства на цѣну, то это вліяніе только посредственное [3].

Мы показали выше, какъ Рикардо былъ самъ виною того, что въ изложенный имъ законъ цѣнъ вкрались погрѣшности, которыя менѣе всего простительны въ общемъ началѣ, которымъ формулируется законъ. Понятно, почему въ позднѣйшей литературѣ мы не встрѣчаемъ ни одного писателя, который по вопросу о цѣнѣ могъ бы обойдтись безъ начала спроса и предложенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако уже Мальтусъ [4] и Сеніоръ [5] жалуются на неопредѣленность словъ, которыми выражается это начало. Гораздо больше еще неопредѣленности мы находимъ въ этомъ началѣ, когда хотимъ узнать, на какомъ *научномъ* основаніи его считаютъ закономъ цѣнъ.

Очевидно, что тѣ основанія, которыя приводятся Маклеодомъ, по меньшей мѣрѣ никуда негодны. Представлять всякій случай установленія цѣнъ борьбой, въ которой воюютъ другъ съ другомъ продавецъ и покупатель, и въ которой исходъ опредѣляется властью сильнѣйшаго, значитъ искажать природу обмѣна. Полагать, что при установленіи цѣнъ, интересы обмѣнивающихся противуположны, что покупатель бьется изъ-за пониженія цѣны, тогда-какъ продавецъ бьется изъ за ея повышенія, — что при этомъ цѣна устанавливается безъ всякаго соображенія съ тѣмъ, сколько кто работалъ, да еще къ тому увѣрять, что это дѣ-

[1] Ib. p. 65.
[2] Ib. 58, 63.
[3] Ib. 65, 68, 72.
[4] Ib. p. 57.
[5] *Senior*, 91.

лается по хозяйственному закону, значитъ говорить, что по хозяйственному закону люди при обмѣнѣ стараются о томъ, чтобъ воспользоваться чужимъ трудомъ, — а это значить извращать природу хозяйства.

Такимъ образомъ подъ начало спроса и предложенія подкладываются основанія, извращающія какъ природу обмѣна, такъ и природу хозяйства. Если-бъ подъ это начало нельзя было подложить другихъ основаній, то это было бы достаточнымъ доказательствомъ полнѣйшей его научной несостоятельности.

Но нельзя-ли въ самомъ дѣлѣ подложить другія основы? — Замѣтимъ при этомъ, что на-взглядъ Мальтуса это начало совершенно отлично отъ начала издержекъ производства. И это мнѣніе не исключительно Мальтуса: въ литературѣ оба начала признаются за различныя, — иначе какъ-же можно было бы объяснить, что въ хозяйственной наукѣ существуетъ вопросъ, какое изъ двухъ регулирующихъ цѣну началъ вѣрнѣе и что объ этомъ вопросѣ спорятъ?

Но коль-скоро эти начала различны и имѣютъ каждое свой смыслъ, то это значитъ, что подъ начало спроса и предложенія нельзя подложить никакихъ другихъ основаній, кромѣ тѣхъ, которыя мы разобрали. Вѣдь дѣло идетъ о началѣ, регулирующемъ обмѣнъ, который совершаютъ люди другъ съ другомъ продуктами труда. Если мѣра труда, — мѣра того, сколько каждый изъ нихъ работалъ, не имѣетъ никакого вліянія на обмѣнъ, — то уже одно отсутствіе этой мѣры, *чѣмъ бы оно ни замѣнялось*, достаточно для того, чтобы извратить природу обмѣна и всѣхъ хозяйственныхъ отношеній людей другъ съ другомъ.

До сихъ поръ мало обращали вниманія на сущность отрицанія закона Рикардо, отрицанія того, что количествомъ потраченаго на производство труда регулируется цѣна. Если покупательная сила иногда на фактѣ не пропорціональна производственной силѣ, то развѣ это можетъ опровергать законъ, но ко-

торому эта пропорціональность есть естественная необходимость? Вспомнимъ, что отрицаніе этого закона и возведеніе въ принципъ противоположнаго равносильно тому, какъ если-бъ мы сказали, что можно покупать, не трудясь, не работая, и что это можно дѣлать по хозяйственному закону. А согласно ли это съ природой хозяйства?

Если Рикардо самъ признавалъ исключенія изъ указаннаго имъ закона, то это не можетъ служить доказательствомъ, что этотъ законъ ложенъ: это можетъ только доказать, что Рикардо не вполнѣ понялъ его, что онъ открылъ только часть его и оставилъ еще своимъ послѣдователямъ пополнить пробѣлъ. Рикардо дѣйствительно былъ частью виновенъ въ томъ, что послѣдующіе писатели отнеслись недовѣрчиво къ его закону. Онъ говорилъ объ исключеніяхъ, которыхъ научный законъ не допускаетъ. Но на-столько же виноваты и послѣдующіе писатели: они не вѣрили ему, когда онъ настаивалъ на то, что указанный имъ законъ цѣнъ — всеобщій; на какомъ же основаніи они повѣрили ему, что законъ допускаетъ исключенія, что эти исключенія дѣйствительно существуютъ? Вѣдь одинаковую достовѣрность, по крайней мѣрѣ, имѣло, какъ предположеніе, что Рикардо видумалъ законъ, такъ и то, что онъ выдумалъ исключеніе.

Если-бъ та основная точка зрѣнія, о которой мы говорили выше, была дѣйствительно исходнымъ пунктомъ научно-экономическихъ изслѣдованій, если-бъ на самомъ дѣлѣ каждый политико-экономъ всегда помнилъ, что въ человѣкѣ — и начало и конецъ всего; то не мыслимо было бы то отношеніе къ закону цѣнъ Рикардо, которое мы встрѣчаемъ въ литературѣ. Тогда бы не было дилеммы: или законъ цѣнъ Рикардо, или начало спроса и предложенія. *Оба начала означали бы одно и то-же.*

Но до тѣхъ поръ, пока настаивали на томъ, что оба начала различны, что каждое изъ нихъ имѣетъ свой смыслъ, не было научнаго основанія признать начало спроса и предложенія дѣйстви-

тельно регулирующимъ цѣну принципомъ; на-оборотъ — были всѣ основанія, какъ мы видѣли, признать противуположное. Отсюда понятно, почему и сами политико-экономы должны были признать недостаточность этого начала, какъ-скоро они пожелали добиться его серьезнаго смысла.

Дж. С. Милль, приступая къ анализу спроса и предложенія, указываетъ на логическія несообразности, происходящія вслѣдствіе того, что подъ *спросомъ* разумѣютъ потребность, а подъ *предложеніемъ* количество. Подъ спросомъ слѣдуетъ разумѣть только спрашиваемое количество, но спрашиваемое количество само зависитъ отъ цѣны. Такимъ образомъ сначала говорятъ, что цѣна зависитъ отъ соотношенія между спрашиваемымъ и предлагаемымъ количествами, — а потомъ выходитъ, что спрашиваемое количество зависитъ отъ цѣны; какъ же выпутаться изъ этого противурѣчія? [1].

Чтобъ выпутаться изъ противурѣчія, Милль напоминаетъ доказанный статистикой цѣнъ фактъ, что цѣна вовсе не опредѣляется *пропорціей*, которою выражается спросъ и предложеніе [2]. Если, напр., спросъ возвышается въ два раза, то цѣна вовсе не должна непремѣнно возвыситься тоже ровно вдвое: она возвышается и болѣе; это доказали факты. Поэтому Милль говоритъ, что математическое выраженіе соотношенія между спросомъ и предложеніемъ будетъ равенство, уравненіе. Отъ возвышенія спроса и цѣна будетъ возвышаться, но до какого пункта?

Очевидно, что отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ научная судьба разбираемаго нами начала. Законъ цѣнъ долженъ опредѣлять величину цѣны, отчего послѣдняя такая, а не иная. Изъ него должно быть видно, при какихъ условіяхъ цѣна измѣняется въ своей величинѣ. Словомъ, опредѣленіе *величины* цѣны — вотъ сущность закона цѣнъ.

[1] *J.-St.-Mill*, 316.

[2] *Jooke* et *Neumarch*, I, 4—5.

На какомъ-же пунктѣ остановится возвышеніе цѣны? По мнѣнію Милля, искомый пунктъ будетъ тамъ, *гдѣ спросъ уравняетъ предложеніе*[1].

Можно ли считать это отвѣтомъ на заданный вопросъ? Очевидно нѣтъ, потому, что весь вопросъ именно въ томъ и состоялъ, чтобъ узнать — на какомъ пунктѣ спросъ уравниваетъ предложеніе. Въ самомъ дѣлѣ, всякій случай обмѣна есть вмѣстѣ случай уравненія спроса предложеніемъ. Одно обмѣнивающее лицо спрашиваетъ, другое предлагаетъ, — когда обмѣнъ совершился, значитъ произошло уравненіе предложеннаго и спрошеннаго. Но вѣдь вопросъ въ томъ именно и состоитъ, чтобъ знать — *на какомъ началѣ происходитъ это уравненіе*[2]. Какъ-скоро это начало не указывается, то не указывается мѣновой законъ, значитъ не указывается законъ цѣнъ.

Недостаточность начала спроса и предложенія въ томъ видѣ, въ какомъ оно обыкновенно выдается за законъ цѣнъ, отлично понималъ Росси. Когда на вопросъ, въ чемъ заключается законъ цѣнъ, отвѣчаютъ началомъ спроса и предложенія, то этимъ, — на его взглядъ, — только закрываются всѣ трудности вѣрнаго рѣшенія вопроса[3]. Объясненіе цѣнъ посредствомъ уравненія спрашиваемыхъ и предлагаемыхъ количествъ можетъ быть достаточно для купца, для обиходныхъ требованій практики, но не для науки[4]. Наука должна добиваться лучшаго, болѣе въ глубь проникающаго, объясненія, и Росси думаетъ, что въ началѣ спроса и предложенія заключается *зародышъ* этого объясненія[5].

[1] *J.-St.-Mill*, 317.

[2] Si la quantité à donner d'un produit quelconque en échange d'une certaine quantité d'un autre produit dépend de la proportion entre l'offre et la demande, il est evidemment necessaire d'où depend cette proportion? *James Mill.* Elem. d'écon politique, p. 89.

[3] *Rossi*, I. 88.

[4] Ib. 80, 88—89.

[5] Ib. 76—77, 96.

Въ самомъ дѣлѣ, когда практика останавливается на предлагаемыхъ и спрашиваемыхъ *количествахъ*, то это понятно. Практика видитъ въ этихъ *количествахъ* основу своего благосостоянія. Точно такъ-же когда купецъ довольствуется объясненіемъ, по которому цѣна зависитъ отъ количествъ, которыя имѣются на рынкѣ, это тоже понятно: рынокъ для него послѣдняя инстанція, далѣе которой онъ не проникаетъ.

Извѣстно однако, что даже купцу, если онъ хочетъ вести свое дѣло хорошо, не слѣдуетъ останавливаться на рынкѣ, а проникать далѣе къ тѣмъ *производственнымъ* фактамъ, которыхъ *послѣдствія* мы собственно и замѣчаемъ на рынкѣ. Тѣмъ болѣе, значитъ, основаній требовать этого отъ науки.

Выражаясь словами Росси, это означаетъ, что для открытія закона цѣнъ наука должна восходить отъ внѣшнихъ фактовъ къ фактамъ внутреннимъ, отъ вещей къ человѣку [1]. Если мы, *сообразно съ этимъ*, захотимъ себѣ составить понятія о спросѣ и предложеніи, то первое будетъ выражать количество труда, которымъ готовы пожертвовать пришедшіе покупать, — второе будетъ означать количество труда, которымъ уже пожертвовали для производства продающіе [2]. Отсюда равенство между спросомъ и предложеніемъ, уравненіе одного другимъ, будетъ выражать равенство обоихъ количествъ труда. Законъ цѣнъ будетъ требовать, чтобы обмѣнивались продукты равныхъ количествъ труда. Начало спроса и предложенія, въ такомъ смыслѣ понятое, будетъ, какъ говоритъ Росси [3], только переводомъ принципа издержекъ производства [4].

Главный недостатокъ начала спроса и предложенія, понятаго какъ начало, *отличное* отъ начала Рикардо, заключается въ

---

[1] Ib. 85—86.

[2] Ib. 89—90. *Glaser*, 136, даже *Malthus*, 74. *Mac-Culloch*. I, 359.

[3] *Rossi*. I, 96.

[4] *James Mill*, Elemens d'économie politique, p. 89—94.

томъ, что оно соединяетъ и отожествляетъ всевозможные случаи цѣнъ, какъ нормальные, такъ и патологическіе. Все происходитъ отъ уравненія спроса предложеніемъ, или на-оборотъ. *Начало это не даетъ никакого признака, по которому можно было бы отличать цѣну съ убыткомъ отъ цѣны безъ послѣдняго*, то есть нормальную цѣну отъ патологической. Потому что даваемый обыкновенно отвѣтъ, что нарушилось равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, лишенъ опредѣленности. Въ самомъ дѣлѣ, по какимъ признакамъ узнать — существуетъ ли это равновѣсіе или нѣтъ? Если потому, что предложеніе *уравнивается* спросомъ, то это уравненіе имѣетъ мѣсто при всякой цѣнѣ: патологической и нормальной. Значитъ, нуженъ другой признакъ, но на него приверженцы начала спроса и предложенія не указываютъ.

И они не укажутъ его до тѣхъ поръ, пока не признаютъ тождественности обоихъ законовъ цѣнъ, что оба начала выражаютъ одно и то-же, только съ тѣмъ различіемъ, что формулированное такъ, какъ это сдѣлалъ Рикардо, оно прямо высказываетъ сущность дѣла — тогда такъ если его формулировать, какъ обыкновенно формулируютъ начало спроса и предложенія, оно еще требуетъ дальнѣйшаго анализа. Когда эта тожественность признана, тогда уже не трудно указать на признакъ, по которому можно узнать, что нарушилось равновѣсіе, а потому будетъ убытокъ. Признакъ этотъ — въ равноцѣнности продуктовъ неравныхъ количествъ труда.

До сихъ поръ мы употребляли выраженіе «издержки производства», въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребляетъ Рикардо; то есть мы подъ нимъ разумѣли *количество труда*, затраченное на производство. Но съ Адама Смита это выраженіе имѣетъ и другой смыслъ: оно означаетъ сумму издержекъ, которыя долженъ дѣлать капиталистъ для того, чтобы появилась вещь [1].

[1] J.-*St.*-*Mill*, 327, 346.

На взглядъ Смита, эта сумма совершенно отлична отъ количества труда, которое затрачено на производство вещи. Только въ первобытныя времена человѣчества, когда еще не накоплены были капиталы и земля не составляла еще частной собственности отдѣльныхъ лицъ, — количество *потраченнаго* труда есть начало регулирующее обмѣнъ[1]. Замѣтимъ при этомъ, что то-же самое признаетъ и Маклеодъ[2].

Но когда накоплены капиталы и земля стала частною собственностью отдѣльныхъ лицъ, означенное начало перестаетъ дѣйствовать; вступаетъ въ силу новый законъ цѣнъ. Сущность этого закона заключается въ томъ, что цѣна регулируется не количествомъ труда, *которое потрачено* на производство вещи, а количествомъ труда, *на которое можно обмѣнять* вещь[3].

Разсмотрѣніе этого ученія Смита необходимо по двумъ причинамъ: *во-первыхъ* нельзя упустить изъ виду отрицательной, критической, части, которую содержитъ въ себѣ это ученіе, а потому важно разсмотрѣніе тѣхъ общихъ началъ, которыя Смитъ кладетъ въ основаніе своей критики; *во-вторыхъ*, если указанный нами законъ цѣнъ вѣренъ, если приведенныя въ его подтвержденіе доказательства имѣютъ научную силу, подкрѣпленную еще болѣе только-что разсмотрѣннымъ содержаніемъ начала спроса и предложенія — то тѣ два частныхъ факта, на которые указываетъ Смитъ, слѣдуетъ считать непосредственными (теоретическими) причинами нарушенія указаннаго закона, то есть они будутъ выражать тѣ частныя явленія, въ которыхъ проявляется указанная выше основная причина колебанія цѣнъ. Но въ такомъ случаѣ требуетъ провѣрочнаго изслѣдованія еще и самое положеніе Смита о послѣдствіяхъ, которыя имѣютъ эти факы.

Свой взглядъ на обмѣнъ и на сущность цѣны Смитъ выска-

[1] *Smith*, I, 148.

[2] *Маклеодъ*, 21, 22.

[3] *Smith*, I, 123—124.

зываетъ въ слѣдующихъ словахъ: «дѣйствительная цѣна вещи, — то, во что она на самомъ дѣлѣ обходится желающему ее пріобрѣсти, — заключается въ суммѣ труда и усилій, которую онъ долженъ затратить для ея пріобрѣтенія. Трудъ есть первоначальная цѣна, которою все оплачивается. Не деньгами и товарами мы покупаемъ, а трудомъ, который заключается въ этихъ товарахъ. Эти товары мы обмѣниваемъ на то, что предполагаемъ заключающимъ въ себѣ такое-же количество труда [1].

Здѣсь мы видимъ, что Смитъ еще придерживается той основной точки зрѣнія, по которой ни одна частица труда не должна пропадать даромъ, и она вся должна воплотиться въ вещахъ. Потому все количество труда, которое человѣкъ растратилъ на производство вещи, отданной въ обмѣнъ, должно быть ему возвращено. Отсюда мы и выводимъ пропорціональность покупательной и производственной силъ и равноцѣнность продуктовъ равныхъ количествъ труда.

Смитъ однако этого вывода не дѣлаетъ. По его мнѣнію, человѣку на-столько цѣнна вещь, сколько труда и усилій онъ долженъ затратить для ея пріобрѣтенія. Но Смитъ не говоритъ о томъ, *какія* это усилія будутъ затрачены, *свои или чужія*. *Поэтому* онъ дѣлаетъ другой выводъ: цѣна вещи вся опредѣляется количествомъ труда, на которое ее можно обмѣнять.

Вотъ его основанія: «богатство, по словамъ Гоббса, есть сила, говоритъ онъ [2], но тотъ, кто пріобрѣтаетъ большое богатство, или кто его получаетъ чрезъ наслѣдство, не пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ нимъ необходимо еще и силу политическую, или гражданскую, или военную. Можетъ быть, богатство даетъ ему возможность пріобрѣсти какую-нибудь изъ этихъ силъ, но одно только простое обладаніе богатствомъ не передаетъ непосредственно и эти силы. Тотъ родъ силы, которую передаетъ владѣніе не-

[1] Ib. 123.

[2] Ib. 124.

посредственно и прямо, есть *возможность покупать*; *это право распоряжаться* всѣмъ *трудомъ другаго человѣка* или продуктами этого труда, имѣющимися на рынкѣ. Его богатство прямо пропорціонально размѣру этой силы, *оно пропорціонально количеству чужаго труда*, которымъ онъ можетъ распоряжаться, или, *что все равно*, количествомъ продукта чужаго труда, который онъ можетъ купить».

Отсюда видно, почему Смитъ не дѣлаетъ того вывода, который мы сдѣлали. Для насъ основаніе хозяйства каждаго отдѣльнаго лица заключалось въ количествѣ труда, которымъ его надѣлила природа. Принявъ это количество за данное, мы благосостояніе хозяйства соединяемъ причинною связью съ успѣшностью этого труда. Чѣмъ выше эта успѣшность, тѣмъ больше и благосостояніе.

Но успѣшность труда обусловливается степенью развитія хозяйственнаго сознанія. На низкой степени развитія эта успѣшность мала, и коль-скоро, чрезъ это, количество труда, которымъ надѣлила человѣка природа, недостаточно для производства всего ему необходимаго, — коль-скоро, значитъ, качество этого труда не дозволяетъ ему устроить свое хозяйство сообразно съ потребностями, онъ будетъ стараться замѣнить качество количествомъ. Вмѣсто того, чтобъ заботиться объ увеличеніи *успѣшности* даннаго количества труда, которымъ надѣлила его природа, онъ будетъ заботиться объ увеличеніи этого *количества*. Основу благосостоянія составитъ не качество, не успѣшность труда, — а такъ-какъ количество труда, которымъ человѣкъ надѣленъ отъ природы, есть данное, то онъ будетъ считать свое благосостояніе имѣющимъ тѣмъ болѣе твердую опору, чѣмъ большимъ количествомъ чужаго труда онъ въ состояніи будетъ распоряжаться. А развитіе хозяйственнаго сознанія идетъ объ руку съ развитіемъ нравственнаго сознанія и обусловливаетъ послѣднее, какъ мы это уже не разъ показывали. Значитъ, вслѣд-

ствіе неуспѣшности труда возможно, чтобъ человѣкъ ставилъ своего ближняго на-равнѣ съ продуктомъ труда этого ближняго.

Съ точки зрѣнія такого періода хозяйства и можетъ Смитъ говорить, что основаніе благосостоянія — въ количествѣ чужаго труда, которымъ человѣкъ располагаетъ,[1] или, *что все равно*, количествомъ продуктовъ, которое этотъ трудъ производитъ.

Такимъ образомъ въ томъ, что Смитъ говоритъ, можно признать истину, коль-скоро мы смотримъ съ исторической точки зрѣнія. Но коль-скоро заходитъ рѣчь объ основаніи хозяйства вообще и вытекающихъ отсюда хозяйственныхъ *законахъ*, то историческая точка зрѣнія неумѣстна. Въ такомъ случаѣ рѣчь идетъ о томъ, что обусловливается *природой* хозяйства, во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ одинаковой, а не исторіей его, говорящей намъ о преходящемъ и временномъ въ хозяйствѣ. Исторія намъ можетъ говорить про періоды, когда человѣкъ и вещь тождественны, — а природа хозяйства говоритъ объ этомъ, какъ о подрывающемъ хозяйство фактѣ. Брать одинъ какой-нибудь хозяйственный историческій фактъ для вывода хозяйственнаго закона, все равно, что возводить его въ принципъ. А это все

[1] Мы здѣсь видимъ только частное примѣненіе къ отдѣльному случаю того общаго взгляда на Смита, который высказанъ, хотя и безъ историческаго мотивированія, Лотцомъ «Smith betrachtet den Menschen bei weitem mehr, wie dieser im und durch den Verkehr sich die Guter Anderer anzueignen sucht. Er sieht mehr darauf, wie der Mensch sich durch Gütererwerb und Besitz ein Uebergewicht über Andere verschaffen mag, als auf das ursprüngliche und nächste Verhältniss desselben zur Guterwelt. Er sucht die Bedingungen des Reichthums und der Armuth des Menschen bei weiten weniger in der Fahigkeit des Menschen, seine Gutermasse fur seinen eigenen Zweck als Mittel zu gebrauchen, und zu verwenden, als in der Fähigkeit, sich die Nothwendigkeiten, Bequemlichkeiten und Vergnügungen des Lebens durch die Arbeit anderer zu verschaffen». Handb. der St.-W.-L. Bd. I. S. 133.

равно, что отрицать возможность историческаго развитія хозяйства, отрицать разумность хозяйства.

Если-бъ въ самомъ дѣлѣ было вѣрно то, что Смитъ говоритъ о количествѣ *чужаго* труда, какъ основѣ благосостоянія, то это всего болѣе подрывало бы основанія *частнаго* хозяйства. Частное хозяйство именно потому можетъ существовать, что возможно, чтобъ человѣкъ находилъ основу своего благосостоянія въ *своей собственной* дѣятельности. Коль-скоро послѣднее невозможно, подрывается главная основа частнаго хозяйства. До сихъ поръ однако никто еще не представилъ ничего похожаго даже на тѣнь доказательства невозможности этого.

Если таково главное основаніе смитовскаго закона, то это уже порождаетъ сильное сомнѣніе въ полной его состоятельности. Главный доводъ однако, которымъ Смитъ доказываетъ, что количество труда, потраченное на производство вещи, не есть начало регулирующее цѣну, заключается въ томъ, что этого не допускаетъ накопленіе капиталовъ и усвоеніе земли.

Намъ нужно изслѣдовать—всегда-ли эти факты имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что мѣновое правило, которымъ люди руководствуются въ первобытныя времена, перестаетъ дѣйствовать и замѣняется новымъ, или же не всегда; есть ли это послѣдствіе такого рода, которое обусловливается самою природою этихъ фактовъ, или же нѣтъ.

Въ первобытныя времена, когда еще означенное правило дѣйствуетъ, *весь продуктъ труда*, говоритъ Смитъ, *принадлежитъ работнику*[1]. Въ пониманіи этого мѣста могло бы возникнуть сомнѣніе на-счетъ того, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слово «работникъ». Если въ современномъ смыслѣ, то есть въ смыслѣ человѣка, принадлежащаго къ извѣстному хозяйственному классу, то, очевидно, Смитъ дѣлаетъ анахронизмъ, перенося фактъ изъ одного періода исторіи хозяйственнаго быта въ дру-

[1] Ib. 148.

гой. Этотъ анахронизмъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что только послѣ этого Смитъ излагаетъ тѣ *новыя* историческія условія, вслѣдствіе которыхъ возникаютъ новыя и важныя перемѣны въ хозяйствѣ. Впрочемъ, не искажая мысли Смита, можно слово работникъ понимать, какъ выражающее вообще понятіе о трудящемся человѣкѣ: потому что вѣдь другихъ хозяйственныхъ классовъ не было.

«Но, — продолжаетъ Смитъ, — тотъ-часъ послѣ того, какъ накоплены капиталы въ рукахъ нѣсколькихъ, нѣкоторые изъ послѣднихъ, естественно, употребятъ свои капиталы на то, чтобъ дать работу людямъ трудящимся, которыхъ они снабдятъ инструментами и продовольствіемъ. Это они сдѣлаютъ съ тою цѣлью, чтобъ получить прибыль на продажѣ продуктовъ *или* на томъ, что трудъ работниковъ прибавилъ къ цѣнѣ матеріаловъ. Такимъ образомъ, цѣна *того, что работники прибавили къ матеріаламъ*, разбивается на двѣ части: одна идетъ въ уплату рабочимъ, другая идетъ на прибыль предпринимателя» [1].

Такимъ образомъ Смитъ объясняетъ происхожденіе и сущность прибыли. Мы пропускаемъ здѣсь часто приводимое мѣсто о происхожденіи ренты, о которой ниже придется еще говорить довольно.

«При такомъ положеніи дѣлъ, — говоритъ Смитъ послѣ того, какъ имъ разъяснено было происхожденіе и сущность прибыли, — продуктъ не принадлежитъ уже *весь* работнику. Послѣдній долженъ подѣлиться этимъ продуктомъ съ собственникомъ капитала, по заказу котораго онъ работалъ. Тогда количество труда, затраченное на производство предмета, недостаточно уже для регулированія количества труда, на которое можно будетъ обмѣнять вещь, которое можно будетъ купить на эту вещь. Очевидно, что необходимо будетъ еще добавочное количество труда, кото-

[1] Ib. 149.

рое должно служить вознагражденіемъ капиталисту за его предварительныя затраты» [1].

Принявъ это за очевидное на самомъ дѣлѣ, трудно однако понять, какое вліяніе указываемое Смитомъ обстоятельство можетъ имѣть *на обмѣнъ, который совершаютъ люди продуктами труда*. Изъ того, что мы скажемъ ниже, видно будетъ, почему именно такъ думаетъ Смитъ; теперь покажемъ, что такого вліянія на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ.

Предположимъ двухъ капиталистовъ, которые оба дѣлаютъ предварительныя затраты, то есть нанимаютъ работниковъ. То, что работники прибавляютъ къ цѣнѣ матеріаловъ, разобьется на двѣ части, какъ это указываетъ Смитъ. Это значитъ, что платою работникамъ будетъ служить часть произведеннаго ими. Положимъ, что эта часть составляетъ $^1/_3$.

За-тѣмъ предположимъ, что на производство одной единицы полезности, одинъ капиталистъ затрачиваетъ 15 дней, изъ которыхъ 10 прибавлены работниками; а другой 30 д., изъ которыхъ 20 прибавлены работниками.

По мѣновому закону, который мы изложили выше, двѣ единицы первой полезности должны быть равноцѣнны одной единицѣ второй, — по той причинѣ, что онѣ произведены одинаковыми количествами труда. Если-бъ то обстоятельство, что капиталистъ долженъ получить свою прибыль, могло имѣть вліяніе на мѣновой законъ, какъ это утверждаетъ Смитъ, то двѣ единицы первой полезности не были бы равноцѣнны одной единицѣ второй. А между тѣмъ безъ послѣдняго не возможно, чтобъ капиталистъ получилъ свою прибыль.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что не *двѣ* единицы одной полезности равноцѣнны одной единицѣ другой, а только $1^1/_2$. Капиталистъ, производящій вторую полезность, по нашему предположенію, дѣлаетъ затрату въ 10 дн. капитала и 20 дн. работ-

[1] I 15 0—151.

никовъ, которыхъ онъ нанялъ. Продуктъ этихъ 20 дней разобьется, на части и $^1/_3$ пойдетъ на уплату работникамъ, а $^2/_3$ составятъ его прибыль. Это значитъ, что прибыль его составитъ продуктъ отъ $13^1/_3$ дн. Коль-скоро онъ за единицу своей полезности получитъ только $1^1/_2$ ед. первой полезности, то, значитъ, за продуктъ 30 дн. онъ получитъ продуктъ 20 дн. Изъ нихъ 10 дн. отойдутъ какъ погашеніе затраченнаго капитала, а изъ остающагося продукта 10 дн. $^2/_3$ составятъ его прибыль. То есть прибыль его, вмѣсто $13^1/_3$ дн., составитъ $6^2/_3$ дня. Если же онъ получитъ изъ обмѣна продуктъ 30 дн., то, отчисливши 10 дн. на погашеніе, у него останется еще 20 дн., изъ которыхъ $^2/_3$, то есть $13^1/_3$, составитъ его прибыль.

Отсюда видно, что *только при соблюденіи правила о равноцѣнности продуктовъ одинаковыхъ количествъ труда, капиталистъ можетъ получить свою прибыль.* Коль-скоро это правило нарушается, прибыль одного изъ обмѣнивавшихся капиталистовъ уменьшается. «Прибыль должна получаться, говоритъ Смитъ, ибо иначе не было бы выгоднѣе затрачивать большій капиталъ, нежели меньшій» [1]. Но эта выгода мыслима только при соблюденіи означеннаго правила. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашемъ примѣрѣ, въ случаѣ нарушенія правила, одинъ капиталъ приноситъ въ два раза больше прибыли, нежели другой, если мы прибыль выразимъ въ процентахъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ нѣтъ выгоды затрачивать большій капиталъ, предпочительно предъ меньшимъ.

Сказанное доказываетъ, что Смитъ не былъ правъ, когда онъ изъ того, что продуктъ разбивается на рабочую плату и прибыль, выводилъ, что мѣновое правило мѣняется. Отсюда естественно можетъ возникнуть сомнѣніе въ томъ, измѣняется ли мѣновое правило оттого, что продуктъ разбивается на рабочую плату, прибыль и ренту.

[1] Ib. 149.

И это сомнѣніе понятно еще по другой причинѣ. Законы хозяйственные, уже потому, что они законы, не могутъ мѣняться. Они во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ одни и тѣ-же, потому что они обусловливаются природой, сущностью хозяйства, а природа, сущность хозяйства — одна и та-же вездѣ и всегда. Никакой хозяйственный законъ не мѣняется, мѣняются только отношенія людей къ этому закону. Отсюда происходятъ различныя практическія послѣдствія, которыя всегда и вездѣ имѣютъ главной основой человѣка, а не внѣшнія объективныя причины.

Мы видѣли, что посредствомъ обмѣна *распредѣляется* то, что произведено соединенною дѣятельностью. Значитъ, *мѣновое начало есть то начало, которое выражаетъ законъ распредѣленія.* «Чтобы каждый могъ сказать, что онъ живетъ, благодаря своей дѣятельности» — вотъ основное условіе при распредѣленіи [1], — условіе, безъ котораго немыслимо хозяйственное благосостояніе.

Но это благосостояніе только по-малу развивается, потому что только постепенно людямъ становятся извѣстными естественныя условія хозяйственнаго благосостоянія. Вслѣдствіе постепенности въ познаваніи этихъ законовъ, которая обусловливается постепенностію умственнаго развитія, и основной мѣновой законъ, или законъ распредѣленія, осуществляется только постепенно. Значитъ, въ каждый данный періодъ этотъ законъ осуществляется не вполнѣ.

Чѣмъ менѣе человѣкъ умственно развитъ, тѣмъ менѣе сознательна его дѣятельность, тѣмъ менѣе она успѣшна. Значитъ, тѣмъ больше власти надъ нимъ имѣетъ природа. Все равно, сказать ли, что природа имѣетъ много власти надъ человѣкомъ, или что его производственная сила мало успѣшна. Но малая успѣшность производственной силы означаетъ, что данное ея ко-

[1] *Mannequin*, T. I, pp. 116, 117, 263, 264 и др. T. II, pp. 97, 98 и др.; *Lotz*, Handb. B. I, S. 450.

личество даетъ меньшій результатъ противъ того, который она даетъ при большей успѣшности. Если въ послѣднемъ случаѣ она даетъ вдвое больше, нежели въ первомъ, то значитъ половина всей суммы въ первомъ случаѣ затрачена понапрасну: она не дала никакого результата. Мы ее можемъ назвать налогомъ, который человѣкъ долженъ платить природѣ, когда онъ вслѣдствіе малаго умственнаго развитія находится подъ ея властью.

Такимъ образомъ, когда человѣкъ находится подъ властью природы, то онъ ей платитъ налогъ тѣмъ, что для него дороже всего: производственною силой. Поэтому въ каждый данный періодъ исторіи хозяйства у отдѣльнаго человѣка являются двѣ заботы: одна заключается въ томъ, чтобъ соразмѣрно степени умственнаго развитія содѣйствовать общему благу, то есть стараться объ увеличеніи успѣшности производственной силы, сущность которой въ кооперація или совокупной дѣятельности; другая заключается въ томъ, чтобъ по мѣрѣ возможности стараться непосредственно уменьшить тяжесть отъ той части налога природѣ, которая приходится на его долю, перемѣстивъ ее на своего ближняго. Отъ послѣдняго происходятъ тѣ общественные недуги, которыми характеризуется каждый историческій періодъ и безъ которыхъ онъ немыслимъ, представляя только одинъ шагъ въ хозяйственномъ движеніи.

Говорятъ, что хозяйственною обстановкою человѣка обусловливается нравственность его, его политическое и юридическое положеніе; иными словами — здѣсь выражается, что успѣшностью силъ человѣка обусловливается нравственность, юридическое и политическое положеніе его. При неуспѣшности этой силы, сколько приходится отдѣльному лицу платить природѣ налога, съ внѣшней стороны, выражается въ нравственности, политическихъ и юридическихъ правахъ этого человѣка; съ внутренней же стороны — это вопросъ о жизни и смерти для него. Здѣсь мы находимся у хозяйственнаго корня той связи, которая соединяетъ

вопросъ о жизни и смерти отдѣльнаго человѣка съ вопросомъ о его нравственности и положеніи въ обществѣ, его юридическихъ и политическихъ правахъ. Послѣ этого становится понятна та точка зрѣнія, на которую долженъ становиться наблюдающій стремленіе отдѣльнаго человѣка освободиться отъ падающей на него доли налога, перемѣстивъ ее на ближняго. Это стремленіе есть стремленіе жить, и выражается оно въ разнообразнѣйшихъ формахъ: то отдѣльный человѣкъ старается возвысить свое умственное развитіе, чтобъ чрезъ то возвысить успѣшность своей силы, — то онъ старается о нравственности своей личности, чтобы такимъ образомъ устранить послѣдствія неуспѣшности силы, — то онъ заботится о своемъ общественномъ положеніи, о своихъ политическихъ и юридическихъ правахъ.

Все это выражается въ томъ, какъ люди совершаютъ обмѣнъ другъ съ другомъ, потому что правильность обмѣна находится въ связи съ успѣшностью силы человѣка; внѣшнимъ образомъ успѣшность силы проявляется въ правильности обмѣна. А обмѣнъ только другимъ словомъ выражаетъ распредѣленіе всего произведеннаго. Вотъ почему стремленіе освободиться отъ налога природѣ и перемѣстить его на ближняго должно выражаться въ той формѣ распредѣленія произведеннаго совокупною дѣятельностью, которою характеризуется историческій періодъ. Въ распредѣленіи выражается, какимъ образомъ общественныя тягости и общественное благосостояніе разбиваются на части, доли, для каждаго лица въ обществѣ.

Распредѣленіе находится въ зависимости отъ успѣшности соединенной дѣятельности; чѣмъ эта соединенная дѣятельность будетъ успѣшнѣе, тѣмъ меньше придется платить природѣ налоговъ. Уже отъ этого будетъ меньше и доля налога, приходящаяся на каждое отдѣльное лице. Но увеличеніе успѣшности *совокупной* дѣятельности означаетъ вмѣстѣ и увеличеніе успѣшности дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка. Меньше вообще

тягостей, — меньше тягостей на отдѣльное лице, *меньше и нужды въ перемѣщеніи тягостей.* — Но необходимость перемѣщенія тягостей влечетъ то, что отдѣльный человѣкъ старается при обмѣнѣ выиграть то, что онъ потерялъ при производствѣ; значитъ, посредствомъ неравномѣрнаго распредѣленія того, что произведено совокупною дѣятельностью, отдѣльный человѣкъ уходитъ отъ своей доли налога.

Равномѣрное распредѣленіе означаетъ, что каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ то, что онъ выработалъ своею дѣятельностью. Но когда совокупная дѣятельность мало успѣшна, то, какъ мы это только-что видѣли, отдѣльный человѣкъ старается изъ результата совокупной дѣятельности получить возможно бо́льшую часть, хотя бы непропорціональную затраченной имъ производственной силѣ. Потому что чрезъ то онъ освобождается отъ налога природѣ; а это послѣднее есть вопросъ о жизни и смерти: вѣдь налогъ платится производственною силой, то есть по́томъ и кровью человѣка; платить налогъ значитъ — не удовлетворять своимъ потребностямъ и умирать. Не платить налога — удовлетворить хоть какъ-нибудь потребностямъ, хоть какъ-нибудь жить.

Вотъ чѣмъ подгоняется человѣкъ, когда онъ стремится перемѣстить свою долю налога. Отсюда понятно, что чѣмъ успѣшнѣе будетъ производственная сила, тѣмъ меньше будетъ нужды въ перемѣщеніи налога, тѣмъ равномѣрнѣе будетъ распредѣленіе произведеннаго. Вѣдь, если увеличилась успѣшность дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, то онъ меньше нуждается въ чужой дѣятельности и больше можетъ полагаться на себя.

Чѣмъ успѣшнѣе дѣятельность, тѣмъ больше производится; а такъ-какъ равномѣрность прямо пропорціональна успѣшности, то значитъ, чѣмъ больше производится, тѣмъ равномѣрнѣе распредѣляется произведенное.

Но успѣшность зависитъ отъ развитія хозяйствующаго разума,

значитъ, чѣмъ развитѣе этотъ разумъ, тѣмъ равномѣрнѣе распредѣленіе.

А развитіемъ разума обусловливается весь строй хозяйственный: значитъ, распредѣленіе обусловливается всѣмъ строемъ хозяйственнымъ.

Во всякое данное время человѣкъ, сообразно съ суммою развитаго разума, которою онъ располагаетъ, устраиваетъ свою дѣятельность. Всегда онъ изъ этой дѣятельности, изъ этого разума старается извлечь наибольшую пользу. Сообразно съ тѣмъ также, что ему разумъ говоритъ о наилучшемъ строѣ хозяйственномъ, о наибольшей пользѣ, отсюда вытекающей, складывается и все его хозяйственное зданіе. Не можетъ быть, чтобъ человѣкъ устроилъ свое хозяйство хуже, нежели сколько допускаетъ его хозяйственное сознаніе. Первое всегда зависитъ отъ послѣдняго. Человѣку всегда хочется хорошо жить, и онъ, дѣйствительно, всегда живетъ такъ хорошо, какъ это допускаютъ его средства, его знаніе, развитіе. Строй же хозяйственный. это — форма, которую принимаетъ распредѣленіе богатствъ. И если въ каждое данное время существуетъ хозяйственный строй самый полезный по средствамъ, развитію и т. п., то, значитъ, и распредѣленіе въ каждое данное время есть лучшее изъ всѣхъ, *которыя возможны и полезны въ это время.*

Отсюда вытекаетъ не только естественность, но и разумность каждаго отдѣльнаго періода развитія хозяйства. Правда, она количественно мѣняется; ея измѣненіе влечетъ за собою перемѣну въ успѣшности и распредѣленіи; въ каждый послѣдующій періодъ исторіи развитія хозяйства, она больше, нежели въ предъидущій, — но она *всегда* существуетъ. Безъ разумности, сознанія, нѣтъ хозяйства. На хозяйствѣ всегда лежитъ печать разумности: вѣдь оно сфера *человѣческой* дѣятельности.

Въ другихъ разныхъ сферахъ можно видѣть одну только естественность, закономѣрность, и отрицать разумность; въ сферахъ

въ которыхъ обращается человѣкъ, этого нельзя дѣлать. Оттого этого нельзя дѣлать и въ хозяйственной сферѣ. Хозяйство съ того и начинается, что появляется разумъ въ стремленіи человѣка удовлетворить потребностямъ. Значитъ, нѣтъ основанія отрицать разумность хозяйственныхъ періодовъ.

Но эта разумность проявляется въ познаніи естественныхъ законовъ и въ стремленіи употребить это знаніе на пользу. Разумность въ хозяйствѣ является намъ, какъ хозяйственность, и эта послѣдняя выражаетъ знаніе естественныхъ законовъ хозяйства и стремленіе привести въ сообразіе съ ними хозяйственную дѣятельность.

Эти хозяйственные законы постоянны; измѣняются не они, а хозяйственность человѣка. Но какъ-бы она ни измѣнялась, она всегда существуетъ. Значитъ, всегда, если не вполнѣ, то частью, осуществляются эти законы хозяйства. Потому что чѣмъ меньше осуществляются эти законы, тѣмъ меньше осуществляются условія благосостоянія, а заботиться о послѣднемъ—вся сущность хозяйственности.

По Смиту, возникновеніе рабочей платы, прибыли и ренты имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что указанный нами законъ не осуществляется. Мы видѣли, что это приводитъ его къ тому мнѣнію, что человѣку тѣмъ лучше, чѣмъ большимъ количествомъ чужаго труда онъ располагаетъ, — мнѣнію, которое, еслибъ оно было истинно, подрывало бы всякое хозяйство.

Если мнѣніе Смита вѣрно, то значитъ весь обмѣнъ, который мы наблюдаемъ на практикѣ, состоитъ изъ патологическихъ случаевъ. Мало того, по принципу, иные факты вовсе невозможны. Указанное мѣновое правило перестаетъ дѣйствовать, потому что произведенное разбивается на прибыль, рабочую плату и ренту.

Всѣ эти три дохода, вмѣстѣ взятые, составляютъ формулу распредѣленія въ тотъ періодъ исторіи хозяйства, когда обмѣ-

ну придается значеніе преобладающаго элемента, на которомъ держится все хозяйство. Это значитъ: на взглядъ Смита, *принципъ* торговли (формы, въ которой въ этотъ періодъ проявляется обмѣнъ), не допускаетъ обмѣна сообразно количеству затраченнаго труда. Этому мѣшаетъ форма распредѣленія.

А форма распредѣленія есть только форма осуществленія мѣноваго закона. Этой формой обусловливаются и уклоненія отъ него, выражающіяся въ колебаніи цѣнъ. Очевидно, что частныя причины *этихъ* уклоненій отъ *закона цѣнъ*, а не вообще отъ мѣноваго закона, мы узнаемъ, если будемъ знать, что въ этихъ трехъ доходахъ обусловливаетъ уклоненіе.

Мы поэтому обратимся къ изслѣдованію этихъ трехъ доходовъ. Если обмѣнъ есть только распредѣленіе всего произведеннаго совокупною дѣятельностью между отдѣльными лицами, участвовавшими въ производствѣ, — пропорціонально участію, которое каждый изъ нихъ принималъ въ производствѣ, — то, значитъ, коль-скоро мы будемъ знать, какъ на дѣлѣ распредѣляется это произведенное, мы вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ знать, какъ на дѣлѣ совершается обмѣнъ.

Исходною точкою служитъ намъ тождественность обмѣна съ распредѣленіемъ. Если въ литературѣ науки мы иногда находимъ такое рѣзкое различеніе между обмѣномъ и распредѣленіемъ, что имъ отводятся даже два различныхъ отдѣла въ системѣ, — то трудно найдти этому какое-либо другое объясненіе, кромѣ того, что до сихъ поръ въ систему хозяйственной науки интегральною частью входило ученіе о торговлѣ, въ смыслѣ отдѣльной отрасли промышленности. Въ ученіи объ обмѣнѣ излагаются спеціальныя техническія свѣдѣнія, касающіяся этой отрасли. Были писатели, которые находили, что вся хозяйственная наука должна ограничиться ученіемъ объ обмѣнѣ, выражая этимъ требованіе, чтобъ хозяйственная наука превратилась въ науку о торговлѣ. Въ виду той роли, которую въ настоящее

время играетъ торговля, понятно требованіе самостоятельной отрасли знанія для нея. Но требованіе, чтобъ изъ хозяйственной науки было все исключено, кромѣ того, что относится къ торговлѣ, — требованіе, недавно еще предъявленное, и не на словахъ только, а въ книгѣ, въ которой былъ сдѣланъ опытъ удовлетворить ему, — доказываетъ, что кромѣ внѣшней и чисто исторической связи между производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ, съ одной стороны, и обмѣномъ (въ томъ видѣ, въ какомъ онъ излагается въ особомъ отдѣлѣ) — съ другой, нѣтъ никакой иной. Это доказано уже и опытомъ: въ недавнее время Маклеодомъ и за-долго до него Дж.-Ст.-Миллемъ, который, приступая къ обмѣну, обращаетъ вниманіе на то, что хозяйственные законы производства и распредѣленія могутъ быть изслѣдованы и изложены независимо отъ тѣхъ техническихъ подробностей, которыя излагаются въ особомъ отдѣлѣ объ обмѣнѣ [1].

Если же мы изъ ученія объ обмѣнѣ исключимъ все технически-торговое, то тогда пропадаетъ всякая разница между цѣной и доходомъ. Всякій доходъ есть цѣна и всякая цѣна есть доходъ. Если между цѣной и доходомъ есть разница, то она заключается въ томъ что доходъ *лица* есть цѣна *вещи*. На этомъ основаніи возможно различеніе, которое имѣетъ только научное удобство, а не научную необходимость. Этимъ научнымъ удобствомъ обусловливается возможность для ученія о торговлѣ слѣдить за судьбой вещи и ея переходомъ изъ рукъ въ руки, причемъ главное вниманіе привлекаетъ именно эта вещь. Но коль скоро мы оставляемъ спеціально торговую точку зрѣнія, въ мѣновомъ фактѣ, какъ во всякомъ хозяйственномъ, главное наше вниманіе начинаетъ привлекать человѣкъ, его судьба, та роль, которую онъ разъигрываетъ въ фактѣ. Въ такомъ случаѣ различіе между цѣной и доходомъ теряетъ все свое значеніе.

---

[1] *J.-St.-Mill.* Grundz. S. 307.

Ученіе о распредѣленіи представляетъ намъ три дохода, составляющіе — по всеобщему признанію — элементарныя части, изъ которыхъ сложены всевозможные доходы, встрѣчающіеся въ дѣйствительности. Рента, доходъ съ капитала и рабочая плата для хозяйственной науки то-же самое, что простѣйшія тѣла для химіи: какъ всякое тѣло, встрѣчающееся въ дѣйствительности, въ концѣ концовъ оказывается только комбинаціей этихъ простѣйшихъ тѣлъ, такъ точно «всякій дѣйствительный доходъ въ послѣднемъ анализѣ оказывается комбинаціей этихъ трехъ доходовъ», равно какъ и «всякая цѣна въ послѣднемъ счетѣ всегда разрѣшается въ какой-нибудь изъ этихъ трехъ доходовъ или во всѣ вмѣстѣ»[1].

Отсюда мы видимъ, что Смитъ признавалъ основную тождественность цѣны съ доходомъ: какъ цѣна, такъ и доходъ имѣютъ однѣ и тѣ-же составныя части. И никто послѣ Смита не отрицалъ этого.

Рента, доходъ съ капитала и рабочая плата суть доходы немыслимые внѣ обмѣна. Каждый человѣкъ для поддержанія своей жизни работаетъ и результатомъ его труда является опредѣленная сумма продуктовъ. Но къ этому результату нельзя приложить ни одного изъ указанныхъ трехъ названій. Только послѣ того, какъ человѣкъ вынесъ свои продукты на рынокъ и получилъ за нихъ эквиваленты, — только послѣ того, какъ рынокъ его индивидуализировалъ, — становится яснымъ, что онъ получаетъ: ренту, доходъ съ капитала, или рабочую плату. Эти доходы показываютъ, какъ произведенное совокупнымъ трудомъ распредѣляется и что кто получаетъ[2].

Отсюда понятно, какое важное значеніе для теоріи колебанія цѣнъ имѣетъ изученіе этихъ трехъ доходовъ. Мы знаемъ, что

---

[1] *Ad. Smith*, I. 153—154, 152.

[2] *Roscher*, System. Bd. I. §§ 106, 153; *Lotz*, Handb. I. 442—443.

такъ-какъ осуществленіе мѣноваго закона обусловливается успѣшностью производственной силы, то поэтому въ каждое данное время этотъ законъ частью осуществляется, а частью нѣтъ. Этимъ послѣднимъ обусловливается существованіе патологическихъ цѣнъ. Чтобъ узнать ближайшія причины ихъ возникновенія, намъ нужно узнать, что въ тѣхъ трехъ доходахъ, которые показываютъ, какъ на практикѣ совершается распредѣленіе или обмѣнъ, обусловливаетъ неполное осуществленіе мѣноваго закона: формула распредѣленія, если она истинна, должна давать матеріалъ, по которому можно было бы изучить какъ осуществленіе, такъ и неосуществленіе мѣноваго закона. Потому что и то и другое видно изъ того, какъ совершается въ дѣйствительности обмѣнъ.

Въ дѣйствительности обмѣнъ представляется въ непрерывномъ и безостановочномъ обращеніи благъ, движеніе которыхъ уподобляли тому теченію, которымъ кровь разносится ко всѣмъ частямъ тѣла. Одинъ постоянный и неизмѣнный законъ регулируетъ это обращеніе, и потому, когда бы мы его ни наблюдали, оно всегда представляетъ одно и то-же. Въ формулѣ распредѣленія намъ представляется это обращеніе какъ-бы въ своемъ поперечномъ разрѣзѣ. Имѣя предъ глазами эту формулу, намъ не нужно уже наблюдать рынокъ. Сущность обращенія, во всѣ моменты одинаковая, отпечатлѣлась на фотографическомъ снимкѣ, который представляетъ формула распредѣленія. Силой науки теченіе задержано и стало доступнымъ изученію. Намъ не нужно уже добиваться того, чтобы знать, какимъ образомъ люди опредѣляютъ долю участія каждаго изъ нихъ въ производствѣ, чтобъ сообразно съ этимъ получить эквивалентъ. Мы изучаемъ самый эквивалентъ и по немъ уже судимъ о пропорціональности и равномѣрности въ обмѣнѣ.

Рабочую плату получаетъ человѣкъ, когда его нанимаютъ, то есть, когда онъ продаетъ извѣстное количество своего труда, съ тѣмъ чтобъ продуктъ этого труда не ему принадлежалъ. Точ-

но такъ, какъ то, что мы платимъ за сахаръ, хлѣбъ, чай и т. п., составляетъ цѣну сахара, хлѣба, чая и т. д., такъ и то, что мы платимъ за работу, составляетъ ея цѣну. Когда нанимаютъ работника на извѣстное время, то его трудъ въ это время не принадлежитъ уже ему, развѣ если это не выговорено при договорѣ. Во всякомъ случаѣ, часть труда этого времени принадлежитъ уже не работнику, а тому, къ которому онъ нанялся въ работники. Трудъ есть такимъ образомъ такой-же мѣновой объектъ, какъ и все остальное, что продается. Онъ есть товаръ, которымъ торгуетъ работникъ: нанимаясь къ кому-нибудь, работникъ продаетъ извѣстное количество своего труда.

Чтобъ что-нибудь попало въ мѣновую сферу, ему необходимо извѣстное специфическое свойство. Мы знаемъ, что это свойство — мѣноспособность.

Для того, чтобъ что-либо имѣло мѣноспособность, необходимо прежде всего, чтобъ оно было не нужно своему владѣльцу и чтобъ кто-нибудь другой чувствовалъ въ немъ потребность. Потому, что разумные и свободные люди не продаютъ того, что имъ нужно, и не покупаютъ того, что имъ не нужно.

Но мы знаемъ, что трудъ есть единственное основаніе хозяйства, что безъ труда невозможно удовлетвореніе потребностей; слѣдовательно во всякое время и вездѣ человѣкъ чувствуетъ въ немъ нужду.

Мало того: у человѣка никогда не можетъ быть слишкомъ много труда. На-оборотъ, отъ природы онъ получилъ его такъ мало, что только работая съ другими людьми, или черезъ кооперацію, онъ въ состояніи на-столько возвысить успѣшность труда, что становится достаточнымъ количество, которымъ надѣлила его природа.

Изъ другаго основнаго закона, закона увеличенія успѣшности производственной силы отдѣльнаго человѣка чрезъ кооперацію, мы знаемъ, что сущность кооперации заключается именно въ уве-

личеніи успѣшности труда отдѣльнаго человѣка до-того, чтобъ онъ могъ удовлетворять своимъ потребностямъ, благодаря своей личной дѣятельности, а не чужой. Всякая нужда въ чужомъ трудѣ, значитъ, противурѣчитъ сущности кооперації.

Отсюда мы видимъ, что два закона, вѣрность которыхъ до сихъ поръ никто не оспаривалъ, отрицаютъ въ *принципѣ* тѣ антецеденты, безъ которыхъ трудъ не можетъ получить мѣноспособности и вступить въ мѣновую сферу.

Въ литературѣ мы встрѣчаемъ два отвѣта на вопросъ объ основаніяхъ мѣноспособности труда. *Вальрасъ*, — который имѣетъ гораздо больше права, нежели Сеніоръ, на то, чтобъ его считали главнымъ представителемъ ученія о хозяйственномъ значеніи рѣдкости — утверждаетъ, что слабость теорій цѣнности Смита, Сея, Рикардо и др. доказывается между прочимъ ихъ неумѣніемъ отвѣчать на основной въ экономической наукѣ вопросъ — объ основаніяхъ мѣноспособности труда[1]. По его мнѣнію, есть только одно средство рѣшить вопросъ: признать, что рѣдкость дѣлаетъ что бы то ни было мѣноспособнымъ, а потому — и трудъ[2]. Рѣдкостью же онъ считаетъ диспропорцію между количествомъ полезности, которое имѣется, и количествомъ, которое необходимо[3].

Къ тому, что было во второй главѣ сказано о рѣдкости, какъ основаніи мѣноспособности, мы теперь можемъ прибавить, что она имѣетъ такое-же значеніе для обмѣна, какое отсутствіе воздуха имѣетъ для жизни. Развитіе и расширеніе мѣновой сферы идетъ объ руку съ увеличеніемъ успѣшности силъ человѣка, которое даетъ ему возможность уменьшать и постепенно уничтожать диспропорцію между тѣмъ, что человѣкъ имѣетъ и что ему нужно, — то есть уничтожать рѣдкость. Не смотря однако на

[1] *Walras*, Théorie de la richesse, pp. 170—171, 183, 195, 205.

[2] Ib. 167, 170, 205, 222.

[3] Ib. 41, 144, 151.

это, теорія рѣдкости обладаетъ большою живучестью и, болѣе или менѣе, ея придерживаются почти всѣ политико-экономы, когда имъ приходится объяснять возвышенія цѣнъ, которыя по видимому не идутъ об-руку съ измѣненіями въ издержкахъ производства; даже Рикардо признавалъ, что есть цѣлый разрядъ вещей, которыхъ мѣноспособность и цѣна опредѣляются только рѣдкостью. Объяснить это можно кажущеюся правдоподобностью этой теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что обмѣнъ является вслѣдствіе того, что каждый отдѣльный человѣкъ, участвуя въ соединенномъ производствѣ, воплощаетъ свой трудъ въ продуктахъ, которые нужны другимъ; отсюда необходимость перехода продукта отъ производителя къ потребителю. Теорія рѣдкости тоже основываетъ мѣноспособность на томъ, что потребитель не имѣетъ необходимаго ему продукта. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако она причину этого явленія видитъ не въ соединеніи труда,—по смыслу этой теоріи потребитель не имѣетъ необходимаго продукта, не потому что онъ производилъ другіе продукты,—а потому что этотъ необходимый продуктъ находится въ ограниченномъ количествѣ. Обмѣнъ, такимъ образомъ, не есть послѣдствіе обусловливающихся природой хозяйства производственныхъ отношеній,—а обстоятельства, совершенно отдѣльнаго отъ нихъ. Обмѣнъ и мѣноспособность лишаются человѣческой основы, мѣсто которой занимаетъ рѣдкость. Мѣноспособность является качествомъ вещи, обусловливающимся ея рѣдкостію, а не тѣмъ, что человѣкъ далъ ей такое, а не иное, назначеніе.

Послѣ того, что нами сказано о настоящихъ основаніяхъ обмѣна, мы считаемъ излишнимъ опровергать такое ученіе, которое въ окончательномъ результатѣ ведетъ къ признанію, что всякая мѣноспособная вещь доказываетъ бѣдность человѣка и т. п.[1].

Неосновательность этой теоріи всего очевиднѣе въ занимающемъ насъ случаѣ. Трудъ мѣноспособенъ по той причинѣ, что

[1] *Walras*, 83, 90, 105, 141, 143 и др.

между количествомъ труда, въ которомъ люди нуждаются, и количествомъ, которое они имѣютъ, существуетъ диспропорція. Откуда взята эта посылка, на какое наблюденіе она опирается, — трудно догадаться. Очевидно только, что если-бъ это была истина. то въ такомъ случаѣ хозяйство потеряло бы свое главное основаніе.

Другой отвѣтъ на поставленный вопросъ даетъ пражскій ученый, извѣстный и въ юридической литературѣ, *Гаснеръ*. Въ краткихъ словахъ выраженный, этотъ отвѣтъ заключается въ слѣдующемъ. Гаснеръ отвлекаетъ отъ хозяйственной дѣятельности сознательно-разумный моментъ и затѣмъ остающееся считаетъ объектомъ сознанія и разума, вещью, подобной всякимъ другимъ вещамъ и съ которой можно сдѣлать то-же самое, что и съ ними. А такъ-какъ эти вещи можно продать, то потому можно продать и трудъ[1]. Если это и не заключаетъ въ себѣ отвѣта

[1] *Hasner*, System der pol. Oek. 1860. Bd. I. 177. Трудъ въ обширномъ смыслѣ означаетъ всякую дѣятельность, которая вызвана волей и борется по указанію этой воли съ принципомъ собственной своей косности и съ внѣшними препятствіями. Въ такомъ смыслѣ говорятъ о трудѣ животныхъ и машинъ. Въ тѣсномъ смыслѣ трудъ есть дѣятельность человѣка подъ управленіемъ его воли. Сила труда (рабочая сила, сама по себѣ) есть только пассивная способность, служащая у свободной воли для борьбы съ внутренними и внѣшними препятствіями.

Существенно важно въ понятіи о трудѣ, что всякій трудъ не только *не свободенъ*, но что кромѣ того онъ всегда есть *служащая* дѣятельность; вслѣдствіе этого онъ есть *усиліе* (Anstrengung), заключая въ себѣ внутреннее препятствіе (weil sie innerlich widerstrebend ist). Именно этимъ трудъ отличается отъ свободнаго дѣянія, котораго онъ есть *объектъ*. Трудъ есть побѣжденная vis inertiae. Всякій трудъ—есть рабскій трудъ (knechtliche Arbeit), потому всякій трудъ—горекъ. Die Knechtschaft ist allerdings nicht nothwendig eine im fremden Dienste, wenn gleich eine sich selbst auferlegte Arbeit. Der Arbeiter hört nicht nothwendig auf frei zu

на тѣ вопросы, которые мы выставили, то все же таки здѣсь видно желаніе объяснить, какимъ образомъ трудъ можетъ стать товаромъ. Гаснеръ однако не обратилъ вниманія на то, что такого процесса отвлеченія разумнаго момента отъ безсознательнаго — въ дѣйствительности никакой рабочій не дѣлаетъ, когда продаетъ трудъ; кромѣ того, онъ не обратилъ вниманія на то, что никто не станетъ покупать труда, изъ котораго отвлечено все сознательное и разумное. Покупать трудъ работника и покупать трудъ животнаго не все равно. Когда покупается трудъ работника, то при этомъ не малую роль играетъ специфическая пригодность этого труда, которая уже никакъ не мыслима безъ сознательности. Какъ бы поэтому ни было желательно сдѣлать сознательность и разумность человѣка непродажною, это невозможно, коль-скоро мы приписываемъ эту продажность труду. Отдѣлить сознательный моментъ отъ безсознательнаго практически невозможно и экономически убыточно.

Очевидно однако, что мы не можемъ подойдти къ рабочей платѣ. не задавая себѣ выставленнаго вопроса. Потому, что иначе мы не знаемъ, какимъ образомъ возникаютъ тѣ отношенія, вслѣдствіе которыхъ человѣкъ признаетъ мѣновую цѣнность въ трудѣ. И этотъ вопросъ останется безотвѣтнымъ до тѣхъ поръ, по-

---

sein, und das Thier, wie die Maschine, wird durch die Arbeit noch kein Arbeiter, weil es uberhaupt kein Er, sondern ein Es sein kann. Aber die freie Selbstbestimmung des Arbeiters ist nocht nich die Arbeit; sondern diese ist die bestimmte unfreie Bewegung, welche eintritt und aufhört, wenn jener will, ohne jemals spontan hervorzutreten. Die Arbeitsthätigkeit ist *Sache* des Willens und kann *desshalb* auch an einer Andern ubertragen werden. S. 177—178. Впрочемъ § 121 заключаетъ въ себѣ много опровергающаго предъидущее. Ср. съ этимъ *Proudon*, Qu'est ce que la propriété etc. 1849, p. 142, и De la création de l'ordre dans l'humanité. 1850. p. 276 — 277, гдѣ высказывается нѣчто подобное тому, что Гаснеръ говоритъ, перемѣшанное съ сеевской теоріей трехъ факторовъ производства.

ка мы въ рабочей платѣ захотимъ видѣть вѣчный хозяйственный фактъ.

Уже у Смита мы находимъ основанія, по которымъ рабочую плату мы можемъ считать только исторической категоріей. Смитъ прямо говоритъ о періодѣ, предшествовавшемъ тому, когда появляется рабочая плата. Въ этотъ предшествующій періодъ продуктъ труда принадлежалъ весь работнику; въ періодъ, когда существуетъ рабочая плата, не весь уже продуктъ труда принадлежитъ рабочему.

Если-бъ Смитъ и послѣдующіе писатели это хорошо и всегда помнили, то они никогда не говорили бы, что трудъ есть такой-же товаръ, какъ и всѣ остальные, и что его цѣна ничѣмъ не отличается отъ цѣнъ всѣхъ остальныхъ вещей [1].

Трудъ — товаръ (sui generis) и обмѣнъ труда на вещи рѣзко отличается отъ обмѣна продуктовъ труда на продукты труда.

Въ самомъ дѣлѣ, когда A и B работаютъ, то послѣ обмѣна произведенными каждымъ изъ нихъ продуктами можетъ въ концѣ концовъ оказаться, что оба потребили столько продуктовъ, сколько производится черезъ количество труда, которымъ каждый изъ нихъ располагалъ. Черезъ то, что A отдаетъ вещи, въ которыхъ онъ не признаетъ цѣнности потребленія и получитъ полезности, которыя именно ему и нужны, — чрезъ то, что то-же самое сдѣлаетъ и B. — Обѣ обмѣнивающіяся стороны получатъ прибыль [2]. Когда, на-оборотъ, A отдаетъ продуктъ, а

---

[1] *Roessler* въ монографіи: Zur Kritik der Lehre vom Arbeitslohn см. S. 88. Мы противупоставимъ этому мнѣнію слѣдующія слова *Lotz'a*: von einem Preise der Arbeit an sich kann durchaus nicht die Rede sein. Revision d. Gr.-B. d. V.-W.-J. Bd. I. S. 108. *J.-B. Say* (Traité d'é pol. p. 344) также причисляетъ les facultés personnelles къ fonds productifs inaliénables.

[2] *Rössler*, Grunds. d. V.-W.-Z. S. 385 — 386 и Zur Kritik der Lehre v. A.-Z. SS. 5, 12.

В за продуктъ даетъ голый трудъ еще ни на что не затраченный, не воплотившійся еще въ опредѣленной вещи, — когда онъ отдаетъ не вещь, а то, что тѣсно связано и нераздѣльно съ его личностью [1], тогда невозможно, чтобъ обмѣнъ былъ обоюдовыгодный. Для существованія этой выгоды необходимо, чтобъ обѣ обмѣнивающіяся стороны имѣли другъ для друга конкретныя полезности. А при обмѣнѣ труда на продуктъ труда только одна сторона представляетъ такую конкретную полезность; другая даетъ еще неосуществленную возможность получить такую конкретную полезность.

Но самая существенная черта, характеризующая эту сдѣлку, заключается въ томъ, что по ея заключеніи обѣ обмѣнивающіяся стороны не могутъ сказать, что онѣ имѣютъ послѣ обмѣна такое-же количество труда, какое онѣ имѣли и до обмѣна. Одна сторона, именно дающая трудъ, должна отдать большее количество труда за меньшее. Иначе эта сдѣлка немыслима.

Ад. Смитъ, говоря о рабочей платѣ, высказываетъ ту мысль, что естественная величина этой платы составляетъ продуктъ труда [2]. Надобно впрочемъ замѣтить, что послѣ Адама Смита эта мысль мало повторялась; но не потому, чтобъ кто-нибудь доказалъ ея невѣрность. Ее, на сколько мнѣ извѣстно, съ этой стороны никто даже и не затрогивалъ.

Между тѣмъ нетрудно замѣтить ея невѣрность. Логически и на дѣлѣ не возможно, чтобъ рабочую плату составлялъ весь продуктъ труда. Въ самомъ дѣлѣ, если я нанимаю работника, то это для какой-нибудь выгоды; коль-же скоро я ему отдамъ все, что онъ произвелъ, то естественно — мнѣ самому ничего не остается. Спрашивается послѣ этого, на какой конецъ я его нанималъ, для чего въ такомъ случаѣ была заключена вся сдѣлка?

---

[1] *Rossler*, Werth der Arbeit въ Zeitschr. f. d. ges. St.-W. Bd. XVI, S. 232, 255.

[2] *Smith*, I, ibb.

Коль-скоро я продалъ свой трудъ, то, значитъ, я продалъ все то, что можно произвесть этимъ трудомъ. Проданный трудъ не я уже затрачиваю, а тотъ, кто купилъ его. Отсюда ясно, что продуктъ труда не можетъ быть вознагражденіемъ за проданный трудъ. Потому что если продуктъ будетъ мнѣ принадлежать, то это будетъ все равно, какъ будто я вовсе не продалъ труда, значитъ, какъ будто не было совсѣмъ рабочей платы.

Такимъ образомъ вознагражденіемъ за проданный трудъ можетъ быть только часть того, что можно произвесть этимъ трудомъ. Въ противномъ случаѣ сдѣлка не приноситъ выгодъ тому, кто покупаетъ трудъ, т. е. не для чего ему покупать трудъ. Значитъ, тогда не можетъ быть и рабочей платы.

Но коль-скоро продавшій трудъ не можетъ получить вознагражденіемъ за проданный трудъ все, что имъ можно произвесть, то, значитъ, для полученія этого послѣдняго ему нужно будетъ затратить гораздо большее количество труда, нежели то, которое затрачено на производство. Такъ, если на производство затрачено 5 дней и работникъ не получаетъ всего, что произведено въ эти 5 дней, а только, положимъ, половину, т. е. то, что произведено въ $2^1/_2$ дня, то для полученія произведеннаго въ остальные $2^1/_2$ дня ему нужно будетъ отдать еще 5 дней. Понятно, что эти вторые 5 дней и составятъ всю прибыль отъ покупки труда. Безъ нихъ не будетъ и самой сдѣлки [1].

---

[1] «Généralement parlant, les denrées achétent constamment une plus grande quantité de travail, qu'il n'en a fallu pour leur production. Et s'il en était autrement, un capitaliste n'aurait aucun motif pour mettre en reserve un fond à appliquer aux travaux de l'industrie; car son benefice resulte de ce qu'il retire le produit d'une quantité de travail plus grande que celle qu'il avance. Lorsqu'il achéte du travail, il donne le produit du travail accompli pour celui qui *doit* l'être. *Mac Culloch*, Principes d'écon. pol. T. I. p. 336. Съ этимъ кстати сравн. *Lotz*, Handb. Bd. 1, 338.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что эти послѣдніе 5 дней составляютъ чистый убытокъ для продавшаго трудъ. Потому что они означаютъ, что продавшій трудъ работалъ 5 дней и за все это ровно ничего не получилъ.

Отсюда мы видимъ, что обмѣнъ труда на продукты труда немыслимъ безъ убытка для продавшаго трудъ. *Этимъ онъ отличается отъ обмѣна продукта на продуктъ.* При послѣднемъ выгода для обѣихъ сторонъ составляетъ conditio sine qua non. При первомъ, на-оборотъ, conditio sine qua non — односторонняя только выгода и убытокъ для продавшаго трудъ.

Смитъ говоритъ, что по накопленіи капиталовъ количество труда, затраченное на производство предмета, и количество труда, на которое онъ обмѣнивается, не равны другъ другу. У него выходитъ, что виною всему накопленіе капиталовъ. Тогда какъ въ сущности вся причина въ томъ, что предметъ обмѣнивается на трудъ. Все равно, накопленъ ли капиталъ, или нѣтъ, какъ только совершается такой обмѣнъ, является и неравенство между этими количествами. При равенствѣ этихъ количествъ обмѣнъ немыслимъ.

Это послѣднее мы доказали; отсюда вытекаетъ, что коль-скоро за трудъ дается продуктъ труда, то чрезъ это нарушается основной мѣновой законъ. Сдѣлка эта немыслима, чтобы при этомъ соблюдался во всей чистотѣ этотъ законъ. Здѣсь мы можемъ провѣрить сказанное выше о томъ, что законъ не можетъ нарушаться безнаказано; — въ самомъ дѣлѣ, эта сдѣлка не мыслима безъ убытка.

Изъ преимущественной важности, которую имѣетъ трудъ предъ всѣмъ остальнымъ въ хозяйствѣ, мы можемъ заключить, что указанный нами случай нарушенія мѣноваго закона составляетъ основу всѣхъ случаевъ нарушеній, т. е. что въ концѣ концовъ всякое нарушеніе мѣноваго закона можетъ быть сведено на указанную сдѣлку.

Разность между количествомъ труда, которое потрачено на

производство продукта, и тѣмъ количествомъ, на которое продуктъ будетъ обмѣненъ, — разность, которая всегда должна существовать, коль-скоро этотъ обмѣнъ будетъ имѣть мѣсто, — составляетъ тотъ основной фондъ, откуда берется доходъ съ капитала и рента.

Послѣ изложеннаго мы можемъ сказать, что Смитъ справедливо видитъ основаніе дохода съ капитала въ раздѣленіи продукта между работникомъ и нанявшимъ его.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ соединялъ причинною связью накопленіе капиталовъ съ возникновеніемъ этого дохода. Понятно, что вопросъ о вѣрности или невѣрности этого положенія въ высшей степени важенъ для теоріи колебанія цѣнъ. Если въ самомъ дѣлѣ нарушеніе мѣноваго закона по отношенію къ труду лежитъ въ основѣ всѣхъ другихъ нарушеній, т. е. если это — причина колебанія цѣнъ, то чрезвычайно важно знать, дѣйствительно ли нарушеніе мѣноваго закона находится въ причинной связи съ такимъ первоначальнымъ фактомъ, какъ накопленіе капиталовъ.

Прежде однако, чѣмъ мы обратимся къ разбору этого, мы должны указать на то, что, понимая подъ прибылью тотъ убытокъ, который несетъ продавшій трудъ, мы ни на волосъ не уклоняемся отъ того, что признано за установленное въ наукѣ. Мы причисляемъ сюда и положеніе, что количество труда, на которое продуктъ обмѣнивается и которое затрачено на его производство, не равны другъ другу.

Дж. См. Миль, говоря о происхожденіи прибыли, указываетъ на то, что оно не есть послѣдствіе обмѣна. «Люди, которые поверхностно смотрятъ на хозяйственную организацію, говоритъ онъ, полагаютъ, что основаніе прибыли въ обмѣнѣ; но это ложно. Чтобъ составить себѣ ясное понятіе о происхожденіи прибыли, нужно обратить вниманіе на производителя, а не на куплю и продажу. Не послѣднія суть причина прибыли [1].

[1] *Mill*, p. 291. *Mac Culloch*, Princ. d'écon. pol. T. I, pp. 128—129.

Въ этой цитатѣ мы можемъ видѣть подтвержденіе сказаннаго нами выше, что настоящая прибыль получается при производствѣ, при затратѣ труда, что обмѣнъ не увеличиваетъ доходовъ и средствъ. Въ этомъ мѣстѣ Милль понимаетъ прибыль именно въ томъ смыслѣ, въ которомъ и мы о ней говорили. Но далѣе онъ начинаетъ ее понимать уже въ Смитовскомъ смыслѣ.

«Настоящая причина возникновенія *прибыли съ капитала* заключается въ томъ, что работникъ можетъ произвести больше, нежели сколько ему нужно для поддержанія его жизни»[1]. Значитъ, если работникъ получитъ столько, сколько ему нужно для поддержанія его жизни (а что такова естественная величина рабочей платы — доказываетъ каждый политико-экономъ), то нанявшему его еще останется то, что составитъ его прибыль. Милль, слѣдовательно, былъ правъ, когда онъ говорилъ, что прибыль не имѣетъ никакого отношенія до цѣны вещей. Но онъ долженъ былъ обратить вниманіе на послѣднее: именно *вещей*, только *продуктовъ труда*, а не самаго труда; потому, что *съ цѣлаго труда*, съ рабочею платой, прибыль находится въ тѣснѣйшей причинной связи. Милль самъ отлично доказываетъ, что рабочая плата тѣмъ больше, чѣмъ меньше прибыль, и на-оборотъ.

Мы сказали, что разность между суммой труда, которую рабочій продаетъ, и тою суммой, которую онъ за первую получаетъ вознагражденіемъ, составляетъ фондъ, откуда черпаются рента и доходъ съ капитала.

Что рента есть деривативный доходъ (abgeleitetes Einkommen), а не продуктъ какого-либо отдѣльнаго производственнаго фактора, можно считать за установленное въ наукѣ. Не говоря уже объ отрицающихъ ренту — на томъ основаніи, что натуральные факторы производства суть даровые факторы, — самъ Рикардо никогда не утверждалъ, что натуральные агенты *производятъ* доходъ,

[1] *Mill* ib. и *Roessler*, Werth der Arbeit, l. c. 246. *Mac'Culloch*, Princ. d'écon. pol. T. I, pp. 116, 130.

который они *приносятъ*. Рикардо признавалъ только два агента производства, и интересы получающихъ ренту считалъ противуположными интересамъ тѣхъ, которые ее платятъ; потому что уплата ренты есть уменьшеніе дохода съ труда и капитала [1].

Что же касается того, что мы сказали о доходѣ съ капитала, который тоже берется изъ означенной разности, то этимъ мы вовсе не хотѣли сказать, что вся совокупность результатовъ производства была добыта только купленнымъ трудомъ, или, иначе, что одинъ только, такъ называемый, рабочій классъ производитъ все то, что всѣ потребляютъ. Мы этимъ хотѣли только выразить, что считаемъ несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, а потому невѣрнымъ, положеніе, будто одни только продающіе трудъ живутъ, работая; остальные же живутъ тѣмъ, что имъ приноситъ не трудъ, а *другой* производственный факторъ — капиталъ. По той причинѣ, что нѣтъ двухъ производственныхъ факторовъ, а есть только одинъ: разумная совокупная дѣятельность людей, которою *всѣ* живутъ, а не только нѣкоторые. По той причинѣ, что личная дѣятельность каждаго отдѣльнаго человѣка, личный трудъ, есть необходимое условіе для его хозяйственнаго существованія, — личный трудъ, отсутствіе котораго можетъ быть только кратковременное и скоропреходящее, какъ подрывающее основу жизни. Всѣ люди трудятся, а не одни только рабочіе, и на *свои* личные труды каждый живетъ [2], а не на то, что ему дается извнѣ. Прошлое никогда и никого не можетъ освобождать отъ труда, прошлое для себя работало и всегда работало хуже, нежели настоящее для себя работаетъ. Въ этомъ послѣднемъ заключается хозяйственный прогрессъ. Этотъ прогрессъ есть нѣчто несомнѣнно доказанное: какъ же при этомъ возможно, чтобъ прошлое могло освобождать отъ труда настоящее? Человѣкъ не можетъ

[1] *Ricardo*, Oeuv. compl., pp. 259, 307, 552—553 и др.

[2] «Chacun vit de ce qu'*il* produit». *J.-B.-Say*, Cours d'économ. pol. T. I, p. 303.

жить въ настоящемъ на томъ основаніи, что онъ въ прошломъ работалъ; человѣкъ всегда, въ каждый данный моментъ долженъ работать, работа въ одинъ моментъ не можетъ его освобождать отъ работы въ слѣдующій: онъ *всегда* чувствуетъ потребности, которымъ всегда необходимо долженъ удовлетворять, т. е. удовлетвореніе потребности въ одинъ моментъ не можетъ его освободить отъ необходимости удовлетворить въ слѣдующій. А между тѣмъ тутъ еще прибавляется то обстоятельство, что силы человѣка развиваются, что онъ въ послѣдующій моментъ имѣетъ больше возможности удовлетворять потребностямъ, нежели въ предъидущій Это обусловливается его природой и противуположное можетъ имѣть мѣсто только какъ случайное и преходящее, но не какъ закономѣрное. Слѣдовательно, послѣдующее можетъ поправлять сдѣланное предъидущимъ, но это сдѣланное никакъ не можетъ освобождать отъ работы, оно, напротивъ, можетъ только увеличить эту работу.

Только научныя абстракціи, называемыя капиталистами, живутъ прошлымъ; только за этихъ капиталистовъ работаетъ прошлое. Капиталисты же живой дѣйствительности питаются не отъ прошлаго труда, а отъ настоящаго; этотъ настоящій трудъ, ихъ собственный, производитъ продукты, ими потребляемые, а не капиталъ производитъ эти продукты. Капиталу приписывается то, что не онъ дѣлаетъ, а капиталисты: чтобъ дать производительность мертвой *вещи* — капиталу, лишаютъ производительности живыхъ *людей* — капиталистовъ!

Капиталисты живутъ не доходомъ съ капитала, а доходомъ съ труда своего, живутъ, какъ всѣ люди, оттого что работаютъ. И это понятно: иначе жить нельзя. Мертвая вещь не имѣетъ производственной силы, потому что производственная сила есть разумная, созпательная и нравственная, а такая сила есть только у человѣка, и только въ человѣкѣ она можетъ остаться неизмѣненною. Отдѣлившись отъ него, она перестаетъ быть *про-*

изводственною, потому что разума, сознанія и нравственности въ вещи воплотить нельзя. Поэтому *вещь* не можетъ давать *человѣку* возможности жить: не вещь активна и плодотворна, а человѣкъ [1].

Мы видѣли, что, при обмѣнѣ труда на продуктъ труда, часть проданнаго труда остается неоплаченною. Если капиталъ есть

---

[1] Фикціею производительности продукта - капитала французская хозяйственная наука сороковыхъ годовъ гораздо больше повредила себѣ, нежели сколько повредила себѣ англійская школа, возводя въ принципъ доходность натуральныхъ агентовъ. За эту доходность Бастіа и его приверженцы уменьшали заслуги Рикардо, не замѣчая, что они сами гораздо болѣе разширяютъ брешь для соціалистовъ, доказывая *производительность* (не только *доходность*) капитала - продукта. Если Рикардо ставилъ въ опасное положеніе землевладѣльцевъ, давая имъ возможность жить, не трудясь, одною рентой, то несравненно болѣе дѣлалъ Бастіа, когда давалъ возможность *капиталистамъ* жить, не трудясь, отъ одной только производительности капитала, которую соціалисту весьма легко было отождествить, и не безъ основанія, съ доходностью натуральныхъ агентовъ. Поэтому-то Бастіа отрицалъ эту доходность; но то, что онъ уничтожалъ одною рукой, онъ возсоздавалъ другою, и притомъ возсоздавалъ въ такой формѣ, которая еще болѣе привлекала порицаніе. Можетъ быть, впрочемъ, Бастіа, менѣе нежели его послѣдователи, подлежитъ этому упреку: его Harmonies économiques представляютъ немало пассажей, въ которыхъ онъ отрицаетъ въ капиталѣ силу самостоятельную, независимую отъ человѣка (см. напр. T. VI, pp. 176, 246 и др.). Съ другой стороны, на дѣлѣ, Бастіа слишкомъ много разграничивалъ капиталъ отъ человѣка, слишкомъ много онъ приписывалъ первому изъ того, что можетъ дѣлать только послѣдній (напр. Ib. p. 255), чтобъ къ нему не могъ относиться упрекъ за желаніе положить основаніемъ человѣческаго благосостоянія не личную дѣятельность, безъ которой въ-особенности частное хозяйство немыслимо. Вся опасность этой фикціи еще болѣе выступаетъ на видъ, если мы вспомнимъ шаткость ученія о сбереженіи, которое будто бы есть источникъ возникновенія капиталовъ; а эту шат-

дѣйствительно живая, плодотворная, производственная сила, то изъ сказаннаго слѣдуетъ, что его иначе понимать нельзя, только какъ особенный видъ дѣятельности человѣка, связь же его съ указанною неоплаченной разностью не можетъ быть самимъ существомъ ею обусловливающаяся, а преходящая, несущественная.

Обратимся теперь къ изслѣдованію причинной связи прибыли съ капиталомъ.

Прибыль тѣсно соединяютъ съ капиталомъ. Мы поймемъ ее, если разъяснимъ себѣ капиталъ и въ-особенности ту сторону въ немъ, которою обусловливается приносимый имъ доходъ.

Вопросъ о капиталѣ такой-же запутанный, какъ и разобран-

кость у *Bastia* (NB) недавно призналъ одинъ изъ его послѣдователей (*Mantegazza*, T. I, pp. 83, 442). Выводить образованіе капитала изъ отсрочки немедленнаго потребленія, значитъ внушать мысль, что безъ питанія (или все равно потребленія), можетъ возникнуть производственная сила; тогда какъ, въ дѣйствительности, сумма производственной силы всегда пропорціональна суммѣ потребленія, и уменьшеніе потребленія выражается въ уменьшеніи возможности производить, а не въ противуположномъ. Если вѣрна ставшая классическою, повторяемая и Рошеромъ, фраза Милля, что «нѣтъ въ Англіи и гвоздя» и т. д., то вѣдь это доказываетъ, что все производимое потребляется, что сбереженіе и сохраненіе *продукта* можетъ быть только кратковременное и мыслимо только для отдѣльнаго хозяйства, а для народнаго хозяйства оно не существуетъ. Такимъ образомъ черезъ то, что сбереженіе относится *къ продуктамъ*—въ то время, когда сохраняться могутъ только однѣ силы, дѣлается неимѣющимъ значенія и несуществующимъ для народнаго хозяйства то, на чемъ одномъ только и держится непрерывное существованіе хозяйства, какъ цѣлаго. Съ другой стороны, если все потребляется, значитъ, работа въ одинъ моментъ не можетъ освободить отъ работы въ другой; коль же скоро утверждается, что въ дѣйствительности есть цѣлый разрядъ людей, которыхъ прошлое освободило отъ необходимости работать, то этимъ дается въ руки всякимъ утопистамъ самое острое изъ орудій.

ный выше вопросъ о цѣнности. Такъ-какъ этотъ вопросъ самъ по себѣ и во всей цѣлости не составляетъ интегральной части въ нашемъ изслѣдованіи, то мы и не будемъ его такъ подробно разбирать.

Мы воздерживаемся поэтому отъ приведенія всѣхъ опредѣленій, которыя давали капиталу извѣстные политико-экономы. Общее во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ то, что всѣ политико-экономы считаютъ капиталъ за производственную силу. Ученіе о капиталѣ у всѣхъ излагается въ отдѣлѣ производства. Капиталъ понимается только въ производственной стадіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ политико-экономъ не можетъ опредѣлить капитала, не втянувъ въ это опредѣленіе понятіе о вещи. Капиталъ — непремѣнно *продуктъ труда*: въ этомъ сходятся Смитъ, Рикардо, Мальтусъ, Сей, Джемсъ-Милль, Сеніоръ, Макъ-Коллохъ. Дж.-Ст.-Милль, Лотцъ, Рау, Рошеръ, Шеффле, Мангольдтъ, Рёслеръ [1]. Но всѣ эти писатели, не умѣя объяснить капитала безъ понятія о вещи, при этомъ однако характеризуютъ самую вещь. Не сама по себѣ вещь, и не всякая вещь есть уже капиталъ: вещь должна быть назначена къ производству. Въ этомъ назначеніи вся сила; но слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что тутъ имѣется въ виду реализованное назначеніе. Одно только голое, невыполненное еще назначеніе не дѣлаетъ изъ вещи капитала.

Такимъ образомъ, по опредѣленіямъ политико-экономовъ, понятіе о капиталѣ состоитъ изъ двухъ моментовъ: изъ понятія

---

[1] *Smith*, II, 1. *Ricardo*, 68, 383. *Malthus*, Des défenitions en écon. polit. p. 523. *Say*, Cours, I, 106. *Senior*, 309—310. *J.-St.-Mill*, 43. *Rau*, 140. *Roscher*, I, 74. *Schäffle*, 41—42. *Mangoldt*, 3. *Roessler*, 98. *Lotz*, Handb. der St.-W.-L. Bd. I, S. 61. *Mac-Culloch*, Pr. d'éc. pol. I, 106, 107. *James Mill*, Element. d'éc. pol. p. 96. *Max Wirth*, Grundsätze der polit. Oek. Bd. I, (3-te Ausg. 1861). S. 238. *Bastiat*, VI, 233.

о вещи и ея назначеніи. Какимъ изъ этихъ двухъ моментовъ обусловливается доходъ съ него, они не говорятъ, какъ вообще не говорятъ о доходѣ съ капитала, когда они разъясняютъ капиталъ въ отдѣлѣ производства.

Если доходъ составляетъ существенный признакъ капитала, то это должно быть уже видно изъ опредѣленія капитала. Лассаль считалъ недостаточными опредѣленія капитала именно потому, что эти опредѣленія не показывали, какъ и почему капиталъ приноситъ доходъ. Доказавъ за-тѣмъ, что доходъ съ капитала предполагаетъ извѣстный строй хозяйственнаго быта, и придерживаясь мнѣнія политико-экономовъ, что этотъ доходъ обусловливается *существомъ* капитала, Лассаль вывелъ, что капиталъ есть историческая категорія.

Предварительно Лассаль доказываетъ, что стараніе политико-экономовъ вывести доходъ изъ того, какъ образуются капиталы, то есть изъ отсрочки немедленнаго потребленія, не имѣетъ научнаго основанія. И въ самомъ дѣлѣ, въ виду практики, какъ-то неловко считать доходъ съ капитала вознагражденіемъ за воздержаніе, за нравственное достоинство. Неудивительно поэтому, если въ этомъ отношеніи Шеффле согласился съ Лассалемъ[1]. Во Франціи Манекенъ, совершенно независимо отъ Лассаля, даже въ одно и то-же время, высказалъ то-же самое[2].

Но Лассаль упустилъ изъ виду другое основаніе дохода отъ капитала. Онъ именно не обратилъ вниманія на повторяющееся у всѣхъ политико-экономовъ положеніе, что этотъ доходъ есть плата за пользованіе. Въ самомъ дѣлѣ, если капиталъ есть производственная сила, то уступка ея безъ вознагражденія не мыслима. Если доходъ съ капитала есть эквивалентъ за уступае-

---

[1] *Schaffle*, Arbeiter und Nationaloekonomie въ Deut. Viert. 1865 г.

[2] *Mannequin*, I, 446—447.

мое, то онъ находитъ свое основаніе дѣйствительно въ существѣ капитала.

Но вознагражденіемъ за пользованіе во всякомъ случаѣ доходъ съ капитала нельзя считать, по той причинѣ, что собственно вознагражденіе за пользованіе есть нѣчто совершенно различное отъ этого дохода.

Предположимъ что я беру у кого-нибудь на пользованіе продуктъ его десятидневнаго труда. *Пользоваться* значитъ *уменьшать полезность:* безъ уменьшенія полезности блага не мыслимо пользованіе имъ. Предположимъ, что я воспользовался $^1/_5$ частью взятаго, то есть я уничтожилъ сумму полезности, произведенную въ два дня. Еслибъ я не возвратилъ этихъ двухъ дней, то можно было бы сказать, что я *пользовался* даромъ; *въ замѣнъ мною уничтоженнаго* я ничего не возвратилъ. Но коль-скоро я отдалъ эти два дня, то *за пользованіе* я все уплатилъ: я возвратилъ обратно эквивалентъ того, что уничтожилъ, *чѣмъ пользовался.* Если при этомъ требуется еще одинъ день, то можно считать этотъ день вознагражденіемъ за что угодно, — за *пользованіе* нѣтъ никакого основанія считать его. За *пользованіе* все уже уплачено.

Такимъ образомъ собственно то, что называютъ *погашеніемъ капитала,* составляетъ вознагражденіе за пользованіе. Смѣшивать плату на погашеніе съ капитальнымъ доходомъ открыто никто не рѣшается; закрыто это дѣлаетъ всякій политико-экономъ.

Лассаль, превосходно критикуя сказанное политико-экономами объ основаніи дохода съ капитала, самъ однако не подвинулъ вопроса впередъ. Онъ далъ такое-же описаніе (а не объясненіе) этого дохода, какое давали до него политико-экономы: разница только та, что его описаніе сдѣлано съ точки зрѣнія рабочихъ, тогда какъ описанія политико-экономовъ дѣлались съ точки зрѣнія капиталистовъ. Замѣна одной односторонности другою, конечно, мало помогаетъ дѣлу въ научныхъ вопросахъ.

Это видно на выводѣ Лассаля, что капиталъ есть историческая категорія. Односторонность взгляда непремѣнно должна была повести его къ ложному заключенію. Вѣренъ ли выводъ Лассаля и чѣмъ обусловливается доходъ съ капитала? Этими вопросами мы теперь займемся.

Единодушіе, съ которымъ политико — экономы говорятъ о важности капитала, показываетъ, что приписывать капиталу одно только историческое значеніе—нѣтъ основанія. Съ другой стороны, поводъ къ этому подавали сами политико-экономы, говоря *о происхожденіи* капитала, слѣд. предполагая, что капиталъ есть нѣчто исторически происходящее.

Капиталъ однако принадлежитъ къ тѣмъ хозяйственнымъ категоріямъ, которыя мы назвали логическими, то есть онъ есть понятіе о такомъ фактѣ, безъ котораго немыслимо никакое хозяйство. Всегда и вездѣ существуетъ капиталъ, только не вездѣ и не всегда внѣшняя форма, въ которой онъ проявляется, и обусловливающіяся этимъ послѣдствія однѣ и тѣ-же. Капиталъ самъ по себѣ обусловливается извѣстными постоянно и вездѣ повторяющимися фактами; этимъ обусловливается то, что одни послѣдствія его постоянны и повсемѣстны. Но исторически развиваясь, хозяйство захватываетъ въ свою сферу и много такого, что не составляетъ его *существенной* принадлежности. А такъ какъ на всемъ хозяйственномъ лежитъ человѣческій слѣдъ, а этотъ слѣдъ всегда обусловливается временемъ и мѣстомъ, то отсюда слѣдуетъ, что во всякое данное время основныя хозяйственныя категоріи должны отражать на себѣ слѣдъ *развивающагося* человѣка, то есть онѣ должны производить послѣдствія, которыя обусловливаются не только *ихъ сущностью*, но еще и тѣмъ слѣдомъ, который на нихъ положилъ *хозяинъ даннаго времени и мѣста.*

Мы сначала докажемъ, что капиталъ есть именно такая основная хозяйственная категорія, а потомъ изслѣдуемъ, имѣетъ ли

капиталъ, какъ логическая категорія, необходимымъ своимъ послѣдствіемъ доходъ, а въ случаѣ, — если не имѣетъ, то какъ преображается эта основная хозяйственная категорія, какой видъ она должна принять для того, чтобы доходъ составлялъ ея непремѣнную принадлежность. Что доходъ составляетъ непремѣнную принадлежность — это фактъ, и съ него собственно и начинается изслѣдованіе, которое главною цѣлью имѣетъ объясненіе его.

Такъ-какъ хозяйство возникаетъ вслѣдствіе того, что люди соединяютъ свою дѣятельность на удовлетвореніе потребностей, — такъ-какъ единственно отъ этой совокупной дѣятельности зависитъ возможность удовлетворенія потребностямъ, — то потому всякое средство, которое люди употребляютъ для этой цѣли, должно быть въ концѣ концовъ сведено на эту совокупную дѣятельность; оно должно быть только частнымъ проявленіемъ этого единаго, общаго средства.

Самою природою совокупной дѣятельности обусловливаются три основныя формы ея проявленія. *Во-первыхъ*, она проявляется въ томъ, что люди соединяютъ труды свои, совершаемые въ одинъ и тотъ-же моментъ времени, для достиженія общей цѣли. Для этого производственный процессъ разбивается на части, изъ которыхъ каждая совершается одновременно. Что такое производство есть соединеніе труда, само по себѣ до того очевидно, что не требуетъ никакихъ разъясненій. Это — первая форма кооперації, иначе называемая *раздѣленіемъ труда*.

Но это не единственная форма. Точно такъ, какъ *въ каждый данный моментъ* люди должны помогать другъ другу для того, чтобы жить, — труды *различныхъ моментовъ времени* также должны быть соединены для этой цѣли. Первымъ обусловливается *повсемѣстность* удовлетворенія потребности, вторымъ *постоянство* этого удовлетворенія.

Мы видѣли, что соединенная дѣятельность — такого рода фактъ,

существованіе котораго не убусловливается волей человѣка. Составляя основаніе жизни человѣка, она всегда *постоянно должна* быть. Этою *необходимостью* ея существованія и, далѣе, *постоянствомъ* ея существованія обусловливается причинная связь, соединяющая существованіе дѣятельности въ различные моменты времени: она не можетъ быть въ одно время, если не была въ предшествующій и не будетъ въ такомъ случаѣ въ послѣдующій. На удовлетвореніе потребностей (все равно: отдѣльнаго лица или всѣхъ) мы можемъ вслѣдствіе этого смотрѣть какъ на результатъ, существующій потому, что люди сочетаютъ труды различныхъ моментовъ времени.

Самъ по себѣ производственный процессъ непрерывенъ. Этою непрерывностью обусловливается тѣсная связь, соединяющая части этого процесса, совершающіяся въ различныя времена. Точно такъ и потребленіе, само по себѣ разсматриваемое, непрерывно, и этою непрерывностью обусловливается связь между потребленіями различныхъ временъ. Что непрерывное потребленіе немыслимо безъ непрерывнаго производства, само по себѣ очевидно.

Такъ-какъ производственный процессъ всегда имѣетъ мѣсто, то нельзя ни о какой его части говорить, что она составляетъ конецъ или начало процесса. Сама по себѣ разсматриваемая она годится для того, чтобы быть и началомъ и концомъ. Но отдѣльный человѣкъ объ этомъ судитъ иначе. Онъ въ каждый данный моментъ смотритъ на производство, какъ на средство для достиженія извѣстной конкретной цѣли. Коль-скоро этотъ процессъ растянется на различные моменты времени, мы будемъ имѣть предъ собой случай, когда труды различныхъ моментовъ времени соединились для одной общей цѣли; въ этомъ-же частномъ производственномъ процессѣ возможно будетъ различать начало отъ конца: критеріумомъ будетъ служить моментъ потребленія, который болѣе отстоитъ отъ *начала* производства, нежели отъ конца.

Очевидно, что мы имѣемъ предъ собой новый видъ *соединенія* труда: производственный процессъ разбивается опять на части, но эти части не совершаются уже одновременно, а — въ различные моменты времени. Тамъ трудъ одного человѣка извѣстнаго момента времени соединялся съ трудомъ другаго человѣка *того-же* момента. Безъ многихъ людей эта форма соединенія труда немыслима. На-оборотъ, въ разсматриваемомъ теперь видѣ соединенія труда вся сущность не въ подмогѣ, которую трудъ одного человѣка оказываетъ труду другаго, а въ томъ, что трудъ одного момента времени кооперируетъ съ трудомъ другаго времени.

Теперь, смотря потому, *когда* мы будемъ наблюдать производственный процессъ, мы скажемъ, что или трудъ текущаго момента кооперируетъ съ трудомъ будущаго момента, или что трудъ текущаго момента кооперируетъ съ трудомъ прошлаго момента. Если мы наблюдаемъ производственный процессъ въ началѣ, то мы видимъ, что человѣкъ дѣлаетъ затраты, за которыми непосредственно готоваго продукта не послѣдуетъ, для этого нужно будетъ еще въ слѣдующій моментъ дѣлать новые затраты; мы въ такомъ случаѣ видимъ, что человѣкъ работаетъ надъ дѣломъ, для котораго трудъ даннаго времени недостаточенъ, которое потребуетъ еще труда въ будущемъ; въ увѣренности, что этотъ будущій трудъ воспослѣдуетъ, человѣкъ дѣлаетъ затраты въ настоящемъ. Эта форма кооперації или соединенія труда есть *кредитъ*.

Тотъ-же самый производственный процессъ мы можемъ наблюдать еще въ тотъ моментъ, когда онъ заканчивается. Дѣлаемыя въ этотъ моментъ затраты дадутъ полезный результатъ только потому, что имъ предшествовали другія затраты. Трудъ, затрачиваемый въ моментъ, когда мы наблюдаемъ, соединяется съ трудомъ прошлымъ и, благодаря обоимъ, явится готовый результатъ. Эта форма соединенія труда есть *капиталъ*.

Если говорятъ, что раздѣленіе труда, кредитъ и капиталъ суть производственныя силы, то эту силу они заключаютъ въ себѣ вслѣдствіе того, что они суть различныя проявленія соединенія труда. Вслѣдствіе этого они могутъ *производить* новыя блага. Иначе понимая ихъ, мы можетъ приписывать имъ какія угодно благодѣтельныя свойства, но не *производственную* силу.

Имѣя въ виду эти три основныя формы соединенія труда, мы можемъ разсматривать производственный процессъ, отдавая себѣ ясный отчетъ о томъ, какой смыслъ имѣетъ его непрерывность или постоянство и повсемѣстность. Онѣ означаютъ именно, что хозяйство можетъ вездѣ и постоянно существовать потому, что въ каждый данный моментъ сила человѣческая сохраняется и оплодотворяется чрезъ *раздѣленіе труда*, — что чрезъ *капиталъ* она утилизируетъ и сохраняетъ завѣщанное прошлымъ, продолжая тѣмъ самымъ дѣло прошлаго, — что чрезъ *кредитъ*, наконецъ, она выражаетъ свою связь съ будущимъ, работая для него, т. е. сохраняя силы для будущаго.

Изъ сказаннаго вытекаетъ слѣдующая основная разница между капиталомъ и кредитомъ съ одной стороны, и раздѣленіемъ труда — съ другой. Послѣдняя форма кооперації немыслима безъ многихъ людей; потому что всѣ части производственнаго процесса совершаются одновременно. На-оборотъ, первыя двѣ — могутъ имѣть мѣсто, хотя бы существовало только одно лице, по той причинѣ, что части производственнаго процесса совершаются разновременно. Поэтому-то отдѣльный человѣкъ можетъ сказать: *мой* капиталъ, *мой* кредитъ, но онъ не можетъ сказать: *мое* раздѣленіе труда.

Отсюда возможность для отдѣльнаго человѣка жить на счетъ своего капитала. Но этимъ не выражается, что человѣкъ живетъ, не трудясь; это значитъ только, что онъ живетъ трудясь *извѣстнымъ образомъ*. Въ такомъ смыслѣ можно сказать, что человѣкъ живетъ тѣмъ, что ему даетъ его капиталъ — произво-

дительностью своего капитала; мы этимъ только болѣе опредѣленно указываемъ, *какимъ образомъ* его собственный трудъ даетъ ему возможность жить.

Изъ сказаннаго понятно, почему орудія, машины и матеріалы причисляются къ капиталу. Это дѣлается на томъ основаніи, что ни орудіе, ни машина, ни матеріалъ не показываютъ законченности производственнаго акта, за которою непосредственно слѣдуетъ готовый продуктъ; они, на-оборотъ, указываютъ на незаконченность, на необходимость продолженія производственнаго процесса; непосредственно они указываютъ — на сколько производство болѣе или менѣе близко къ окончанію. Чтобъ я могъ приготовить такой-то продуктъ, *прежде* нужно приготовить такое-то орудіе, такую-то машину, нужно заготовить такой-то матеріалъ; *потомъ*, когда эта *часть* работы будетъ готова, можно будетъ приступить къ *другой* части. Здѣсь до очевидности ясно, что такой производственный процессъ есть процессъ трудосоединительный, кооперативный.

Но ни орудіе, ни машина сами не имѣютъ производственной силы; онѣ суть части *произведеннаго*, продукта; съ другой стороны, по той причинѣ, что онѣ суть *части* произведеннаго, онѣ негодятся для потребленія, имѣютъ производственное назначеніе.

Что капиталъ не есть какое-либо свойство вещи, отлично доказываютъ политико-экономы. Но на этомъ нужно твердо стоять. Коль-скоро мы капиталъ считаемъ за вещь съ опредѣленнымъ свойствомъ, то въ такомъ случаѣ мы въ хозяйство вводимъ силу, которая не принадлежитъ человѣку. Но всякая производственная сила, т. е. разумная и плодотворная, есть всегда сила человѣческая. Поэтому если капиталъ есть производственная сила, то она тоже должна быть человѣческая, а не внѣшняя, вещная.

Вещь не есть капиталъ, она есть только видимый признакъ, по которому мы можемъ судить о существованіи той силы, ко-

торая называется капиталомъ. Существованіе вещи доказываетъ, что предъидущій трудъ уже затраченъ, *что началось уже сочетаніе*. Потому-то политико-экономы говорили, что капиталъ есть накопленный трудъ. Но одно только выраженіе «накопленный трудъ» недостаточно для характеристики капитала. Это еще только половина, такъ сказать, капитала.— Оттого-то политико-экономы прибавляютъ къ «вещи» еще другое выраженіе: «назначенная къ производству», то есть, на которую затрачивается текущій трудъ, трудъ другаго момента. Чтобъ существовалъ капиталъ, необходимо сочетаніе труда двухъ моментовъ времени, прошлаго и настоящаго.

Отсюда видно, что опредѣленія, данныя политико-экономами капиталу, заключаютъ въ себѣ всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ состоитъ капиталъ по нашему опредѣленію: чтобъ могъ быть капиталъ, необходимы: 1) существованіе *вещи* (прошлаго труда), 2) *назначеніе* вещи къ *производству*, которое немыслимо безъ 3) текущаго труда. Если обыденныя опредѣленія заключаютъ въ себѣ что-либо ошибочное, такъ оно заключается въ томъ, что они, вопреки тому, что сами говорятъ, присвоиваютъ однако исключительно названіе капитала одному изъ его элементовъ— вещи. Этимъ противурѣчіемъ объясняется возникновеніе спорнаго вопроса, слѣдуетъ ли и текущій трудъ причислить къ капиталу? И это понятно: коль-скоро для капитала одинаково необходимы какъ текущій трудъ, такъ и прошлый, — то на какомъ основаніи только послѣдній называется капиталомъ? Гораздо послѣдовательнѣе въ этомъ отношеніи Шеффле, утверждающій, что капиталъ есть общее понятіе о производственныхъ силахъ, какихъ бы то ни было: а между тѣмъ это опредѣленіе считается ошибочнымъ[1]. Мы главнымъ моментомъ въ капиталѣ считаемъ

[1] *Schäffle*, Die N.-Oek. S. 42—141. *Roscher*, I § 42 nota 1 и *Roessler*, Zur Kritik d. Lehre v. Ar.-L. S. 33 nota.

средній: *реализованное назначеніе*, которое выражается въ *соединеніи* текущаго труда съ прошлымъ, и въ защиту того, что этотъ моментъ дѣйствительно самый существенный, могли бы сослаться на авторитеты Бастіа, Маклеода, Дитцеля, Шеффле [1].

Таково понятіе о капиталѣ, какъ о логической хозяйственной категоріи. Постоянство и повсемѣстность этой категоріи имѣетъ свое основаніе въ томъ, что работа человѣческая всегда *продолжается*, т. е. мы ее можемъ разбить на моменты, когда она начинается и кончается. Говоря о капиталѣ, мы имѣли въ виду ту форму кооперації, которая представляется намъ, если мы разсматриваемъ хозяйственный процессъ въ тотъ моментъ, когда онъ кончается.

Зная, что̀ такое капиталъ, мы теперь постараемся составить себѣ ясное понятіе о томъ, что такое *доходъ* съ капитала; за тѣмъ мы изслѣдуемъ связь между ними.

Выше мы приводили Рошера и Лоріа, сильно настаивающихъ на то, что ни прибыль или доходъ съ капитала, ни рабочую плату, ни ренту, нельзя считать названіями тѣхъ результатовъ, которые получаются непосредственно вслѣдъ за производственнымъ процессомъ; на взглядъ этихъ писателей приведенныя названія примѣняются къ тѣмъ долямъ, которыя при распредѣленіи произведеннаго получаютъ участники въ производствѣ. Съ другой стороны, Дж.-Ст.-Милль и Макъ-Коллохъ настаиваютъ на то, что доходъ съ капитала или прибыль не слѣдуетъ считать за *вытекающее* изъ обмѣна,— что эта прибыль существуетъ еще до обмѣна, а послѣ него она только получается тѣми, которые ее должны получить. Мы устранили это противурѣчіе, указавъ на то, что и Милль и Макъ-Коллохъ имѣютъ въ виду только обмѣнъ вещей и отъ этого обмѣна *вещами* прибыль дѣйствительно независима; но и Милль и Макъ-Коллохъ одинаково

[1] *Bastiat* VI 233; *Маклеодъ*, Основанія, стр. 77 (§ 99, гл. I), *Dietzel*, System der Staatsanleihen, 1855, глава 3; *Schaffle*, S. 42.

считаютъ прибыль послѣдствіемъ того, что трудъ даетъ гораздо больше, нежели сколько нужно на его поддержаніе. Слѣдовательно, если изъ суммы полезности, которую данное количество труда производитъ, мы вычтемъ сумму полезности, необходимую на поддержаніе этого даннаго количества труда, то получится остатокъ. Существованіе остатка не находится ни въ какой связи съ обмѣномъ. Поэтому, если мы *этотъ* остатокъ назовемъ прибылью, тогда дѣйствительно прибыль будетъ нѣчто совершенно независимое отъ какого бы то ни было обмѣна.

Коль-скоро кто соединяетъ *свой* текущій съ *своимъ* прошлымъ трудомъ, для производства какого-либо продукта, — мы можемъ сказать, что этотъ продуктъ производится помощью капитала. Употребленіе капитала имѣетъ свою raison d'être въ томъ, что такимъ путемъ производства увеличивается успѣшность затрачиваемаго труда. То есть изъ даннаго количества труда извлекается такимъ путемъ сумма полезныхъ продуктовъ, превышающая сумму, которою этотъ трудъ поддерживается: въ этой послѣдней суммѣ выражается успѣшность прошлаго труда, поддерживающаго — во все время производства — текущій, который долженъ вслѣдствіе капитала превосходить въ успѣшности прошлый. Такимъ образомъ отъ употребленія капитала получается сумма полезности, которая появляется вслѣдствіе возросшей успѣшности труда; ею измѣряется разность между успѣшностью производства съ капиталомъ и успѣшностью производства безъ капитала. Она существуетъ вслѣдствіе того, что капиталъ есть видъ кооперації, то есть средство увеличивающее успѣшность. Поэтому, гдѣ и когда существуетъ капиталъ, тамъ и тогда существуетъ эта разность.

Еслибъ мы захотѣли эту разность считать доходомъ съ капитала, то весьма отдалились бы отъ того, что всѣ писатели, а между ними также Милль и Макъ-Коллохъ, подъ этимъ разумѣютъ. Способность капитала давать описанную нами разность

не есть та его производительность, вслѣдствіе которой онъ можетъ приносить своему владѣльцу прибыль. Эта послѣдняя производительность совершенно особаго рода, отдѣльна отъ первой и доходъ, ею приносимый, отличенъ отъ разности, нами описанной.

Для того, чтобъ понять это, вспомнимъ, какимъ образомъ получается прибыль съ капитала. Чтобы капиталъ приносилъ своему владѣльцу прибыль, необходимо, чтобы продукты, для производства которыхъ былъ затраченъ капиталъ, въ своей цѣнѣ покрывали не только цѣну затраченнаго капитала, но еще давали бы излишекъ надъ этой цѣной, — каковой излишекъ и составитъ прибыль съ капитала.

Такимъ образомъ цѣна продукта, на производство котораго затраченъ капиталъ, разсматриваемая со стороны одной только капитальной затраты, — состоитъ изъ двухъ частей: одна часть равноцѣнна капитальной затратѣ, — вознаграждаетъ, покрываетъ затраченную часть капитала, — и затѣмъ еще другая, которая составляетъ прибыль на затраченный капиталъ. Нужно здѣсь имѣть въ виду, что на эти двѣ части разбивается именно *цѣна* произведеннаго, а не *количество* произведеннаго, мѣноспособность, а не полезность. Коль-скоро полученная отъ затраты капитала сумма полезности, — все равно увеличилась ли она, или уменьшилась, или осталась безъ перемѣны по сравненію съ затраченною суммою, — имѣетъ такой-же размѣръ мѣноспособности (т. е. такую-же цѣну), какой имѣла затраченная сумма, то прибыли не будетъ. Будетъ существовать только та часть цѣны, которая *погашаетъ* капиталъ. Прибыль будетъ существовать только въ томъ случаѣ, когда цѣна полученнаго отъ производства, хотя бы по количеству полезности оно было меньше затраченнаго, но за-то по размѣру мѣноспособности будетъ превышать послѣднее. Въ цѣнѣ тогда окажется излишекъ мѣноспособности или покупательной силы; этотъ-то излишекъ и есть доходъ съ капитала.

Если мы этотъ излишекъ сравнимъ съ описанной выше разностью въ результатахъ производства, возникающею отъ употребленія капитала, то увидимъ, что между ними нѣтъ никакой необходимой связи, что это и въ дѣйствительности два различныхъ факта, изъ которыхъ одинъ относится къ производственной сферѣ, а другой — къ мѣновой. Мы видѣли, что, на-сколько дѣло обусловливается естественными законами хозяйства, никакія увеличенія успѣшности производственной силы, слѣдов. никакое возникновеніе разностей, подобныхъ указанной, не можетъ измѣнить мѣноваго закона, по которому покупательная сила пропорціональна производственной. Всякій случай нарушенія этой пропорціональности есть патологическій фактъ мѣноваго порядка. Эти случаи нарушенія уменьшаются по мѣрѣ увеличенія успѣшности силы человѣка; мы видѣли, что, по мѣрѣ возрастанія этой успѣшности, обмѣны происходятъ правильнѣе, распредѣленіе совершается равномѣрнѣе; слѣдовательно къ такому-же результату ведетъ и большее употребленіе капиталовъ при производствѣ. Но коль-скоро все это справедливо,— коль-скоро законъ обмѣна или распредѣленія требуетъ, чтобъ доля, получаемая каждымъ изъ произведеннаго была пропорціональна долѣ участія въ производствѣ распредѣляемаго, — и коль-скоро подъ прибылью на капиталъ должно разумѣть излишекъ надъ цѣной затраты, то, значитъ, этотъ излишекъ не находитъ себѣ соотвѣтствующей ему затраты и есть нарушеніе закона пропорціональности производственной и покупательной силъ.

Этотъ излишекъ не можетъ обусловливаться *сущностью* капитала, потому что сущность капитала заключается въ томъ, что онъ есть средство для увеличенія успѣшности производственной силы, т. е. иначе говоря, средство черезъ которое отдѣльный человѣкъ получаетъ возможность сохранять всю свою производственную силу. Слѣдовательно, сущность капитала обусловливаетъ только такой обмѣнъ, при которомъ никакая затрата не оцѣни-

вается свыше количества труда, которое она представляетъ; а между тѣмъ оцѣнка одной затраты свыше этого предполагаетъ необходимо оцѣнку другой затраты ниже этого, значитъ, предполагаетъ, что у кого-нибудь, дѣлавшаго затраты, не сохранится вся производственная сила.

Мы видѣли однако, что въ дѣйствительности этотъ излишекъ все-таки соединяютъ съ капиталомъ. Гдѣ же та связь, которая насильственно соединяетъ капиталъ съ тѣмъ, что противуположно его сущности? Иными словами, какимъ образомъ соединеніе текущаго труда съ прошлымъ должно имѣть мѣсто, чтобъ могъ явиться въ цѣнѣ означенный излишекъ надъ затратой?

Прежде, чѣмъ мы обратимся къ рѣшенію этого вопроса, вспомнимъ еще, что по наблюденіямъ Милля и Макъ-Коллоха доходъ съ капитала не есть *послѣдствіе* цѣны продукта, который былъ произведенъ этимъ капиталомъ. Элементы этого дохода существуютъ еще до того, какъ продуктъ вынесенъ на рынокъ. Рѣшеніе выставленнаго вопроса не должно находиться въ противурѣчіи съ этимъ наблюденіемъ; оно, напротивъ, еще должно объяснить это наблюденіе.

Прибыль съ капитала не должна составлять въ цѣнѣ продукта надбавки къ количеству труда, затраченному на производство продукта; иначе равные капиталы будутъ приносить различную прибыль, т. е. не будетъ никакой выгоды употреблять большій капиталъ предпочтительно предъ меньшимъ. Только при томъ условіи, что *каждый* продуктъ выражаетъ количество труда, равное затраченному на его производство, можно затрачивать капиталъ безъ убытка; только при этомъ условіи *возможна* прибыль. Если такъ, то значитъ прибыль не обусловливается обмѣномъ продукта на *продуктъ*. Только въ томъ случаѣ, если въ мѣновую сферу вступитъ что-либо такое, что не есть *продуктъ*, дѣйствительно возникнетъ прибыль: продуктъ здѣсь не обмѣнивается на продуктъ, а на что-то другое. Весь вопросъ,

слѣдовательно, въ томъ, примѣнимо ли требованіе эквивалентности къ тому, на что продуктъ обмѣнивается и что само не есть продуктъ.

Кромѣ продукта въ мѣновую сферу можетъ входить только текущій трудъ; чтобъ прошлый трудъ могъ существовать въ моментъ обмѣна, ему нужно воплотиться въ вещи; значитъ, прошлый трудъ приступаетъ къ обмѣну продуктомъ. Но мы показали выше, что обмѣнъ труда на продуктъ труда въ основѣ отличается отъ обмѣна продукта на продуктъ: эквивалентность составляетъ условіе, безъ котораго немыслимъ послѣдняго рода обмѣнъ, — на-оборотъ, принципъ первой сдѣлки находится въ противурѣчіи съ идеей эквивалентности и исключаетъ ее.

Поэтому, если мы предположимъ, что происходитъ сочетаніе прошлаго труда съ *купленнымъ* текущимъ трудомъ, то получимъ понятіе о капиталѣ, въ которомъ: 1) сущность капитала вполнѣ удерживается и остается соединеніемъ прошлаго труда съ текущимъ, 2) мы начинаемъ различать новую сторону, которою и обусловливается прибыль.

Коль-скоро кто соединяетъ *свой* прошлый съ *своимъ* текущимъ трудомъ, то онъ употребляетъ средство, которое увеличитъ успѣшность его труда, дастъ ему больше полезныхъ благъ, но не дастъ прибыли. Затративъ 5 дней прошлаго труда и 10 дней текущаго, онъ получитъ продуктъ, который на рынкѣ будетъ равноцѣненъ другому продукту 15 дней труда. т. е. который покроетъ его затрату, но прибыли не дастъ. Но коль-скоро онъ свои 5 дней прошлаго труда соединитъ съ 10 днями *купленнаго* труда, результатъ будетъ совершенно иной: 10 дней труда можно купить не иначе, какъ заплативъ за нихъ продуктомъ, котораго производство стоило меньше — иначе нѣтъ никакихъ основаній покупать эти 10 дней. Слѣдовательно, эти 10 дней будутъ куплены за меньше, положимъ за продуктъ восьмидневнаго труда. Въ такомъ случаѣ купившій трудъ еще до того, какъ онъ

произвелъ мѣноспособный продуктъ, — еще до того, какъ онъ приступаетъ къ обмѣну, — только въ-слѣдствіе сочетанія прошлаго труда съ купленнымъ текущимъ, будетъ имѣть прибыль. Продуктъ, вынесенный на рынокъ, будетъ равноцѣненъ всякому другому продукту, на производство котораго затрачено 15 дней: цѣна его будетъ опредѣляться количествомъ затраченнаго на его производство труда; но это не окажетъ въ данномъ случаѣ никакого вліянія на существованіе прибыли, — тогда какъ въ первой гипотезѣ (сочетанія прошлаго труда съ собственнымъ текущимъ), именно это обстоятельство препятствовало существованію прибыли. Потому что эта прибыль обусловливается покупкой труда, а не продажей продукта. Капиталъ приноситъ прибыль, а не продуктъ. То есть прибыль обусловливается извѣстною, временемъ и мѣстомъ обусловливающеюся, формою соединенія текущаго труда съ прошлымъ, а не результатомъ этого соединенія: не обмѣнъ, а исторіей обусловливающіяся *производственныя* отношенія имѣютъ своимъ послѣдствіемъ и доходъ съ капитала.

Политико-экономы всегда соединяли доходъ съ капитала съ капитализаціей, т. е. тѣмъ дѣйствіемъ, въ-слѣдствіе котораго возникаетъ капиталъ. Но въ чемъ заключается сущность капитализаціи, — до сихъ поръ еще спорный вопросъ въ наукѣ. Болѣе всего распространено и общепринято мнѣніе, что капитализація есть отсрочка немедленнаго потребленія продукта. Сеніоръ былъ того мнѣнія, что воздержаніе (abstinence) слѣдуетъ считать за одну изъ важнѣйшихъ хозяйственныхъ силъ, потому что оно составляетъ сущность капитализаціи. На это можно было бы замѣтить, что *хозяйственная* сила здѣсь характеризуется не по хозяйственнымъ признакамъ; нѣтъ никакого, конечно, сомнѣнія въ томъ, что всякая хозяйственная сила есть и нравственная сила, что слѣдовательно и воздержаніе тоже можетъ быть и хозяйственною силой, — но *воздержаніе* есть актъ чисто прав-

ственный и, если сила, которою этотъ актъ совершается, можетъ производить и хозяйственные акты, то эти послѣдніе требуютъ отдѣльнаго разъясненія. Кромѣ того пониманіе капитализаціи, какъ нравственнаго акта воздержанія, не соотвѣтствуетъ тому, что въ дѣйствительности понимается подъ капитализаціей. Капитализировать вовсе не значитъ сберегать просто вещь; въ дѣйствительности капитализировать значитъ употребить вещь такъ, чтобъ она приносила доходъ. Слѣдовательно, для объясненія этого дохода менѣе всего нужно обращаться къ факту сбереженія вещи, — такъ-какъ одинъ фактъ сбереженія еще не влечетъ за собой дохода; за фактомъ сбереженія еще должно слѣдовать извѣстное употребленіе вещи, и вотъ къ этому-то употребленію вещи слѣдуетъ обратиться, если мы хотимъ понять послѣдствіе, которое оно обусловливаетъ. Считая существеннѣйшимъ моментомъ въ понятіи о капиталѣ — продуктъ, политико-экономы къ нему относили дѣйствіе капитализированія; послѣдствіемъ этого было то, что-по общепринятой теоріи нельзя было объяснить образованіе и увеличеніе народнаго капитала: въ примѣненіи къ частному хозяйству еще понятна отсрочка потребленія, но въ народномъ хозяйствѣ, какъ цѣломъ, все производимое потребляется, нѣтъ отсрочки потребленія. Какъ же объяснить капитализированіе въ примѣненіи къ народному хозяйству? Коль-скоро признается, что общепринятая теорія есть единственно вѣрная, то этимъ необходимо признается, что въ примѣненіи къ народному хозяйству (а еще болѣе въ примѣненіи ко всемірному хозяйству), нѣтъ капитализированія; а это противурѣчитъ фактамъ.

Актъ капитализированія есть актъ сохраненія и утилизированія прошлаго труда текущимъ; это тотъ *хозяйственный* актъ, который предполагаетъ то, что на языкѣ нравственности называется воздержаніемъ. Чтобъ могъ существовать капиталъ, необходимо было человѣку въ одно время работать, сознавая, что результатъ этой работы непосредственно не принесетъ ему ни-

какой пользы, что только послѣ дальнѣйшихъ затратъ, только послѣ соединенія затратъ, принадлежащихъ различнымъ временамъ, онъ получитъ результатъ, непосредственно полезный. Актъ капитализированія предполагаетъ *поэтому* предусмотрительность; эта предусмотрительность означаетъ связь между работами человѣка въ различныя времена. Чѣмъ менѣе связь эта, чѣмъ болѣе работа извѣстнаго времени индивидуализирована, чѣмъ менѣе при ея исполненіи человѣкъ имѣлъ въ виду будущее, — тѣмъ менѣе антецедентовъ для возникновенія капитала.

Мы видѣли, что сущностью капитала нельзя мотивировать доходъ, имъ приносимый; иными словами, это означаетъ, что сущностью капитализированія нельзя объяснить доходъ съ капитала. Мы его поймемъ только тогда, когда оставимъ основную сущность капитализированія въ сторонѣ, такъ-какъ доходъ съ капитала обусловливается не тѣмъ, какъ человѣкъ вообще, безъ отношенія къ времени и мѣсту, капитализируетъ, — а тѣмъ, какъ *историческій* человѣкъ, продуктъ своего времени, ограниченный данною успѣшностью своихъ силъ, совершаетъ этотъ хозяйственный актъ. Къ разъясненію этого мы теперь обратимся. Прежде однако мы обратимъ вниманіе на то, что чѣмъ болѣе возрастаетъ успѣшность производственной силы, тѣмъ все менѣе возможности возникновенія дохода съ капитала; потому что возрастаніе успѣшности производственной силы выражается въ возвышеніи хозяйственной самостоятельности отдѣльнаго человѣка. Иными словами: въ-слѣдствіе возрастанія успѣшности производственной силы, эта послѣдняя у каждаго отдѣльнаго лица воплощается въ продукты. Значитъ, съ возрастаніемъ этой успѣшности все большее число людей приступаютъ къ обмѣну съ продуктами труда, а не съ трудомъ; это освобождаетъ ихъ отъ убытка, который они несутъ при обмѣнѣ труда на вещи, — въ чемъ и выражается возросшая успѣшность. Съ другой стороны, коль-скоро производственная сила отдѣльнаго человѣка

воплощается въ продуктѣ, для него возникаетъ возможность соединять прошлый трудъ съ текущимъ, т. е. вмѣсто того, чтобъ платить прибыль съ капитала, онъ становится самъ человѣкомъ съ капиталомъ, — въ чемъ и выражается возвышеніе хозяйственной самостоятельности. Такимъ образомъ въ той мѣрѣ, въ какой возрастаніе успѣшности производственной силы проявляется въ увеличеніи капиталовъ и возвышеніи хозяйственной свободы и самостоятельности отдѣльнаго лица, — постоянно уменьшается и возможность возникновенія прибыли съ капитала.

Мы показали, какъ возникаетъ доходъ съ капитала. Нужно отвѣчать еще на другой вопросъ: если мы отрицаемъ, что этотъ доходъ есть — вознагражденіе за пользованіе, или цѣна пользованія, — если мы согласны съ Лассалемъ, Шеффле, Манкеномъ, что этотъ доходъ не есть вознагражденіе за воздержаніе, т. е. цѣна нравственнаго достоинства, — то цѣну чего составляетъ онъ? Вѣдь онъ все-таки получается при обмѣнѣ. На это мы замѣтимъ, что когда за продуктъ трехъ дней получается въ обмѣнѣ продуктъ 4 дней, то лишній день не составляетъ *цѣны*, онъ не эквивалентъ чего-либо: это очевидно. Если эта разность (въ нашемъ случаѣ 1 день) мала, то она переходитъ изъ одного хозяйства въ другое не замѣтно. Я говорю: не замѣтно и долженъ прибавить: для невооруженнаго глаза практики; теорія всегда ее откроетъ. Но если эта разность значительной величины, тогда она должна быть непремѣнно эквивалентомъ чего-либо. Это что-либо можетъ быть фиктивно, оно можетъ быть что-нибудь выдуманное, — но хотя бы только въ головѣ людей, а не въ дѣйствительности, оно все-таки должно существовать.

Всякій самостоятельный хозяинъ имѣетъ *право* на результатъ своего труда; это — право собственности. Права собственности безъ продукта труда нѣтъ. Человѣкъ, не имѣющій самостоятельнаго хозяйства, не имѣетъ и права собственности. Но, съ

другой стороны, продукта безъ права собственности тоже нѣтъ. Это значитъ, что право тѣсно связано съ вещью. У кого есть вещь, у того есть и право. Когда я отдаю вещь, то я отдаю и право.

То, что есть у всѣхъ, не идетъ въ обмѣнъ, идетъ въ обмѣнъ только то, что есть у нѣкоторыхъ. Точно такъ, какъ продуктъ труда можетъ на этомъ основаніи получить мѣноспособность, *и право можетъ тоже получить мѣноспособность, право*, независимо отъ продукта, который составляетъ его объектъ. Когда *А* покупаетъ у *В* продуктъ его труда, то *В* передаетъ *А*: 1) продуктъ, котораго у *А* нѣтъ, 2) право на него, котораго у *А* тоже нѣтъ. Имѣть продуктъ *А* не можетъ не имѣя права; *А* долженъ поэтому пріобрѣсть право точно такъ-же, какъ и продуктъ.

До того, какъ *А* пріобрѣлъ продуктъ, у него права не было; право собственности не съ лицемъ тѣсно связано, а съ вещью. Поэтому *право можетъ стать* такимъ-же *объектомъ цѣнности, какъ и продуктъ труда: для этого нужно, чтобъ оно не у всѣхъ было.* А не у всѣхъ оно будетъ, когда не у всѣхъ будетъ продуктъ. Право является вслѣдъ за продуктомъ, до него оно не существуетъ. Такимъ образомъ *существованіе права обусловливается чисто производственными отношеніями.*

Коль-скоро право становится объектомъ цѣнности, оно можетъ получить и мѣноспособность; для этого нужно, чтобъ существовали общія условія возникновенія мѣноспособности. Коль-скоро продуктъ труда обмѣнивается на продуктъ труда,— у обоихъ владѣтелей есть и право. Въ *такомъ* случаѣ, понятно, почему право не имѣетъ цѣны. Но коль-скоро только у одного изъ обмѣнивающихся лицъ будетъ продуктъ труда, а у другаго не будетъ, то только у перваго будетъ право. Второй въ обмѣнѣ за полученное право не можетъ дать другаго права. Вмѣсто этого послѣдняго, онъ долженъ дать другой эквивалентъ. А такой дур-

гой эквивалентъ у него есть одинъ только: продукта нѣтъ, есть только трудъ; этотъ трудъ и составитъ эквивалентъ, цѣну права. Значитъ, онъ долженъ будетъ дать эквивалентъ за продуктъ, да еще эквивалентъ за право. Въ суммѣ онъ долженъ будетъ дать гораздо большее количество труда, нежели получаетъ.

« Но, могутъ спросить, почему же продающій трудъ не требуетъ себѣ вознагражденія за свое право? Вѣдь у него тоже есть право на его личный трудъ. Отчего же его право на свой трудъ не можетъ быть вознагражденіемъ, эквивалентомъ, цѣной права на вещь? Отвѣтъ: трудъ не раздѣленъ отъ человѣка, трудъ есть способность, сила, органическое отправленіе человѣка; значитъ, право человѣка на свой трудъ есть его право на себя самого, на личную свою свободу, на свою личную неприкосновенность[1]. Продать, отдать это право значитъ продать себя самого. Когда человѣкъ продаетъ свое *право* на трудъ, кромѣ труда, тогда онъ продаетъ самого себя, свою свободу. Когда онъ продаетъ трудъ, тогда убытокъ, который онъ при этомъ несетъ, есть вознагражденіе, которое онъ платитъ за личную свободу; доходъ съ капитала *есть плата за выкупъ* изъ кабалы, *изъ личнаго рабства*. На этомъ основывается его великое историческое значеніе.

Кабала, личное рабство, есть юридическая форма, въ которую облекается извѣстный хозяйственный строй; такой именно строй, который обусловливается малою успѣшностью труда. Когда трудъ человѣка мало успѣшенъ, то это означаетъ, что онъ еще мало имѣетъ власти надъ природой. Въ такомъ случаѣ онъ ищетъ власти надъ своимъ ближнимъ. Роль вещи, надъ которой господствуетъ человѣкъ и которая собственно составляетъ объектъ права, начинаетъ играть человѣкъ. Вотъ переводъ рабства на экономическій языкъ.

Извѣстныя юридическія формы существуютъ до тѣхъ поръ,

---

[1] *Mac-Culloch*, Princ. d'écon. pol. T. I. p. 85.

пока существуетъ то экономическое содержаніе, которое онѣ обнимаютъ. Когда эта экономическая подкладка пропадетъ, на мѣсто ея возникаетъ новый хозяйственный строй, а съ нимъ установятся новыя юридическія отношенія.

А замѣна одного хозяйственнаго строя другимъ зависитъ отъ прогрессивнаго движенія въ успѣшности производственной силы. Чѣмъ эта успѣшность больше, тѣмъ больше власти человѣкъ имѣетъ надъ природой, — тѣмъ больше значенія получаетъ сила, которая даетъ эту власть, сила человѣка. Тогда она сама не можетъ уже быть объектомъ власти, она становится субъектомъ ея.

Но это совершается только постепенно, и превращенія человѣка изъ объекта въ субъектъ совершаются не даромъ для него. Это значитъ, что они ему стоятъ труда. Онъ трудомъ долженъ покупать себѣ право на то, чтобы быть человѣкомъ. Это-то выкупная плата и есть прибыль при покупкѣ труда.

Она обусловливается тѣмъ, что освобожденіе человѣка изъ рабскихъ отношеній къ природѣ совершается только медленно. Мы видѣли, что чѣмъ больше имѣется продуктовъ труда для обмѣна, тѣмъ меньше будетъ случаевъ возникновенія прибыли. А присутствіе бо́льшаго количества продуктовъ показываетъ бо́льшую успѣшность производственной силы. Значитъ, чѣмъ успѣшнѣе производственная сила, тѣмъ менѣе возможно, чтобъ она пошла въ обмѣнъ, не воплотившись предварительно въ продуктѣ, — тѣмъ менѣе условій для существованія выкупной платы.

Прибыль есть признакъ, указывающій на хозяйственный прогрессъ. Она указываетъ на то, что успѣшность человѣческаго труда увеличилась уже до того, что человѣкъ пересталъ играть роль вещи, что его личная сила, личное достоинство и значеніе признаны.

Обмѣниваться между собой могутъ только субъекты хозяйства, то есть свободные и разумные люди. Когда человѣкъ рабъ, —

тогда онъ вещь, — между рабомъ и свободнымъ человѣкомъ не можетъ быть обмѣна. Когда два человѣка обмѣниваются, то это доказательство, что они оба свободны.

Продажа текущаго труда (труда, невоплотившагося еще ни въ какой продуктъ) составляетъ хозяйственную сущность той сдѣлки, которая на основаніи ея формальныхъ юридическихъ признаковъ въ дѣйствительности называется займомъ или кредитною сдѣлкою. Что кредитъ есть такой мѣновой актъ, въ которомъ характеризующее составляетъ то обстоятельство, что обмѣниваемые объекты суть продукты труда различныхъ моментовъ, времени, — въ настоящее время все болѣе признается (Бунге, Дитцель, Книсъ, Маклеодъ, Шеффле): существующій уже продуктъ обмѣнивается на продуктъ, котораго еще нѣтъ, но который *будетъ* существовать. Конечно, при такомъ пониманіи кредита имѣется въ виду только его *мѣновое* значеніе, а совершенно упускается изъ виду его *производственное* значеніе, которое однако никѣмъ не отрицается. Односторонность новѣйшаго опредѣленія всего лучше доказывается на Меклеодѣ, который отвергаетъ старыя опредѣленія за то, что они признавали кредитъ простымъ трансфертомъ, тогда какъ въ сущности кредитъ есть нѣчто болѣе, нежели простой трансфертъ уже существующихъ благъ; кредитъ самъ есть причина возникновенія новыхъ благъ. Но вслѣдствіе какихъ свойствъ кредитъ можетъ содѣйствовать возникновенію новыхъ благъ, — Маклеодъ не разъяснилъ, такъ-какъ кромѣ передаточной, покупательной силы онъ въ кредитѣ ничего больше не видитъ. Оттого-то эта часть его утвержденій осталась всего болѣе спорною и сомнительною.

Но если мы будемъ даже понимать кредитъ только въ тѣсномъ мѣновомъ его смыслѣ, то все-таки вѣрность выставленнаго положенія, что продажа труда есть кредитная сдѣлка, остается непоколебленной. Въ самомъ дѣлѣ, кредитная сдѣлка есть такая мѣновая сдѣлка, когда съ одной стороны дается готовый

продуктъ (наличный платежъ), а съ другой стороны не дается готовый продуктъ (нѣтъ наличнаго платежа), должно пройдти еще опредѣленное время, прежде чѣмъ будетъ реализовано обязательство. Это время опредѣляется продолжительностью производственнаго процесса. Берущій кредитъ получаетъ готовый продуктъ, котораго иначе онъ не имѣлъ бы *до* окончанія производственнаго процесса. Посредствомъ кредита онъ антиципируетъ этотъ продуктъ; реализація же обязательства совершается, когда производственный процессъ окончится и получается возможность (готовый продуктъ) для уплаты долга. Короче все это резюмируя, мы видимъ, что съ одной стороны дается прошлый трудъ (капиталъ или просто продуктъ), а съ другой стороны отсрачивается на-время полученіе эквивалента. Какъ недавно весьма сильно настаивалъ Шеффле, *въ этой отсрочкѣ* все характеристичное кредита.

Посмотримъ теперь, не представляетъ ли совершенно этому тождественное обмѣнъ труда на продуктъ труда. Съ одной стороны, мы видимъ, что дается готовый продуктъ, воплотившійся прошлый трудъ, — капиталъ по принятой терминологіи; съ другой стороны дается трудъ текущій, еще ни въ какой продуктъ не воплотившійся. Прежде, чѣмъ этотъ текущій трудъ воплотится въ продуктѣ, пройдетъ еще опредѣленное время, именно то время, въ теченіи котораго длится производственный процессъ. Когда этотъ производственный процессъ окончится, тогда купленный текущій трудъ будетъ уже воплощенъ въ продуктѣ. Существенно характеристичныя черты кредита, слѣдовательно, всѣ здѣсь въ наличности: 1) всѣми признано, что затраты на покупку труда составляютъ капиталъ, значитъ есть необходимая съ одной стороны передача капитала; 2) съ другой стороны отсрочка полученія эквивалента обусловливается самою сущностью сдѣлки: покупается *текущій трудъ*, т. е. только не реализованная еще возможность полученія эквивалента, а не самый эк-

вивалентъ. Текущій трудъ самъ по себѣ не есть еще эквивалентъ; ибо вспомнимъ, что эквивалентъ (цѣна) долженъ выражать что-либо, удовлетворяющее конкретной потребности, для удовлетворенія которой человѣкъ затрачиваетъ трудъ, имѣя въ виду чрезъ это получить полезный продуктъ. Этотъ-то полезный продуктъ удовлетворяетъ потребности, а не трудъ.

Мы видѣли, что капиталъ есть сочетаніе текущаго труда съ прошлымъ; если сочетаемый съ прошлымъ трудомъ текущій есть купленный, то капиталъ приноситъ доходъ. Коль-скоро продажа труда есть заемъ или кредитная сдѣлка, то значитъ доходность капитала необходимо предполагаетъ заемъ или кредитъ. То, что никто никогда не могъ объяснить доходности капитала безъ кредита, безъ отсрочки эквивалента, можетъ служить подтвержденіемъ изложеннаго.

Мы представимъ еще одно доказательство, которое вмѣстѣ съ тѣмъ намъ послужитъ большимъ разъясненіемъ положительнаго историческаго значенія дохода съ капитала. Мы видѣли, что этотъ доходъ не обусловливается самою сущностью капитала. Посмотримъ теперь, въ какой связи доходъ съ капитала находится съ кредитомъ.

Въ томъ одностороннемъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимается кредитъ, все, что онъ заключаетъ въ себѣ плодотворнаго, обусловливается тѣмъ, что онъ способствуетъ переходу капитала изъ менѣе производительныхъ рукъ въ болѣе производительныя и искусныя, т. е. чрезъ кредитъ становится возможнымъ извлекать изъ капитала гораздо больше пользы, нежели сколько было бы извлечено безъ него. Въ этомъ вся выгода отъ кредита.

Необходимымъ элементомъ въ кредитѣ считается доходъ съ капитала. Спрашивается, обусловливается ли этотъ элементъ самымъ существомъ кредита, есть ли онъ логически-необходимый, строго вытекающій изъ понятія о кредитѣ,—или же доходъ есть

извнѣ добавленная къ кредиту часть? Если вѣрно первое, то, значитъ, должна быть полная гармонія между послѣдствіями кредита и дохода съ капитала.

Обращаясь къ дѣйствительности, мы замѣчаемъ прямо противуположное: доходъ съ капитала производитъ послѣдствія прямо противуположныя тѣмъ, которыя стремится произвести кредитъ. Если кредитъ увеличиваетъ производительность капитала, то доходъ съ капитала, самъ по себѣ разсматриваемый, ее уменьшаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ рукахъ *A* капиталъ имѣетъ опредѣленную производительность, въ рукахъ *B* онъ имѣетъ большую производительность. Кредитъ есть то средство, помощью котораго *B* получитъ капиталъ и увеличитъ его производительность. Но онъ можетъ получить этотъ капиталъ только подъ условіемъ уплаты дохода съ капитала. Возможность этой уплаты обусловливается *увеличившеюся* производительностью капитала. Но для *B* мѣра, на которую увеличилась производительность капитала, будетъ гораздо меньше настоящей; потому что излишкомъ производительности онъ подѣлится съ *A*. — Мы поэтому и сказали, что уплата дохода уменьшаетъ производительность капитала, разсуждая аналогично тому, какъ обыкновенно разсуждается о патентахъ на изобрѣтенія. Говорятъ, что отсутствіе этихъ патентовъ уменьшаетъ духъ изобрѣтательности, потому что изобрѣтатель безъ патента не имѣетъ никакой выгоды пользоваться своей изобрѣтательностью. Но на этомъ-же основаніи можно сказать, что уплата дохода съ капитала и дѣлежъ результатомъ увеличившейся производительности уменьшаетъ духъ предпріимчивости: чѣмъ *большую* долю нужно будетъ выдѣлять для уплаты дохода съ капитала, тѣмъ *меньше* останется предпринимателю, тѣмъ меньше выгоды пользоваться предпріимчивостью. Совершенно справедливо, что безъ всякой уплаты предпріимчивость не даетъ никакого результата, за неимѣніемъ капитала; тѣмъ не менѣе очевиденъ и

антагонизмъ: чѣмъ *меньше* доля, уходящая на уплату дохода, тѣмъ *больше* доля, остающаяся для предпріимчивости.

Изъ этого вытекаетъ, что *причинною* связью кредитъ съ доходомъ съ капитала соединять нельзя; связь между ними есть, это очевидно: она доказывается дѣйствительностью. Но ее еще нужно отыскать и, что также очевидно, она не можетъ обусловливаться существомъ кредита, это потверждаетъ указанный антагонизмъ. Мы видимъ здѣсь полнѣйшую аналогію того, что намъ представлялось при изслѣдованіи связи капитала съ доходомъ съ капитала. Такъ точно послѣдствія, которыя стремятся произвести капиталъ, противурѣчатъ принципу дохода съ капитала, и искомая связь оказалась не обусловливающеюся существомъ капитала.

Всматриваясь глубже въ уплату дохода съ капитала при кредитѣ, мы замѣчаемъ, что это явленіе заключаетъ въ себѣ сторону, весьма важную въ особенности въ историческомъ отношеніи. При уплатѣ дохода мы видимъ, что человѣкъ, болѣе успѣшно приложившій капиталъ къ дѣлу, подѣлился увеличившеюся производительностью съ тѣмъ, который менѣе успѣшно воспользовался бы капиталомъ. Доходъ съ капитала, такимъ образомъ, есть средство распространить благодѣтельныя послѣдствія кредита не только на болѣе производительныя, но и на менѣе производительныя руки. Безъ дохода съ капитала только однѣ болѣе производительныя руки имѣли бы пользу отъ кредита,— благодаря ему, эта польза распространяется и на менѣе производительныя руки.

Исторически это выражается преобладающимъ вліяніемъ въ народномъ хозяйствѣ класса предпринимателей преимущественно предъ классомъ обладающихъ капиталами. Эти предприниматели внѣшнимъ образомъ управляютъ кредитомъ; оттого и понятіе о кредитѣ составляется съ той точки зрѣнія, съ которой онъ представляется предпринимателю, а не съ той, съ которой онъ представляется по своему существу; то-же самое относится къ займу:

обыденное понятіе о займѣ основано на томъ, что̀ заемъ есть для предпринимателя, а не — что̀ онъ есть по своему существу. Въ самомъ дѣлѣ, простой обмѣнъ *продуктами*, — все равно, составляютъ ли они результаты труда одного и того-же момента времени, или различныхъ моментовъ, — не можетъ иначе имѣть мѣсто, какъ только подъ условіемъ полной эквивалентности: иначе капиталы не будутъ приносить прибыли. Для существованія этой прибыли необходимо сочетаніе прошлаго труда съ купленнымъ текущимъ; нужно, чтобъ *капиталъ*, а не продуктъ, принесъ прибыль. Разновременный обмѣнъ самъ по себѣ еще не влечетъ за собой прибыли, если только этотъ обмѣнъ совершается *продуктами* труда. Смотря на заемъ съ предпринимательской точки зрѣнія, перестаетъ быть удивительнымъ возникновеніе спорнаго вопроса о безпроцентномъ займѣ:[1] между *предпринимателями* могутъ быть, и въ дѣйствительности часто бываютъ, безпроцентные займы: если два предпринимателя часто другъ къ другу обращаются за краткосрочными займами, то имъ нѣтъ никакого интереса брать другъ съ друга проценты.

Кредитомъ, въ которомъ доходъ съ капитала составляетъ существенную часть, представляется только обмѣнъ продукта труда на текущій трудъ.

Въ этомъ случаѣ заемъ является первой логически возможной (и первой исторически) сдѣлкой для человѣка, ставшаго изъ объекта обмѣна его субъектомъ. Ставшій свободнымъ есть возродившійся для новой жизни человѣкъ; новая жизнь между прочимъ проявится въ томъ, что онъ будетъ обмѣниваться съ себѣ подобными, т. е. его ближніе признаютъ въ немъ себѣ равнаго, который важенъ для ихъ собственнаго существованія.

Такимъ образомъ въ мѣновую сферу вступаетъ возродившійся человѣкъ, начинающій свою жизнь именно съ того момента, какъ

[1] *Бунге*, Теорія кредита. 1852. стр. 40 и слѣд. *Вернадскій*—въ критическомъ разборѣ предъидущаго сочиненія. Отеч. зап. 1852. № 11.

онъ вступилъ въ мѣновую сферу. До того момента онъ не жилъ: у него не было свободы,— значитъ, у него не было и хозяйственной жизни.

А между тѣмъ обмѣнъ предполагаетъ человѣка, жившаго еще до того, какъ онъ пошелъ обмѣниваться и свободно до того жившаго. Чтобъ человѣкъ могъ обмѣниваться, ему надо прежде работать и произвести мѣноспособный продуктъ. Надо быть, слѣдовательно, человѣку свободнымъ еще до обмѣна: еще до обмѣна ему надо быть членомъ трудосоединительнаго хозяйства, въ которомъ человѣкъ человѣку помогаетъ, свободный свободному; потому что настоящая хозяйственная подмога есть та, которая оказывается свободнымъ свободному и при производствѣ. Только при такой подмогѣ производственная сила успѣшна и воплощается въ продуктѣ, который долженъ существовать до обмѣна.

Но въ этотъ предшествующій обмѣну моментъ возродившійся человѣкъ не былъ свободенъ; оттого у него не было производственной силы, которая бы воплотилась въ мѣноспособномъ продуктѣ и потому онъ къ обмѣну пришелъ безъ продукта.

Чѣмъ же онъ будетъ обмѣниваться? Вспомнимъ, что̀ значитъ обмѣнъ: это реализированіе каждымъ отдѣльнымъ лицемъ требованія принадлежащей ему доли изъ того, что произведено совокупною дѣятельностію. Это требованіе готоваго продукта: «именно того, который *мнѣ* нуженъ», говоритъ каждое обмѣнивающееся лице. Каждое лице представляетъ свое требованіе на томъ основаніи, что оно его выработало, еще до того затрачивало свою силу и получило право на то, что можно выработать такою затраченною силою.

Возродившіеся люди являются на рынокъ за тѣмъ-же, за чѣмъ и другіе люди; они тоже хотятъ готоваго продукта: по той причинѣ, что безъ готоваго продукта жить нельзя. Но какое они на это имѣютъ право? У нихъ вѣдь даже не было и той силы, которою это право вырабатывается?

До того, какъ эти люди стали свободными и потому возродились, производственная сила была малоуспѣшна; вслѣдствіе этой малоуспѣшности были не свободные люди. Мѣрой успѣшности производственной силы опредѣляется мѣра свободы, то есть количество свободныхъ людей. Значитъ, если это количество увеличилось, и успѣшность увеличилась.

При неуспѣшности нельзя было допустить раба къ обмѣну: неуспѣшность производственной силы этому препятствовала. Если успѣшность мала, то значитъ для раба не вырабатывается мѣновая подкладка свободы. Увеличившаяся успѣшность выработаетъ эту подкладку.

Возродившійся человѣкъ не имѣетъ прошлаго съ хозяйственной точки зрѣнія: это прошлое говоритъ о неуспѣшной силѣ, ни въ чемъ не проявившейся. Но этотъ ставшій свободнымъ человѣкъ именно своей свободой указываетъ на то, что къ обмѣну явился человѣкъ съ успѣшною производственною силой. Она еще не проявилась, но она проявится, это несомнѣнно: это доказываетъ его свобода, которой не было бы, еслибъ сила была безуспѣшна.

Вся надежда, все основаніе права,— несомнѣнное будущее. Къ обмѣну явился человѣкъ съ успѣшной производственной силой, которая дастъ результатъ. Успѣшность, результатъ, гарантируются свободой. Онъ получитъ готовый продуктъ; онъ совершитъ обмѣнъ,— но обмѣнъ особенный: неготовый продуктъ на готовый продуктъ. Онъ сейчасъ-же получитъ готовый продуктъ, но отъ него не получатъ готоваго продукта, онъ даетъ успѣшную производственную силу, которая еще должна быть затрачена, и только по истеченіи времени, въ теченіи котораго длится производственный процессъ, получится готовый продуктъ.

Вотъ *это* значитъ, что возродившійся человѣкъ займетъ на время продуктъ; онъ антиципируетъ свое будущее, беретъ теперь то, за что эквивалентъ получится позже.

Чтобы получить возможность антиципировать свое будущее, продающій трудъ уплачиваетъ доходъ съ капитала. Это приплата съ его стороны, чтобъ его товаръ взяли, — уступка съ цѣны товара, чтобъ открыть ему сбытъ. Доходомъ съ капитала текущій трудъ покупаетъ себѣ мѣсто на рынкѣ; т. е. въ той части хозяйственной сферы, гдѣ онъ индивидуализируется. Чѣмъ далѣе обратно мы подвигаемся въ исторіи, тѣмъ все громаднѣе препятствія къ продажѣ труда: по мѣрѣ увеличенія успѣшности силы человѣка продажа становится все легче; на-оборотъ: чѣмъ менѣе успѣшна сила, тѣмъ менѣе она можетъ быть гарантіей возвращенія эквивалента, тѣмъ болѣе этой гарантіи ищутъ въ личности и свободѣ антиципирующаго.

Но углубляясь далѣе въ анализъ обмѣна текущаго труда на продуктъ, мы замѣчаемъ, что хотя доходъ съ капитала и указываетъ на экономическій прогрессъ, онъ кромѣ того указываетъ на то, что развитіе хозяйства еще не закончилось. Существованіе дохода указываетъ на малую еще успѣшность производственной силы. Слѣдовательно, этотъ доходъ *есть въ одно и то-же время и доказательство возможности хозяйственнаго прогресса и его необходимости.*

Мы видѣли выше, что доходъ съ капитала не имѣетъ никакого вліянія на мѣновой законъ, когда люди обмѣниваются *продуктами труда.* Это значитъ, что между свободными самостоятельными хозяевами обмѣнъ можетъ совершиться такъ, чтобъ сказанный намъ законъ цѣнъ осуществлялся во всей чистотѣ.

Соединяя это съ только-что изложеннымъ, мы можемъ сказать, что *тѣмъ свободнѣе люди, тѣмъ болѣе возможности человѣку жить на счетъ своего труда,* что свобода человѣка и его хозяйственная самостоятельность тѣсно другъ съ другомъ сказаны.

Но, — старая уже исторія, — свобода рядомъ и объ руку съ рабствомъ существовать не можетъ. Тамъ, гдѣ существуетъ ра-

ство и степень свободы носитъ на себѣ слѣдъ рабства. Въ переводѣ на хозяйственный языкъ все это означаетъ, что, такъ-какъ свобода тѣсно связана съ хозяйственною самостоятельностью, а послѣдняя вся опредѣляется успѣшностью производственной силы,— да кромѣ того, такъ-какъ производственная сила мыслима только въ общей, коллективной дѣятельности, которая и составляетъ основаніе хозяйственной солидарности, то— коль скоро въ хозяйствѣ, въ этой совокупной дѣятельности, участвуютъ люди, которые хозяйственно не самостоятельны, это должно отразиться и на благосостояніи самостоятельныхъ.

Вотъ *этотъ-то рефлексъ, это отраженіе бѣды и несчастія тѣхъ, которые хозяйственно несамостоятельны, на тѣхъ, которые поставлены въ лучшую хозяйственную обстановку, и есть колебаніе цѣнъ на продукты.*

Всякій случай колебанія цѣнъ указываетъ на то, что совершился обмѣнъ, въ которомъ нарушенъ основной законъ. Всякій случай колебанія цѣнъ — или случай дороговизны или случай дешевизны. «Дороговизна означаетъ, что одинъ изъ обмѣнивавшихся получилъ меньше, нежели сколько онъ отдалъ. Дешевизна означаетъ, что онъ получилъ больше. Ни одно изъ этихъ явленій не есть продуктъ природы; природа, на-оборотъ, стремится къ установленію такихъ цѣнъ, при которыхъ бы никто изъ обмѣнивающихся не терялъ, а этого не бываетъ при дороговизнѣ и дешевизнѣ. Природа не терпитъ уклоненій отъ закона цѣнъ; оттого, при всякомъ случаѣ дороговизны и дешевизны, прибыль, которую получаетъ продающій дорого, тѣсно связана съ убыткомъ, который несетъ покупающій дорого. Точно также прибыль, которую получаетъ покупающій дешево, влечетъ за собой убытокъ для того, кто продаетъ дешево. Убытокъ и прибыль происходятъ здѣсь оттого, что цѣна уклонилась, колеблется»[1].

[1] *Lotz*, Revision, I. 180—181, 183, 184, 189, 214, 215, 216, 220, 221, 227—228, 230, 235—236, 258, 259 и др.

Такимъ образомъ каждый случай колебанія цѣнъ на продуктъ указываетъ на то, что какой-нибудь частный хозяинъ не можетъ жить только на счетъ своего труда; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на то, что вслѣдствіе этого произошло разстройство въ другомъ частномъ хозяйствѣ; значитъ, онъ указываетъ на два разстройства: одно, существовавшее прежде и вызвавшее его, другое, произшедшее отъ желанія загладить первое.

Колебаніе цѣнъ на продукты показываетъ, что и тѣ лица, которыя хозяйственно лучше обставлены, все-таки не пользуются благосостояніемъ, имѣющимъ твердое основаніе. Это потому, что хозяйственные интересы всѣхъ солидарны: раньше или позже это должно проявиться. Въ колебаніи цѣнъ на продукты мы и видимъ тотъ внѣшній признакъ, чрезъ который становится замѣтнымъ, что не все въ хозяйственномъ организмѣ обстоитъ благополучно, и что все будетъ обстоять благополучно только тогда, когда будетъ хороша хозяйственная обстановка всѣхъ, а не нѣкоторыхъ только. Когда въ хозяйственномъ обществѣ есть лица, которыя дурно удовлетворяютъ своимъ потребностямъ, тогда будетъ колебаться и благосостояніе избранныхъ,— это благосостояніе будетъ шаткое.

Намъ теперь нужно показать, какимъ образомъ солидарность хозяйственныхъ интересовъ производитъ эту шаткость,—то есть какимъ образомъ та-же причина, которою обусловливается бѣда и несчастіе худо обставленныхъ, производитъ и колебаніе въ благосостояніи лучше обставленныхъ. Мы видѣли, что эта причина — неуспѣшность производственной силы; чтобъ показать какимъ образомъ эта-же неуспѣшность производитъ и колебаніе цѣнъ на продукты, нужно составить себѣ болѣе ясное понятіе объ этой успѣшности.

Производственная сила, которою держится все хозяйство, по существу своему—коллективная дѣятельность. Люди могутъ стремиться къ удовлетворенію своихъ потребностей только въ томъ

случаѣ, когда они соединяютъ свой трудъ; въ этомъ соединеніи вся сила. Чѣмъ разрозненнѣе дѣятельность людей, тѣмъ меньше они достигнутъ успѣха, то есть тѣмъ менѣе успѣшность ихъ производственной силы. Чѣмъ, на-оборотъ, болѣе сплочена въ одно цѣлое дѣятельность людей, тѣмъ болѣе возможности добиться цѣли, тѣмъ успѣшнѣе производственная сила. Успѣшность производственной силы, значитъ, тождественна съ соединенностью труда различныхъ людей.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что эта успѣшность только инымъ образомъ выражаетъ хозяйственное развитіе людей, ихъ хозяйственную разумность. Мы показали, какъ нераздѣльны въ хозяйствѣ дѣятельность и разумность: послѣдняя только въ первой и проявляется, съ хозяйственной точки зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія все равно, говоримъ ли мы, что человѣкъ разумнѣе, или что онъ успѣшнѣе трудится.

Производственную силу люди имѣютъ всегда, на всѣхъ степеняхъ развитія. Можетъ быть Бастіа правъ, говоря, что количественная доля производственной силы отдѣльнаго человѣка не мѣняется[1]. Но когда человѣкъ не развитъ, то природа надъ нимъ властвуетъ; онъ ей подчиняется, вмѣсто того, чтобъ она ему подчинялась. Когда человѣкъ развитъ, онъ знаетъ природу, онъ тогда все принимаетъ въ разсчетъ и сообразно съ этимъ затрачиваетъ свою дѣятельность. Когда онъ не все знаетъ, онъ принимаетъ въ разсчетъ только то, что онъ знаетъ изъ касающагося до его даннаго дѣла; не отъ его воли зависитъ, чтобъ обстоятельства, которыя онъ по незнанію не принялъ въ разсчетъ, на самомъ дѣлѣ не принимали участія въ исходѣ дѣла. Помимо его воли обстоятельства примутъ это участіе, и исходъ дѣла будетъ не таковъ, какъ онъ разсчитываетъ.

Такимъ образомъ, если статистика намъ показываетъ, что послѣ неурожая смертность увеличилась, то мы добавочную сум-

[1] *Bastiat*, VI, 343.

му смертныхъ случаевъ можемъ разсматривать, какъ налогъ, который люди должны платить природѣ, находясь въ зависимости отъ нея. Неурожай показываетъ, что количество произведеннаго хлѣба уменьшилось, то есть, что опредѣленная сумма труда потрачена была безъ результата. А такъ-какъ этимъ результатомъ разрѣшается вопросъ о жизни и смерти, — то понятно, почему появилась добавочная сумма смертныхъ случаевъ.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что все равно, говоримъ ли мы объ успѣшности производственной силы, о разумной дѣятельности или о тѣсно соединенной дѣятельности—во всякомъ случаѣ мы выражаемъ одно и то-же. Коль скоро существуетъ одно изъ нихъ, существуютъ и остальныя, и въ той мѣрѣ, въ какой существуетъ одно изъ нихъ, существуютъ и остальныя.

Посмотримъ теперь, какъ будетъ обставленъ обмѣнъ, то есть: что произойдетъ съ цѣною вещей, при гипотезѣ неуспѣшности производственной силы.

Неуспѣшность производственной силы проявляется въ томъ, что люди затрачиваютъ эту силу не такъ, какъ слѣдуетъ: тратятъ ее понапрасну; а такъ-какъ эта неуспѣшность тождественна съ мало соединенною дѣятельностью, то, значитъ, мало соединенная дѣятельность означаетъ затрату силы *не такъ, какъ слѣдуетъ*. Но этимъ послѣднимъ мы выражаемъ, что есть какая-то норма, съ которою должны были бы сообразоваться люди при затратахъ; норма же предполагаетъ однообразіе, постоянство. Отсутствіе этой нормы, влекущее за собой неразумную затрату силы, показываетъ, что люди дѣлаютъ свои затраты неравномѣрно, неоднообразно; для производства единицы извѣстной полезности они затрачиваютъ то одно количество труда, то другое въ одно и то-же время. Въ этомъ и выражается неуспѣшность производственной силы, худое состояніе хозяйственнаго организма.

Въ самомъ дѣлѣ, простое сравненіе съ частнымъ хозяйствомъ

отдѣльнаго человѣка убѣдить въ вѣрности этого. Когда мы говоримъ о хозяйствѣ человѣка, что оно находится въ хорошемъ состояніи? Тогда, когда хозяинъ — разумный человѣкъ. Признакъ, по которому мы это узнаемъ, заключается въ порядкѣ, какой имѣется въ его хозяйствѣ: разумный хозяинъ всегда въ состояніи сказать, какія затраты требуются для добыванія всякой вещи. О порядочности хозяина мы судимъ потому, болѣе ли, или менѣе велики его познанія о соотношеніи между средствами, которыми онъ располагаетъ, и его потребностями; онъ напередъ знаетъ, сколько ему нужно дѣлать затратъ для данной цѣли. Дурной хозяинъ тотъ, кто съ одною и тою-же цѣлью дѣлаетъ разъ одни расходы, въ другой разъ другіе, — не будучи самъ въ этомъ виноватъ, — то есть, кто вслѣдствіе отсутствія предусмотрительности не можетъ установить однообразія въ затратахъ. Это отсутствіе однообразія въ свою очередь мѣшаетъ ему предусматривать; это значитъ, онъ не можетъ разсчитывать, а въ этомъ разсчетѣ вся суть хозяйственности.

Дурной хозяинъ, сказали мы, дѣлаетъ разъ больше расхода, въ другой разъ меньше, — это значитъ: онъ бываетъ то болѣе, то менѣе разуменъ въ хозяйственномъ отношеніи. То, что говорится о человѣкѣ, который въ различныя времена бываетъ то болѣе, то менѣе разуменъ, вполнѣ прилагается къ обществу, которое состоитъ изъ болѣе или менѣе хозяйственныхъ лицъ, болѣе или менѣе предусмотрительныхъ въ данное время: для данной цѣли дѣлающихъ различныя затраты. Въ обществѣ какъ цѣломъ, отдѣльная воля стирается, хозяйственность обусловливается общимъ состояніемъ совокупнаго, такъ сказать, разума. Но это ничуть не мѣшаетъ тому, чтобы нехозяйственность выражалась такъ-же, какъ и въ частномъ хозяйствѣ; — то есть и въ обществѣ, гдѣ нехозяйственность тождественна съ неуспѣшностью производственной силы, эта нехозяйственность выражается въ отсутствіи однообразія при затратахъ для одной и той-

же цѣли. Какъ въ частномъ хозяйствѣ не все обстоитъ благополучно, потому что субъектъ его не во всѣ времена одинаково хозяйственъ, такъ и въ цѣломъ хозяйственномъ организмѣ не все обстоитъ благополучно (производственная сила неуспѣшна) потому, что его субъектъ,—отдѣльныя лица, образующія его, не всѣ одинаково хозяйственны, т. е. не всѣ дѣлаютъ одинаковыя затраты, для одной и той-же цѣли.

Разнообразіе въ основныхъ качествахъ и склонностяхъ отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ въ совокупности хозяйственный организмъ, есть одинъ изъ первичныхъ фактовъ, который признается какъ такой первичный фактъ и служитъ основой дальнѣйшихъ изслѣдованій. Этимъ разнообразіемъ обусловливается исключительная успѣшность силъ отдѣльныхъ лицъ въ опредѣленныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Когда каждая отдѣльная сила занята въ той именно отрасли, въ которой она наиболѣе успѣшна,—то мы можемъ говорить, что всѣ силы одинаково успѣшны. Но коль-скоро сила отдѣльнаго лица, исключительно успѣшная въ одной отрасли, занята между тѣмъ въ другой отрасли,—то она, понятно, будетъ давать гораздо меньше полезныхъ результатовъ, нежели сколько даетъ сила, работающая въ этой отрасли, потому что именно на это она пригодна по своимъ свойствамъ. Неодинаковая успѣшность силъ отдѣльныхъ лицъ не можетъ имѣть какого-либо другаго основанія, кромѣ нераціональнаго распредѣленія силъ между различными отраслями,—т. е. такого распредѣленія, которое несообразно съ тѣми, на что каждая отдѣльная сила пригодна по своимъ свойствамъ. Сила человѣка есть разумная сила и эта разумность обезпечиваетъ ея успѣшность; только отсутствіе разумности (нераціональность) можетъ лишить ее успѣшности. На хозяйственномъ же языкѣ раціональность выражается именно въ такой затратѣ силы, при которой получается наибольшая сумма пользы. Слѣдовательно, если мы встрѣчаемся съ неуспѣшнымъ результа-

томъ, то, — имѣя въ виду, что успѣшность обезпечивается разумностью, — мы можемъ неуспѣшность отнести только на счетъ дурной затраты силы, а не винить самую силу. Если мы встрѣчаемъ, что двѣ силы, затраченныя съ одною и тою-же цѣлью, дали различные результаты, то мы неуспѣшность одной изъ нихъ должны приписать дурному ея употребленію тамъ, гдѣ она сравнительно мало успѣшна.

Такимъ образомъ, когда мы совокупную дѣятельность разбиваемъ на части, то есть смотримъ на нее съ точки зрѣнія частнаго хозяйства, то неуспѣшность производственной силы проявляется въ различіи, которое замѣчается въ затратахъ, дѣлаемыхъ различными производителями для производства одной и той-же единицы полезности.

Теперь посмотримъ, какъ будетъ опредѣляться цѣна этой единицы. Мы видѣли выше, что неуспѣшность производственной силы имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что люди не признаютъ эту силу за основаніе своего хозяйства. Только поздно они начинаютъ понимать, что даже и то малое, которое у нихъ было, они имѣли благодаря, хотя и неуспѣшной, да все-таки производственной своей силѣ. Но до тѣхъ поръ они признаютъ другія хозяйственныя основанія.

Поэтому-то, существенный хозяйственный признакъ вещей, имѣющихъ цѣну, мѣноспособность, основывается не на трудѣ; когда производственная сила мало успѣшна, то есть когда она даетъ мало полезныхъ результатовъ, каждый изъ этихъ результатовъ становится болѣе дорогимъ. Исходомъ производства, его результатомъ, то есть продуктомъ, рѣшается вопросъ о жизни и смерти. Понятно, почему значеніе этого продукта преувеличивается, почему это значеніе болѣе того, которое придается самой производственной силѣ. Послѣдняя уходитъ на задній планъ, главную роль разыгрываетъ продуктъ, вещь.

Вещь дороже человѣка въ этомъ случаѣ: это и выражаетъ

сказанное нами выше, что когда производственная сила мало успѣшна, когда человѣкъ неразвитъ, тогда онъ себя унижаетъ и ставитъ выше себя внѣшнія силы. Человѣкъ тогда мало силенъ: это означаетъ, что онъ менѣе разуменъ, въ немъ менѣе нравственной силы.

Оттого внѣшнія формальныя условія, которыя отпечатлѣваются на продуктѣ, обусловливаютъ его мѣноспособность, а не тѣ внутреннія причины, благодаря которымъ появился продуктъ. Вѣдь эти внутреннія причины не всегда проявляются, потому что исходъ производства не всегда одинаково успѣшенъ. Удивительно ли, что неразвитой человѣкъ на нихъ обращаетъ меньше вниманія?

Такимъ образомъ, при установленіи мѣноспособности, производственная сила уступаетъ первое мѣсто; это значитъ, что личность производителя стирается: его вліяніе уступается внѣшнимъ формальнымъ условіямъ.

Вслѣдствіе неуспѣшности производственной силы два отдѣльныхъ хозяина затратили неодинаковыя количества этой силы на производство одной и той-же суммы полезности; предположимъ, что при затратѣ одинаковыхъ суммъ труда одинъ изъ нихъ получилъ вдвое болѣе полезныхъ благъ, нежели другой. Еслибъ производственная сила, то есть личность производителя, была законодательствующею и обусловливала бы мѣноспособность, — то, понятно, оба количества имѣли бы одинаковое хозяйственное значеніе, то есть размѣръ мѣноспособности обоихъ количествъ былъ бы одинаковъ. Но мѣноспособность обусловливается не производителемъ, а продуктомъ. Поэтому разность между результатами производства обоихъ хозяевъ будетъ имѣть свое особое хозяйственное значеніе: она будетъ имѣть свою особую мѣноспособность, а слѣд. и особенный размѣръ мѣноспособности, то есть особую цѣну.

Причина заключается въ томъ именно, что прежде, нежели

заходитъ рѣчь о цѣнѣ продукта, должна заходить рѣчь о его мѣноспособности, а въ установленіи этой мѣноспособности главную роль играютъ внѣшнія формальныя условія, а не отдѣльный человѣкъ и его дѣятельность, т. е. не частный хозяинъ. Не въ субъектѣ хозяйственномъ основаніе мѣноспособности, а во внѣшнихъ формахъ, - потому что послѣднія считаются за хозяйственный центръ тяжести, въ которомъ вся сила, а не первый.

Но внѣшній признакъ, по которому мы узнаемъ, что извѣстная сумма полезности имѣетъ свою мѣноспособность, заключается въ томъ, что она имѣетъ цѣну, — и коль-скоро вся важность въ мѣноспособномъ продуктѣ, а не въ дѣятельности, которая его произвела, — то послѣдняя не будетъ вліять на то, чтобъ двѣ единицы одной и той-же полезности, произведенныя различными количествами труда, имѣли различную цѣну. *Цѣна ихъ будетъ одинакова, потому что продуктъ одинаковъ*, а въ этомъ и вся сила.

Понятно, что цѣна должна будетъ быть достаточно высокой, чтобъ покрыть затраты; а такъ-какъ эти затраты были различныя, то цѣна должна будетъ сообразоваться съ наивысшими изъ нихъ.

Цѣны двухъ единицъ одной и той-же полезности не будутъ различны, потому что не въ различіи затратъ вся сила, а въ тождественности полезности. Но одинаковость цѣнъ проявится именно въ томъ, что единица, произведенная съ меньшею затратой, будетъ имѣть ту-же цѣну, что и единица, произведенная съ большею затратой. Одинаковость цѣнъ не можетъ проявиться въ томъ, что произведенная съ большими затратами единица будетъ имѣть ту-же цѣну, что и произведенная съ меньшими затратами: въ такомъ случаѣ цѣна не покроетъ затратъ, значитъ ихъ больше не будутъ дѣлать, а мы говоримъ о такомъ производствѣ при малой успѣшности: значитъ, когда затраты эти необходимо должны существовать, необходимо должна быть и цѣна, ихъ покрывающая.

Такимъ сбразомъ мы имѣемъ предъ собой новый видъ нарушенія мѣноваго закона. Но это нарушеніе, по непосредственной своей причинѣ, разнится отъ разсмотрѣннаго нами нарушенія мѣноваго закона относительно труда. Тамъ непосредственная причина нарушенія заключалась въ томъ, что трудъ вступаетъ въ мѣновую сферу; въ трудѣ была причина колебанія цѣнъ. Здѣсь нарушается мѣновой законъ по отношенію къ продукту труда. Два производителя, объмѣниваясь продуктами, не могутъ совершить этого обмѣна, чтобы при этомъ осуществился во всей чистотѣ мѣновой законъ. Основная причина и здѣсь, и тамъ одинакова: неуспѣшность производственной силы.

Но это нарушеніе имѣетъ еще и то общее съ прежде разсмотрѣннымъ, что только по видимому мѣновой законъ не дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ.

Тамъ мы заключали о дѣйствіи мѣноваго закона потому, что нарушеніе его не осталось безнаказаннымъ; убытокъ, служащій наказаніемъ за нарушеніе, былъ доказательствомъ того, что законъ все-таки дѣйствуетъ. И въ данномъ случаѣ, мы по тому же признаку можемъ убѣдиться, что законъ продолжаетъ дѣйствовать. И здѣсь нарушеніе не остается безнаказаннымъ.

Намъ нужно теперь доказать существованіе этого убытка и то, что онъ уплачивается продуктами. Тогда дѣйствительно можно будетъ считать за доказанное, что та-же самая причина, которая лежитъ въ основаніи дурной обстановки продающихъ трудъ, производитъ шаткость въ благосостояніи лучше обставленныхъ.

Лучшая обстановка проявляется въ владѣніи продуктомъ; потому что продуктъ есть доказательство успѣшной производственной силы. Что колебаніе цѣнъ на продукты убыточно, и именно для владѣющихъ продуктомъ, доказываетъ ежедневная практика. Въ дѣйствительности слово *убытокъ* прилагается именно къ тѣмъ потерямъ, которыя несутъ продающіе невыгодно товаръ, продуктъ. Практика иначе не понимаетъ убытка. Слѣду-

ющій примѣръ покажетъ, что практика въ данномъ случаѣ не ошибается. Для краткости, владѣющихъ продуктами мы назовемъ капиталистами.

Предположимъ себѣ небольшое общество, состоящее изъ 10 капиталистовъ и 50 некапиталистовъ, которые имѣютъ для продажи одинъ только трудъ. Понятно, что обмѣнъ продуктами будутъ совершать между собой только капиталисты. Эти продукты они получатъ отъ затраты своего собственнаго и купленнаго труда.— Предполагая по 360 дней на человѣка, общество располагаетъ силой въ 21600 дней, изъ которыхъ 18000 — купленныхъ.

Мы предполагаемъ, что каждый капиталистъ покупаетъ 1800 дн., платя за каждый день $^1/_3$ того, что можно произвесть въ этотъ день. Слѣдовательно, каждый капиталистъ имѣетъ 1200 дней прибыли.

Изъ 10 капиталистовъ 4 заняты производствомъ такой полезности, которая, вслѣдствіе неуспѣшности производственной силы нашего общества, требуетъ различныхъ затратъ на производство данной единицы этой полезности. Другіе 6 капиталистовъ производятъ остальныя необходимыя полезности.

Изъ 4 указанныхъ капиталистовъ двое затрачиваютъ купленные каждымъ изъ нихъ 1800 дней труда, такъ-что на каждую единицу полезности уходитъ 10 дней труда. Другіе два капиталиста, помощью купленныхъ каждымъ изъ нихъ 1800 дней труда, производятъ не по 180 единицъ этой полезности, а по 120; значитъ, на каждую единицу уходитъ 15 дней труда. Сообразно съ этимъ и цѣна единицы полезности будетъ 15 дней труда. Послѣдніе два капиталиста только при такой цѣнѣ будутъ производить. Въ такомъ случаѣ каждый изъ нихъ отдаетъ свою единицу полезности только тогда, если ему въ замѣнъ ея дадутъ тоже продуктъ 15 дней. Только при такомъ условіи будетъ совершаться обмѣнъ продуктовъ на продукты.

Первые два капиталиста однако будутъ продавать свои про-

дукты по той-же цѣнѣ. Мы уже показали, почему одна и таже полезность не можетъ имѣть двухъ цѣнъ. Значитъ, за продуктъ 10 дней каждый изъ первыхъ двухъ капиталистовъ получитъ, при обмѣнѣ на продукты, то, что произведено въ 15 дней. Купившій у одного изъ нихъ, значитъ, отдаетъ произведенное имъ въ 5 дней, а въ-замѣнъ этого не получитъ произведеннаго этими капиталистами въ 5 дней. Эти пять дней составятъ убытокъ для купившаго и прибыль для продавшаго.

Очевидно, что эту прибыль намъ нужно отличать отъ той, которую получаетъ капиталистъ, когда покупаетъ трудъ. Эта новая прибыль получена на обмѣнѣ продукта. До обмѣна продукта на другой продуктъ она не существовала. Но мы въ концѣ концовъ можемъ свести ее на прежнюю прибыль. Въ самомъ дѣлѣ, капиталистъ получаетъ первую прибыль покупая на свой продуктъ трудъ. Какъ-скоро у него отнимается продуктъ, у него отнимается прибыль.

Такимъ образомъ новая прибыль происходитъ отъ перемѣщенія продукта изъ одного хозяйства въ другое, а не отъ увеличенія всей суммы прибыли. Старая сумма распредѣляется по новому. Въ самомъ дѣлѣ, два капиталиста, которые производили съ меньшими затратами, получатъ за свои продукты не 180×10 дн., а 180×15 дн. $= 2700$ дней вмѣсто 1800, т. е. лишнихъ 900 дн. труда. Такъ-какъ другіе два капиталиста получатъ $120 \times 15 = 1800$ дн., которые они дотратили, то для остальныхъ шести останется уже не $18000 - 7200$, а $18000 - (7200 + 900) = 9900$. Это значитъ, что не остается уже больше столько мѣноспособнаго труда, чтобъ каждый изъ шести капиталистовъ могъ купить по 1800 дн. Каждый изъ нихъ уже можетъ купить меньше, и сообразно съ этимъ уменьшится и прибыль съ его капитала, т. е. онъ понесетъ убытокъ, который перепадетъ каждому изъ тѣхъ двухъ капиталистовъ,

которые произвели свои продукты съ затратами меньшими, нежели цѣна.

Выгода, которую отъ этого получатъ капиталисты, есть рента. Изъ сказаннаго явствуетъ, что въ принципѣ рента и доходъ съ капитала тождественны. [1].

Оба они суть послѣдствія неуспѣшности производственной силы. Мы видѣли, что чѣмъ меньше эта неуспѣшность, т. е. чѣмъ болѣе производится продуктовъ, тѣмъ менѣе случаевъ возникновенія прибыли съ капитала-продукта. Но чѣмъ успѣшнѣе производственная сила, тѣмъ такъ-же менѣе будетъ случаевъ возникновенія ренты, т. е. прибыли на товарѣ-продуктѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, то, что два капиталиста затрачиваютъ на производство полезности 10 дней труда, а другіе два затрачиваютъ 15 дней, указываетъ на неуспѣшность производственной силы. Мы видимъ здѣсь, что помощью 10 дней можно произвести такую единицу; значитъ 5 лишнихъ дней, затрачиваемые послѣдними двумя капиталистами, затрачиваются неуспѣшно: они собственно не даютъ никакого продукта. Эти 5 дней составляютъ тотъ налогъ, о которомъ мы сказали выше, что его приходится платить природѣ, когда человѣкъ находится въ зависимости отъ нея, — налогъ *натуральный*, въ буквальномъ смыслѣ, потому что онъ платится натурой человѣка, его трудомъ, т. е. жизнью.

Рента есть доказательство, что этотъ налогъ существуетъ; въ настоящее время статистика уже въ состояніи отдать численный отчетъ объ этомъ налогѣ. Въ первой главѣ мы привели достаточно доказательствъ этого.

Но рента не есть этотъ налогъ. Ренту получаютъ люди, налогъ — природа; не смотря на то, что рента есть нѣчто отдѣльное отъ того, что мы назвали налогомъ, у насъ хотѣли вы-

[1] *Mannequin.* I 462.

вести,[1] что этотъ налогъ собственно и составляетъ ренту, а «коль скоро политико-экономы называютъ рентой не этотъ налогъ, а что-то другое, то это доказываетъ только, что политико-экономы худо сосчитываютъ ренту, что она гораздо больше, нежели сколько они полагаютъ».

Ошибочность этого очевидна изъ вышесказаннаго; въ приведенномъ примѣрѣ общество располагало 21600 днями труда. Изъ нихъ, вслѣдствіе неуспѣшности производственной силы, теряются 600 дней, что отражается на результатѣ производства: вторые два капиталиста производятъ не по 180 единицъ полезности, а только по 120. Эти 600 дней и составляютъ потерю для общества. *Но 900 дней, которые получаются рентой, воплотились въ продуктахъ, они не теряются. Обществзо ихъ потребляетъ.* Эти 900 дней составляютъ ренту именно потому, что они воплотились въ продуктахъ. Ренту платятъ болѣе обезпеченные, т. е. владѣющіе продуктами. Потому, что они платятъ ренту продуктами, именно потому они и несутъ убытокъ, т. е. ихъ благосостояніе шатко.

На производство 120 дней полезности послѣдніе два капиталиста должны затратить по 1800 дней труда; первые два — только по 1200; но ихъ продукты будутъ имѣть одну и ту-же цѣну. Значитъ, послѣдніе два капиталиста выручаютъ лишніе 600 дней труда, это и составитъ ихъ ренту. На производство еще 60 ед. послѣдніе два должны затратить по 900 дней, первые два по 600; отсюда новая рента въ 300 дней. Итого, если первые два капиталиста производятъ по 180 единицъ полезности, у каждаго изъ нихъ ренты по 900 дней труда. То есть каждый изъ нихъ получитъ продукты 900 дней труда, хотя онъ самъ не дастъ ни одного дня за это.

[1] *Жуковскій*, Смитовское направленіе и позитивизмъ въ экон. наукѣ. Совр. 1863 №№ 10, 11 и 12. *Его-же*, Обмѣнъ и элементы производства. Совр. 1864 г. № 1.

При производствѣ 480 ед. полезности, вслѣдствіе неуспѣшности производственной силы, — вслѣдствіе того, что сила направлена не туда, куда слѣдуетъ, — происходитъ растрата этой силы безъ послѣдствій; теряется именно 1200 дней труда. Если бы и произведено было только 480 ед , и притомъ каждымъ изъ капиталистовъ по 120 ед., тогда и рента равнялась бы 1200 дней труда. Вотъ такой случай, *когда болѣе хозяйственные и менѣе хозяйственные производятъ одну и ту-же сумму* полезности и взялъ г. Жуковскій, а такъ-какъ въ этомъ случаѣ рента, да налогъ составляютъ 2×1200, то онъ и утверждалъ, что *рента вдвое болѣе, нежели ее считаютъ экономисты.*

Но мы уже показали, что 1200 дней труда налога нельзя сопоставлять съ 1200 дн. ренты. Ихъ нельзя соединять, какъ это дѣлаетъ Г. Жуковскій, потому что первые выражаютъ абсолютную потерю, а послѣдніе только относительную, т. е. только для однихъ это потеря, для другихъ — выигрышъ.

Возникновеніе ренты въ какой-нибудь отрасли производства есть доказательство, что эта отрасль — мало хозяйственна, она доказываетъ, что производствомъ извѣстныхъ полезностей занимаются хозяйства, которыя не могутъ вести своихъ занятій безъ растраты силъ. Рента, значитъ, есть признакъ, по которому люди узнаютъ слабыя мѣста въ производственномъ хозяйствѣ.

Но это указываетъ вообще всякая высокая цѣна. Высокая цѣна указываетъ, что затрачивается слишкомъ много производственной силы. Она указываетъ на то, что хозяйственныя средства, вся суть которыхъ въ сбереженіи *производственной силы* (NB: а не продуктовъ), должны быть направлены на ту отрасль, въ которой производятся вещи съ высокой цѣной. — Но эта-же неуспѣшность производитъ ренту. Въ самомъ дѣлѣ, практика всегда считаетъ высокую цѣну убыточной, а признакъ, по которому она судитъ - не количество производственной силы, а именно рента.

Мы указывали на то, что доходъ съ капитала выражаетъ и необходимость, и возможность хозяйственнаго прогресса. Точно такъ и рента указываетъ на необходимость прогресса и вмѣстѣ съ тѣмъ сама заключаетъ въ себѣ элементъ, ее уничтожающій, значитъ—и тѣ причины, которыя ее порождаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если рента есть доказательство, что въ извѣстной отрасли приходится платить еще природѣ дань, то сама рента есть какъ-бы покровительственная пошлина, которую получаютъ производящіе съ меньшими затратами [1]. Но чѣмъ больше люди будутъ гоняться за этою пошлиной, тѣмъ больше они будутъ стараться производить съ меньшими затратами, тѣмъ больше, значитъ, они будутъ заботиться объ увеличеніи успѣшности производственной силы, а это уменьшаетъ возможность возникновенія ренты [2].

И это понятно: чѣмъ больше будутъ люди стараться производить данную полезность малыми затратами, тѣмъ меньше будетъ нужды въ производящихъ съ большими затратами, а вѣдь послѣднія и суть непосредственная причина ренты.

Мы изложили ученіе о рентѣ нѣсколько не такъ, какъ оно изложено у Рикардо и какъ его излагали позднѣйшіе его послѣдователи. Думаемъ, однако, что чрезъ это оно нисколько не пострадало и главное, что имѣлъ въ виду Рикардо, когда онъ излагалъ ученіе о рентѣ, именно ея значеніе для теоріи цѣнъ, ясно и изъ нашего изложенія. Конечно, не безъ основанія Рикардо вслѣдъ за ученіемъ о цѣнности излагаетъ ученія о рабочей платѣ, прибыли и рентѣ. Безъ этихъ ученій не понятно ученіе о цѣнѣ и въ-особенности ученіе о колебаніи цѣнъ. Кто читаетъ Рикардо, имѣя въ виду эту связь, тотъ найдетъ у не-

---

[1] *Schäffle*, Die Nationaloekonomie. S. 140; *Mangoldt*, Grundriss d. V.-W.-L. S. 150—151.

[2] Ib.

го теорію цѣнъ, которая не имѣетъ себѣ подобной въ литературѣ политической экономіи [1].

Излагая ученіе о рентѣ, мы приняли за основаніе ея не то, что принимаетъ Рикардо; отсюда коренная разница во взглядахъ на нее. Рикардо полагалъ, что основаніе ренты въ естественномъ фактѣ — неравномѣрномъ распредѣленіи силъ природы. Такъ-какъ это фактъ повсемѣстный и вѣчный, необусловливающійся волей человѣка, то отсюда слѣдуетъ, что и рента есть хозяйственная категорія логическая, неизбѣжная.

Но Рикардо понималъ, что интересы получающихъ ренту идутъ въ-разрѣзъ съ интересами тѣхъ, которые ее платятъ, онъ понималъ, что рента выгодна только для получающихъ, но наоборотъ убыточна для платящихъ ее. Полагая, что рента имѣетъ свое основаніе въ естественномъ фактѣ, онъ такимъ образомъ возводилъ въ принципъ антагонизмъ хозяйственныхъ интересовъ.

Понятно, почему Кэри и Бастіа не могли принять такой теоріи, которая утверждала, что по закону природы интересы хозяйственныхъ классовъ антагонистичны. Эти писатели лучше другихъ понимали невѣрность такого утвержденія; они превосходно умѣли доказать, что вѣрно прямо противуположное: что всѣ хозяйственные интересы въ сущности гармонируютъ другъ съ другомъ. Такіе писатели не могли согласиться съ Рикардо.

Но, отвергая совершенно ренту, какъ фактъ, они впали въ другую крайность. Они сдѣлали ту-же ошибку, которую дѣлалъ Рикардо: этотъ послѣдній забывалъ совершенно о томъ, что хозяйство развивается, что слѣдовательно — если рента явленіе для нѣкоторыхъ убыточное, то оно можетъ существовать только въ извѣстное время, — что рента есть историческая категорія. Но и Бастіа и Кэри, отвергая ренту, какъ фактъ, также от-

---

[1] *Roscher*, I, 201 (§ 107, nota 2).

рицали значеніе исторіи, значеніе хозяйственныхъ фактовъ, которые обусловливаются тѣмъ, что человѣкъ развивается.

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ, когда обѣ спорящія стороны теряютъ изъ виду исторію, когда забывается самое важное — что у человѣка есть умъ, который развивается, — споръ можетъ длиться до безконечности, и въ результатѣ ничего полезнаго для науки не выйдетъ.

Единственное средство добиться опредѣленнаго результата было свести ренту съ того основанія, на которое ее поставилъ Рикардо. Рента не есть послѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія силъ природы, а послѣдствіе неуспѣшности производственной силы человѣка.

Все, что ни происходитъ въ хозяйствѣ, обусловливается человѣкомъ: отъ него зависитъ все дурное и хорошее; все зависитъ отъ степени развитія его разума, то есть отъ его умѣнія употреблять свои собственныя силы съ пользою. Не во внѣшнихъ силахъ основаніе его благосостоянія, а въ его собственныхъ, которыя одни только разумны. Въ этой разумности вся сила; это та-же самая разумность, которая, переведенная на другой языкъ, означаетъ нравственность, а на хозяйственномъ языкѣ называется *производительностью*.

Производительная сила — это то-же самое, что умственная сила, что нравственная сила. Все это не названія различныхъ силъ, а одной и той-же, только съ различныхъ точекъ зрѣнія.

У одного только человѣка есть и нравственная и умственная сила, въ настоящемъ смыслѣ слова. Это признаютъ всѣ, поэтому всѣ должны признать, что у одного только человѣка есть производительная сила, что имъ однимъ все держится въ хозяйствѣ, что онъ центръ этого хозяйства, что къ нему, въ концѣ концовъ, должно быть отнесено все, что мы ни замѣчаемъ въ хозяйствѣ.

Рикардо принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ писателямъ, кото-

рые твердо держались этого взгляда; за это его и слѣдуетъ признать величайшимъ политико-экономомъ XIX вѣка. Въ теоріи ренты онъ отступилъ отъ своего основнаго взгляда, — вотъ почему онъ говоритъ объ исключеніяхъ, которыя будто бы нельзя объяснить указаннымъ имъ закономъ цѣнъ. Во всѣ эти исключенія вмѣшивается рента, а эту ренту онъ забылъ привести къ тому знаменателю, которымъ знаменуется все хозяйственное, къ силѣ человѣка и ея успѣшности.

Но кромѣ того ученіе о рентѣ, изложенное Рикардо, страдаетъ другимъ недостаткомъ, или, вѣрнѣе, неполнотой.

Неравномѣрное распредѣленіе силъ природы нельзя считать причиной ренты уже потому, что это распредѣленіе существуетъ и до обмѣна. Мальтусъ [1] поэтому послѣдовательнѣе Рикардо, когда онъ, называя ренту послѣдствіемъ степени плодородія участка, имѣлъ въ виду абсолютное плодородіе участка; такимъ образомъ онъ принималъ существованіе ренты помимо обмѣна. Оспаривая Мальтуса, доказывая, что рента есть послѣдствіе не абсолютнаго, а относительнаго плодородія участка [2], Рикардо ставилъ въ зависимость ренту отъ обмѣна. Онъ въ самомъ дѣлѣ утверждалъ, что рента есть послѣдствіе, а не причина высокой цѣны; на это положеніе онъ часто настаивалъ; оно считается существенно-важнымъ въ ученіи о рентѣ и повторяется всѣми приверженцами Рикардо [3].

Не всякая цѣна имѣетъ своимъ послѣдствіемъ ренту, но тѣмъ не менѣе рентѣ должна предшествовать цѣна, извѣстная цѣна или извѣстная оцѣнка. Еслибъ Рикардо, или его послѣдователи,

---

[1] *Malthus*, 125 sqq.

[2] *Ricardo*, 376.

[3] См. напр. *J.-St.-Mill*, 340, и *Roscher*, I. 308. *A. Smith*, I, 263; кромѣ этого часто цитируемаго мѣста Смитъ говоритъ о рентѣ, какъ о послѣдствіи цѣнъ, II, 131. Это признаетъ даже и противникъ Рикардо *Schutz*, Ueber die Renten etc. въ Tüb. Zeit. XI. 180.

объяснили, какъ появляется эта цѣна и почему она появляется, тогда можно было бы сказать, что рента объяснена. Какая именно оцѣнка должна предшествовать рентѣ, извѣстно: она должна быть выше затратъ. Но почему является эта оцѣнка?

На это обыкновенно отвѣчаютъ, что, по хозяйственному закону, одинъ и тотъ-же продуктъ не можетъ имѣть различныхъ цѣнъ. Но вѣдь самъ же Рикардо установилъ законъ, по которому цѣна продуктовъ регулируется количествомъ затраченнаго труда. Этотъ законъ для него былъ общій, значитъ, онъ относился ко всякимъ продуктамъ, все равно, однороднымъ или нѣтъ. А если онъ не относился къ однороднымъ, то почему именно? Если-бъ на этотъ вопросъ отвѣчали, тогда можно было бы сказать, что рента объяснена. Но обыкновенно поступаютъ такъ, какъ будто это уже объяснено и остается только показать: какъ при извѣстной оцѣнкѣ является рента. Очевидно, что это будетъ только описаніе ренты. Такое описаніе только дѣйствительно и далъ Рикардо, а занимавшіеся въ послѣднее время рентой[1] описали только ренту, которую они наблюдали и въ другихъ отрасляхъ производства кромѣ земледѣльческой.

Необходимое для объясненія ренты, которое закрывали недоказаннымъ закономъ, по которому продуктъ не можетъ имѣть двухъ цѣнъ на рынкѣ, отсутствовало, потому что недостаточно были разработаны ученія о цѣнности и видахъ цѣнности, въ особенности вопросъ объ основаніяхъ мѣноспособности. Мы показали, что единство цѣнъ обусловливается важною ролью, которую играетъ продуктъ въ хозяйствѣ, а эта роль въ свою очередь основывается на малой успѣшности труда.

Такимъ образомъ, только выводя ренту изъ неуспѣшности тру-

---

[1] *Schäffle*, 140 ff. *Mangoldt*, 190 ff. *Mannequin* I. 362, 386; *Baudrillart*, Manuel d'éc. pol. 1857. pp. 375—379; *Hip. Passy* и *Horn* въ Jour. des écon. III serie, T. II, pp. 458 sq.

да, мы можемъ объяснить ее вполнѣ, только въ такомъ случаѣ мы можемъ ее примѣнить къ объясненію колебанія цѣнъ.

Но кромѣ того эта точка зрѣнія даетъ возможность примирить два крайнихъ взгляда на ренту; теорія Рикардо и теорія Кэри становятся не исключающими другъ друга теоріями: вся разница между ними та, что Рикардо видитъ ренту тамъ, гдѣ она есть,—Кэри не видитъ ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

Сущность основнаго факта, вслѣдствіе котораго появляется рента, заключается въ томъ, что вещь на рынкѣ можетъ стоить гораздо больше, нежели во сколько обошлось ея производство,—что ея цѣна выше издержекъ на производство. Такимъ образомъ вещь сама по себѣ,—независимо отъ личности произведшаго ее, т. е. независимо отъ того, что разумная дѣятельность сдѣлала для ея существованія,—только потому, что она полезная вещь, можетъ получить покупательную силу и стать основаніемъ дохода. Всякій случай, когда покупательная сила вещи непропорціональна сдѣланнымъ для ея производства затратамъ, показываетъ намъ, что вещь сама по себѣ становится основаніемъ дохода. Эта-то сила вещи и представляется намъ въ колебаніи цѣнъ. Размѣръ этой силы указываетъ на размѣръ препятствій, мѣшающихъ разумной дѣятельности устроить въ хозяйствѣ порядокъ и достигнуть постоянства цѣнъ; чѣмъ больше эта сила, тѣмъ менѣе, значитъ, человѣкъ имѣетъ вліянія на установленіе цѣны, тѣмъ менѣе вліянія разума на рынокъ,—и на-оборотъ. Съ прогрессомъ хозяйства вліяніе разума на рынокъ увеличивается, самостоятельная сила вещи, а съ нею и колебаніе цѣнъ уменьшается.

Новѣйшіе политико-экономы обобщили всѣ рыночныя разности между цѣной и затратами и назвали ихъ рентой. Ренту, такъ широко понятую, Кэри никогда не опровергалъ; въ своихъ опроверженіяхъ онъ постоянно имѣлъ въ виду Рикардо и поземельную ренту. Въ сущности это однако все равно: еслибъ

Кэри отрицалъ всякую ренту, то это значило бы, что онъ отрицаетъ всякую силу вещи на рынкѣ,—если же онъ отрицаетъ только поземельную ренту, то значитъ онъ отрицаетъ только специфическое проявленіе силы вещи. Нельзя однако при этомъ случаѣ не замѣтить, что если Кэри строго держится Рикардо, не затрогивая ренты въ болѣе широкомъ смыслѣ,—если и Рошеръ только упоминаетъ объ этомъ новомъ обобщеніи ренты, не высказываясь за это обобщеніе[1], то ими въ этомъ случаѣ руководитъ вѣрный историческій тактъ. Обобщить поземельную ренту Рикардо, имѣющую въ основаніи остатки среднихъ вѣковъ, и промышленную ренту, съ начала до конца проникнутую духомъ XIX вѣка, — можно только упустивъ изъ виду всю громадную разницу между средневѣковымъ землевладѣльцемъ и спекулянтомъ XIX вѣка. Хотя бы и дѣйствительно въ обоихъ случаяхъ рента имѣла основаніемъ силу вещи, — все же таки одна изъ этихъ силъ выработана однимъ временемъ, а другая — инымъ. Слѣдовательно, только при сглаживаніи разницы, производимой временемъ (а чѣмъ можетъ быть мотивировано подобное сглаживаніе?), можетъ имѣть мѣсто указанное обобщеніе.

Посмотримъ теперь, какимъ путемъ Кэри доходитъ до отрицанія ренты. Для этого намъ нужно представить себѣ тотъ взглядъ Кэри, вслѣдствіе котораго производственный процессъ оказывается невырабатывающимъ никакихъ антецедентовъ для ренты.

Мы видѣли, что между теоріей цѣнъ Рикардо и его теоріей ренты есть связь. Кэри формулируетъ законъ цѣнъ не такъ, какъ Рикардо; онъ нѣсколько видоизмѣняетъ этотъ законъ. Но этимъ видоизмѣненіемъ все-таки рента не отрицается, какъ думалъ, кажется, Кэри. Вмѣсто того, чтобъ измѣрять мѣноспособность вещи количествомъ потраченнаго на ея производство труда, Кэри измѣряетъ ее количествомъ труда, которое должно

[1] *Roscher*, I, § 152 nota 4 (S. 307).

быть потрачено на ея воспроизводство. Разница между нимъ и Рикардо, слѣдовательно, въ томъ, что въ то время, какъ послѣдній обусловливалъ цѣну количествомъ потраченнаго труда, Кэри ввелъ въ законъ цѣнъ еще одинъ элементъ: успѣшность труда въ данное время. По формулѣ Кэри цѣна регулируется даннымъ состояніемъ успѣшности производственной силы, которое и опредѣляетъ издержки воспроизводства.

Но такимъ видоизмѣненіемъ формулы, какъ мы замѣтили, рента еще не отрицается. Скорѣе такимъ путемъ изслѣдованіе приводится къ такому пункту, откуда открываются двѣ въ противуположныя стороны идущія дороги. По одной изъ нихъ пошелъ Рикардо и открылъ ренту; Кэри отправился по другой, и нимало не удивительно, если онъ не нашелъ того-же, что нашелъ Рикардо.

Въ самомъ дѣлѣ, коль-скоро мы обусловливаемъ цѣну издержками воспроизводства, — то возможны двѣ гипотезы: во-первыхъ, гипотеза *возрастающихъ* издержекъ производства, неминуемо ведущая къ рентѣ. Это — гипотеза, когда одна и та-же единица полезности производится различными издержками и при этомъ сумма производимаго наименьшими издержками не покрываетъ спрашиваемую сумму. Для того, чтобъ покрыть эту сумму, необходимо нужно производство съ высшими издержками. При такой гипотезѣ производящіе съ меньшими издержками будутъ выручать съ болѣе высокой, нежели ихъ затраты, цѣны извѣстную разность, которая и составитъ ренту. Слѣдовательно, весь вопросъ о рентѣ сводится на такой вопросъ: есть-ли такія отрасли производства, въ которыхъ необходимо нужны менѣе успѣшно работающіе производители, въ которыхъ безъ этихъ послѣднихъ было бы еще хуже, нежели съ ними? Практика въ отвѣтъ на это даетъ рѣшительное *да* и этимъ мотивируетъ исключительную выгоду работающихъ болѣе успѣшно, — каковая выгода служитъ имъ вознагражденіемъ, и поощреніемъ для остальныхъ, которые тоже стараются работать успѣшно.

Но кромѣ этой гипотезы возможна еще другая, — такая же законная, какъ и первая. Это — гипотеза *понижающихся* издержекъ воспроизводства, обусловливающихся возрастаніемъ успѣшности труда. При этой гипотезѣ сумма спрашиваемая вполнѣ покрывается производимою съ наименьшими издержками [1]. Эту-вотъ гипотезу и взялъ основаніемъ своихъ расужденій Кэри, и понятно, почему онъ могъ утверждать, что ничего не видитъ въ производственномъ процессѣ такого, изъ чего бы вытекла рента. Крайне національный взглядъ на производство, какъ на абсолютно-прогрессивный хозяйственный процессъ [2], помѣшалъ ему видѣть то, что англійская хозяйственная практика, — и замѣчательно рѣзкимъ образомъ земледѣльческое хозяйство Англіи, — показывала въ той-же мѣрѣ національному Рикардо [3].

Неуспѣшность производственной силы всегда проявляется въ томъ, что она не воплощается въ полезный продуктъ и не сохраняется, т. е. не даетъ матеріала для потребленія, послѣ котораго бы опять возникла производственная сила. Но тутъ нужно различать три ступени: 1) она вовсе не воплотилась еще ни въ какой продуктъ и, еще не затраченная, вступаетъ въ мѣновую сферу. Безъ убытка такой обмѣнъ не мыслимъ.

2) Она воплотилась въ продуктъ, но не вся; при этомъ большая часть ея пропадаетъ безплодно: сумма пропадающаго безплодно труда увеличивается въ большей прогрессіи, нежели сумма извлекаемой изъ работы пользы. Это гипотеза возрастанія издержекъ воспроизводства. Низкое состояніе успѣшности труда, влекущее за собой необходимость со стороны потребителей платить покровительственную пошлину тѣмъ, которые производятъ съ меньшими издержками, т. е. всего болѣе сохраняютъ произ-

---

[1] *Roscher*, I, § 110 (S. 205).

[2] *Roscher*, System. Bd. I, § 263 nota 1 (S. 566).

[3] *Янсонъ*, Значеніе теоріи ренты Рикардо. Спб. 1864. стр. 168, 170 — 172.

водственной силы. Но эту уплату потребители совершаютъ при обмѣнѣ, когда они, въ свою очередь какъ производители отдаваемыхъ ими продуктовъ, добываютъ себѣ необходимую полезность; эта уплата, слѣдовательно, совершается чрезъ убытокъ, который потребитель терпитъ на своихъ собственныхъ продуктахъ. Опять — обмѣнъ не мыслимъ безъ убытка.

3) Производственная сила неуспѣшна и не вся воплотилась въ продуктъ; но при этомъ уже большая часть ея оказалась плодотворной: сумма продукта возрастаетъ въ сильнѣйшей прогрессіи, нежели сумма затратъ. Гипотеза понижающихся издержекъ производства. Стремясь получить покровительственную пошлину, большая часть производителей добились того, что производятъ всю требуемую сумму съ наименьшими издержками и сами могутъ снабдить рынокъ, — безъ тѣхъ, которые производятъ съ большими издержками. Пошлины уже нѣтъ: на-оборотъ есть наказаніе для послѣднихъ. Опять, значитъ, обмѣнъ немыслимъ безъ убытка. Но какая глубокая разница между этими тремя убытками!

Всѣ эти три убытка — не абсолютныя потери, имъ соотвѣтствуютъ мѣновыя прибыли; это три различные случаи нарушенія мѣноваго закона, когда обмѣниваются продукты неравныхъ количествъ труда. Въ принципѣ они всѣ три тождественны, обусловливаясь одной и той-же причиной — неуспѣшностью труда; на этомъ основаніи мы и сказали выше, вслѣдъ за Манекеномъ, что въ принципѣ прибыль тождественна съ рентой. И ошибочно было бы думать, что въ третьемъ случаѣ нѣтъ ничего похожаго на ренту или прибыль съ капитала: вѣдь происходитъ обмѣнъ продуктовъ неравныхъ количествъ труда, — значитъ, дающій продуктъ меньшаго количества труда за продуктъ большаго трудится гораздо меньше для полученія того, что онъ беретъ изъ обмѣна, нежели сколько трудился выработывавшій это послѣднее. Но это упускается изъ виду, а берется во вниманіе

убытокъ тѣхъ, которые производили съ высшими издержками, имѣется въ виду постигающее ихъ наказаніе, потому, что обращается вниманіе на ту частъ лицъ, участвующихъ въ обмѣнѣ, которые занимаютъ исключительное положеніе въ мѣновой сферѣ, — а исключительное положеніе можетъ занимать только меньшинство относительно большинства: на этомъ основаніи мы говоримъ о прибыли при покупкѣ труда, о рентѣ при низшихъ нежели цѣна затратахъ; эту прибыль и эту ренту получаетъ меньшинство. Такъ точно въ третьемъ случаѣ мы говоримъ объ убыткѣ производящихъ съ большими издержками: это убытки меньшинства. Но точно такъ, какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ рента и прибыль съ капитала немыслимы безъ потери, — такъ въ послѣднемъ случаѣ убытокъ немыслимъ безъ выигрыша: только что въ первыхъ двухъ случаяхъ большинство терпѣло убытокъ, а въ послѣднемъ — меньшинство. — въ первыхъ двухъ случаяхъ меньшинство имѣло выигрышъ, а въ послѣднемъ — большинство. Потеря меньшинства, перепадающая выгодой большинству, не замѣчается, какъ выгода, именно потому что большинство получаетъ то, что меньшинство теряетъ; тогда какъ на-оборотъ сама по себѣ незамѣтная потеря для отдѣльнаго лица, которую однако несетъ большинство, становится замѣтной, какъ выгода, именно потому, что ее получаетъ меньшинство; по этой-же причинѣ въ первомъ случаѣ замѣчается только потеря, которую несетъ меньшинство. Если въ обществѣ изъ 100,000 человѣкъ 95,000 теряютъ по рублю, и эта сумма получается 5000 людьми, - то гораздо легче замѣтить, что каждый изъ послѣднихъ выигралъ 19 р., нежели что каждый изъ первыхъ потерялъ по рублю; и на-оборотъ, если эти 95000 р. теряются 5000 людьми и выигрываются остальными 95000, то легче замѣчается потеря первыхъ, нежели выигрышъ послѣднихъ. Поэтому-то въ періоды, предшествующіе торговымъ кризисамъ, обращаютъ на себя вниманіе громадныя прибыли, — а въ концѣ кризиса замѣ-

чаются громадныя потери, хотя эти громадныя потери такъ-же мало абсолютны, какъ мало абсолютны были громадныя прибыли.

Но если и можно признать принципіальную тождественность указанныхъ трехъ случаевъ, то нельзя также не признать, что эта тождественность получается только путемъ самаго крайняго отвлеченія отъ живой дѣйствительности всего, что на ней лежитъ характеристичнаго, какъ продуктъ историческихъ вліяній. Можно было бы даже считать это отвлеченіе на-столько же односторонним, на-сколько односторонне обращать вниманіе только на одинъ изъ трехъ случаевъ: подобно тому какъ мы грѣшимъ противъ исторіи, если мы, по примѣру Кэри, обращаемъ вниманіе только на такой періодъ хозяйства, когда успѣшность такъ сильно возвысилась, что вся необходимая сумма производится съ наименьшими издержками, — мы грѣшимъ также противъ исторіи, если обобщаемъ всѣ три указанные случаи; потому что различающее ихъ обусловливается именно историческимъ движеніемъ хозяйства, и не замѣчать его значитъ не обращать вниманія на хозяйственное движеніе. Движеніемъ хозяйства и постепеннымъ возрастаніемъ успѣшности труда обусловливается то, что въ различныя времена преобладаютъ — то одинъ изъ указанныхъ трехъ случаевъ нарушенія мѣноваго закона, то другой, то третій. Когда преобладаетъ первый, сумма людей, которые несутъ убытки, гораздо больше, нежели когда преобладаетъ второй; равно какъ эта сумма больше при преобладаніи втораго случая, нежели при преобладаніи третьяго. Очевидна важность индивидуальныхъ признаковъ каждаго изъ нихъ: эти индивидуальные признаки обусловливаютъ количество людей, живущихъ въ благосостояніи.

Далѣе, важность этихъ индивидуальныхъ признаковъ выступаетъ на видъ, когда мы встрѣчаемся съ фактомъ, имѣющимъ основное значеніе въ хозяйствѣ, этотъ фактъ заключается въ томъ, что въ каждое данное время люди стараются подложить подъ свои доходы основанія, которыя въ это время считаются

единственно выгодными и нравственными. Такъ, въ настоящее время мы замѣчаемъ стремленіе, въ-особенности ярко выразившееся въ школѣ Бастіа, мотивировать всѣ доходы трудомъ, лежащимъ будто бы въ ихъ основѣ. Конечно, можно считать за историческій промахъ со стороны Бастіа, когда онъ утверждаетъ, что рента и прибыль съ капитала не могутъ имѣть никакого другаго основанія, кромѣ труда; въ-особенности этотъ промахъ Бастіа сильно отражается на его разсужденіяхъ о рентѣ [1]. Тѣмъ не менѣе было бы ошибочно отвергать все, что Бастіа говоритъ о трудовомъ основаніи поземельной ренты.

Еще въ прошломъ году, когда вопросъ о рентѣ снова обсуждался въ парижскомъ обществѣ экономистовъ, Горнъ замѣтилъ, какъ необходимо имѣть въ виду, что основаніе поземельной ренты мѣняется. Такъ доходъ, получаемый съ лучшаго (въ смыслѣ Рикардо) участка человѣкомъ, *купившимъ* этотъ участокъ и уплатившимъ за него капиталъ, вычисленный по доходности участка, будетъ совершенно различенъ отъ ренты, которую получалъ отъ этого-же участка землевладѣлецъ, владѣвшій участкомъ на основаніи какого-нибудь средневѣковаго права. Спрашивается, не происходятъ ли перемѣны въ доходѣ отъ перемѣны въ хозяйственномъ строѣ? Въ такомъ случаѣ рента, въ смыслѣ Рикардо, имѣетъ чисто историческую основу: она находится въ связи съ связанностью (Gebundenheit) земли; чѣмъ несвободнѣе въ странѣ переходъ земли изъ рукъ въ руки, тѣмъ болѣе вѣроятности, что земля пріобрѣтена не за капиталъ, т. е. приноситъ доходъ въ смыслѣ Рикардо, — и на-оборотъ. Понятно, что въ такомъ случаѣ приходится различать національныя, такъ сказать, различія въ поземельномъ доходѣ: съ этой точки зрѣнія поземельный доходъ во Франціи существенно разнится отъ поземельнаго дохода въ Англіи.

[1] *Roscher*, I. § 152 nota 6 (S. 307). Оригинальны однако доводы *Max Wirth'a* Grundzüge, Bd. I, S. 307, 331.

Но строгій приверженецъ Рикардо врядъ-ли рѣшится признать это: онъ не назоветъ ренты доходомъ съ капитала, затраченнаго на покупку *лучшаго* участка земли. *Лучшій* участокъ и безъ капитала приносилъ бы ренту, — въ этомъ главный пунктъ теоріи Рикардо. Черезъ то, что кто-нибудь затрачиваетъ капиталъ на покупку лучшаго участка, онъ пріобрѣтаетъ право на полученіе ренты, которая однако существуетъ помимо всякой передачи земли. Обращаемостью земли, такимъ образомъ, обусловливается не видоизмѣненіе характера ренты, въ ея существѣ, а только того, кто эту ренту получаетъ. По смыслу приведеннаго мнѣнія Горна (которое впрочемъ не разъ высказывалось и прежде), лучшій участокъ теряетъ способность приносить исключительный доходъ только на томъ основаніи, что онъ — лучшій: исключительный доходъ есть послѣдствіе большей мѣновой стоимости участка. Но врядъ-ли съ меньшимъ основаніемъ приверженецъ Рикардо могъ бы утверждать, что рента все-таки обусловливается особеннымъ плодородіемъ участка, безъ котораго не было бы и затраты капитала на покупку, — что не участокъ пересталъ приносить исключительный доходъ, а скорѣе капиталъ, затраченный на покупку, пересталъ приносить обычный доходъ, получаемый отъ капиталовъ: еслибъ капиталъ былъ затраченъ не на покупку участка, а на другое промышленное дѣло, то и участокъ приносилъ бы свой доходъ, и капиталъ — свой. Въ данномъ же случаѣ только участокъ продолжаетъ приносить доходъ, всегда отъ него получаемый, — безъ соотвѣтственнаго увеличенія этого дохода другимъ доходомъ, который капиталъ, какъ таковой, долженъ приносить. Что это опроверженіе однако въ сущности весьма мало опровергаетъ, доказываетъ болѣе глубокій анализъ мобилизаціи земли.

Связанность земли находится въ тѣсной причинной связи съ рабствомъ и крѣпостнымъ состояніемъ, т. е. это — явленіе, мыслимое только въ періодъ хозяйства, когда успѣшность человѣ-

ческой силы не велика, когда весь строй общественный находится на низкой степени развитія [1]. Доходъ, получаемый землевладѣльцемъ, не имѣетъ тогда того трудоваго основанія, которое въ настоящее время признается нравственно единственно справедливымъ и экономически исключительно выгоднымъ. Это фактическое отсутствіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ логически немыслимое по причинѣ малой успѣшности труда. Имѣя это въ виду, вспомнимъ теперь, что Рикардо знаетъ только два фактора производства; а такъ-какъ рента не есть доходъ отъ одного изъ этихъ двухъ факторовъ, то потому исключительная доходность лучшаго участка немыслима безъ уменьшенія доходности чьего-либо капитала или труда; отсюда ученіе Рикардо объ антагонизмѣ интересовъ получающихъ и платящихъ ренту. Мотивируя ренту исключительнымъ свойствомъ вещи и не замѣчая, что такая сила вещи приноситъ доходъ, независимо отъ дѣятельности человѣка, есть фактъ не первичный, а деривативный, — обусловливающійся именно неуспѣшностью *человѣческой* силы, — Рикардо считалъ ренту явленіемъ необходимымъ въ хозяйствѣ и такимъ образомъ возводилъ въ принципъ антагонизмъ хозяйственныхъ интересовъ. Нетрудно замѣтить, что эта теорія вполнѣ соотвѣтствуетъ описанному періоду связанности земли.

Но, какъ мы уже замѣтили выше, прогрессомъ и разумностью хозяйства обусловливается то, что въ каждое данное время люди стараются различными средствами подложить подъ всѣ доходы такія основанія, которыя на взглядъ этого времени считаются самыми справедливыми и выгодными.

Обращаемость земли, ея мобилизація есть одно изъ такихъ средствъ; этимъ обусловливается ея важное значеніе для распредѣленія богатствъ; ею производятся въ распредѣленіи такія перемѣны, которыя суть требованія хозяйственнаго прогресса; чрезъ

---

[1] *Roscher*, II, §§ 88 ff. (S. 243).

ея посредство обмѣнивающіяся стороны становятся въ новое положеніе другъ относительно друга, дѣлается возможнымъ болѣе правильное распредѣленіе, т. е. болѣе полное соблюденіе мѣноваго закона. Иными словами: мобилизація земли есть одно изъ средствъ, благодаря которому становится возможнымъ осуществить требованіе, чтобъ каждый отдѣльный человѣкъ жилъ на счетъ своей личной дѣятельности.

Мобилизація, въ обширномъ смыслѣ понятая, относится къ освобожденію вещей вообще, не только земли. Это освобожденіе вещи въ исторіи хозяйства въ той-же мѣрѣ важно, какъ и освобожденіе лица, и подобно послѣднему оно происходитъ такъ-же медленно, обусловливаясь постепеннымъ возрастаніемъ успѣшности труда. Это средство, черезъ которое освобожденіе личности превращается изъ голой фразы въ осязаемую дѣйствительность: безъ свободы вещи невозможно личности пользоваться своею собственною потому, что это освобожденіе вещи есть уничтоженіе препятствій, задерживающихъ и мѣшающихъ вещи вступить въ мѣновую сферу: безъ нея, значитъ, личность не имѣетъ объекта, съ которымъ она вступаетъ въ мѣновую сферу, т. е. помогаетъ другимъ сама и вспомогается этими послѣдними. Такимъ образомъ освобожденіе вещи равносильно безпрепятственности и свободѣ обмѣна.

Что эта свобода обмѣна исторически развивается, — несомнѣнный фактъ; не менѣе несомнѣнно и то, что эта свобода идетъ объ-руку съ развитіемъ производственныхъ силъ: это доказано исторіей. Когда *строгій* приверженецъ Рикардо утверждаетъ, что рента все-таки обусловливается исключительными свойствами вещи, а не капиталомъ, затраченнымъ на ея покупку, — то это онъ можетъ дѣлать только въ томъ предположеніи, что способность вещи, вслѣдствіе исключительныхъ ея свойствъ, быть основаніемъ дохода, есть вѣчный хозяйственный фактъ. Такъ-какъ однако въ сущности «исключительное свойство вещи» ренты не

объясняетъ, такъ-какъ это объясненіе строгому приверженцу Рикардо менѣе всего простительно,—потому что оно противурѣчитъ закону цѣнъ Рикардо,—и наконецъ, такъ-какъ рента объяснима только, если мы ее соединяемъ съ опредѣленнымъ хозяйственнымъ строемъ,—то означенное предположеніе превращается въ утвержденіе, что историческій періодъ хозяйства, вырабатывающій ренту, есть единственный періодъ хозяйства. Иначе говоря, отрицается прогрессъ и историческое движеніе въ хозяйственной сферѣ; данное состояніе обмѣна выводится изъ природы хозяйства, всегда и вездѣ неизмѣнной,—въ то время, когда оно обусловливается даннымъ состояніемъ успѣшности труда.

Самостоятельная сила вещи не есть вѣчный хозяйственный фактъ, а преходящій, поэтому и способность вещи быть основаніемъ дохода держится только до тѣхъ поръ, пока это дозволяется производственными отношеніями. При возрастаніи успѣшности труда: эта сила пропадаетъ и мѣсто ея занимаетъ сила человѣка, трудъ. Когда первоначальный землевладѣлецъ владѣлъ землей на средневѣковомъ правѣ, тогда самостоятельная сила земли, независимо отъ дѣятельности ея владѣльца, была основаніемъ ренты. Когда онъ продалъ эту землю за капиталъ, то доходъ его уже будетъ обусловливаться тѣмъ, какъ онъ утилизируетъ свой капиталъ, значитъ въ основаніи его дохода будетъ уже лежать его собственная дѣятельность. Съ другой стороны, чрезъ продажу земли ея самостоятельная доходность слилась съ доходностью затраченнаго на ея покупку капитала; значитъ и купившій землю также не получаетъ дохода независимо отъ дѣятельности. Прежде рентьеръ не могъ получить своего дохода безъ уменьшенія доходности чего-либо — труда или капитала; безъ антагонизма интересовъ доходъ рентьера не былъ и мыслимъ. Благодаря продажѣ, антагонизмъ пропадаетъ: по видимому все-таки уменьшается доходность того капитала, который былъ затраченъ на покупку земли,—но замѣтимъ, что уменьшается доходность

капитала, принадлежащаго тому именно лицу, который получаетъ доходъ съ земли,—а не капиталъ другаго лица, слѣдовательно при отсутствіи всякаго антагонизма. Но кажущееся уменьшеніе доходности капитала, затраченнаго на покупку земли, если оно и дѣйствительное, то можетъ быть только кратковременнымъ. Уничтоженіе самостоятельной доходности земли есть фактъ, необходимо вытекающій изъ прогресса хозяйства, подкладывающаго подъ всѣ доходы трудовое основаніе. Въ дѣйствительности однако нельзя указать точно того пункта, достигнувъ который хозяйство необходимо требуетъ совершенія извѣстнаго факта. Да въ дѣйствительности рѣдко бываетъ, чтобы что-либо совершилось единственно по строгой необходимости: люди стараются уловить, предупредить и ускорить достиженіе того, къ чему ведетъ естественное движеніе хозяйства; этого они достигаютъ временною невыгодой, выкупающеюся результатомъ. Всѣ средства, которыя практика употребляетъ для споспѣшествованія прогрессу хозяйства, носятъ на себѣ этотъ характеръ. Это-же слѣдуетъ сказать и о мобилизаціи. Капиталъ, затраченный на покупку земли, затраченъ съ тѣмъ вмѣстѣ и на ея *выкупъ* изъ несвободнаго состоянія. *Временнымъ* уменьшеніемъ доходности капитала у земли *навсегда* отнимается ея самостоятельная доходность. Она перестаетъ быть *силой* и становится *продуктомъ*. Этимъ уже не со стороны теоріи, а со стороны практики и исторіи наносится послѣдній ударъ ученію о трехъ факторахъ производства: практика низводитъ одинъ изъ факторовъ съ его высокаго пьедесталя и превращаетъ его въ простой товаръ; она доказываетъ этимъ въ какой зависимости ученіе находилось отъ устарѣлаго факта; она показываетъ также, что напрасны будутъ усилія той теоріи, которая не захочетъ воздать человѣку должнаго. Эти усилія безплодны, потому что результатъ ихъ рѣзко противурѣчитъ дѣйствительности.

Такимъ образомъ и мобилизація также немыслима безъ убытка;

она есть средство, употребляемое практикой, а эта практика всегда располагаетъ силой, которой дана конкретная успѣшность; значитъ, сила эта ограничена болѣе или менѣе широкими, но всегда существующими предѣлами; за этими предѣлами начинается безуспѣшность. Успѣшность силъ практики есть относительное понятіе, которое предполагаетъ неуспѣшность ея силъ; поэтому то на практикѣ также нѣтъ ничего абсолютно совершеннаго, какъ нѣтъ и абсолютно несовершеннаго. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ собой для наблюденія переходъ отъ одной изъ указанныхъ выше формъ нарушенія мѣноваго закона (второй) къ новой (третьей), — именно къ такой формѣ, при которой число людей, терпящихъ убытокъ, уменьшается сравнительно съ прежнимъ.

Намъ остается теперь только свести все сказанное о причинѣ колебанія цѣнъ. Сообразно основному взгляду на цѣну, какъ на такой фактъ, который составляетъ основаніе всякаго частнаго хозяйства, — взгляду, который, какъ мы видѣли, раздѣляютъ авторитеты науки, мы смотрѣли на колебаніе цѣнъ, какъ на колебаніе благосостоянія. Понимая въ такомъ широкомъ смыслѣ колебаніе цѣнъ, мы должны были отыскать для его объясненія не тѣ частныя причины, которыя обусловливаютъ какой-либо конкретный случай нарушенія мѣноваго закона, а общія условія всякаго нарушенія этого закона. Другими словами, слѣдовало указать на основную причину, къ которой за-тѣмъ можно было бы свести всѣ частныя причины, обусловливающія конкретные случаи.

Такою основною причиною можно считать только неуспѣшность человѣческаго труда. Такъ-какъ успѣшностью труда опредѣляется въ концѣ концовъ всякое благосостояніе, то значитъ всякое уменьшеніе благосостоянія должно, въ концѣ концовъ, быть сведено на уменьшеніе этой успѣшности. Но эта причина, именно потому что она основная, равно приложима ко всѣмъ пері-

одамъ исторіи хозяйственнаго быта, — а предъ нами былъ данный періодъ, надо было показать, слѣдовательно, какимъ образомъ въ этотъ данный періодъ проявляется основная причина, въ какіе она хозяйственные факты воплощается. Намъ нужно было указать на эти факты, которые являлись основными для даннаго періода, слѣдовательно обусловливающими все то, что на этотъ періодъ представляется патологическимъ, ненормальнымъ.

Мы свели всѣ случаи нарушенія мѣноваго закона къ двумъ основнымъ, типическимъ случаямъ: къ нарушенію мѣноваго закона по отношенію *къ труду* и къ нарушенію по отношенію *къ продуктамъ труда*. Причину перваго нарушенія мы показали въ продажности труда, въ томъ, что трудъ получаетъ мѣноспособность, — то есть, что человѣкъ продаетъ то, что ему нужно. Мы показали, что самою сущностью сдѣлки продажи труда за продуктъ труда обусловливается нарушеніе мѣноваго закона. Но вслѣдъ за-тѣмъ мы показали, что хотя продажа немыслима безъ нарушенія мѣноваго закона, все-жъ таки нельзя сказать, что мѣновой законъ не дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ. Убытокъ, который составляетъ необходимый ингредіентъ этой сдѣлки, есть очевиднѣйшее доказательство того, что законъ все-таки сохраняетъ свою силу, что нарушеніе его не остается безъ послѣдствій.

Этотъ убытокъ мы инымъ путемъ вовсе и не въ состояніи объяснить, кромѣ какъ мѣновымъ закономъ.

Цѣна труда, то есть рабочая плата, *непремѣнно должна быть патологическая;* потому что трудъ не можетъ имѣть цѣны, потому что цѣну можетъ имѣть только вещь, продуктъ труда. Значитъ, рабочая плата есть первый основной хозяйственный фактъ, который обусловливаетъ патологическое въ хозяйствѣ.

Но рабочая плата есть, собственно говоря, только половина

этого перваго основнаго факта. Какъ всякая половина предполагаетъ другую половину и немыслима безъ нея, такъ и рабочая плата немыслима безъ прибыли. Всякій случай прибыли, значитъ, также предполагаетъ случай нарушенія мѣноваго закона.

Но и рабочая плата и прибыль не обусловливаютъ *всего*, что есть въ хозяйствѣ патологическаго. Посредствомъ ихъ мы можемъ объяснить только случаи нарушенія мѣноваго закона по отношенію къ труду. Сами по себѣ, ни рабочая плата, ни прибыль не обусловливаютъ колебанія цѣнъ *вещей*. Обмѣнъ вещами можетъ совершаться при полномъ соблюденіи основнаго мѣноваго закона. Какъ бы ни измѣнялись рабочая плата и прибыль, цѣна вещей все-таки опредѣляется количествомъ труда, которое нужно затратить на ихъ производство.

Мы показали, что̀ это означаетъ; именно то, что на-сколько успѣшность производственной силы дозволяетъ воплотить ее въ продуктъ, на-сколько люди благосостоятельны, они обмѣниваются сообразно съ мѣновымъ закономъ, — что только отсутствіе благосостоянія обусловливаетъ его нарушеніе.

Но отсутствіе благосостоянія у части хозяйственнаго общества не можетъ остаться безъ послѣдствій; солидарность интересовъ проявляется въ томъ, что неблагосостояніе одной части общества отражается на шаткости благосостоянія другой части; а такъ-какъ основаніе благосостоянія этой второй части — въ цѣнахъ продуктовъ, которые ей принадлежатъ, то солидарность интересовъ проявляется въ колебаніи этихъ цѣнъ.

Но опять-таки солидарность интересовъ есть только постоянная общая причина. Она только повторяла другими словами ту первую причину, — малую успѣшность производственной силы, — которая была въ основаніи перваго нарушенія. Нужно было показать, какимъ образомъ эта общая причина становится болѣе конкретной и производитъ конкретный случай — колебаніе цѣнъ на продукты.

Это мы видѣли въ изложеніи ученія о рентѣ. Различіе въ издержкахъ на производство одной и той-же полезности, въ которомъ реализируется неуспѣшность производственной силы, а еще болѣе громадная роль, которую, вслѣдствіе той-же неуспѣшности, разъигрываетъ въ хозяйствѣ продуктъ, обусловливаютъ колебаніе цѣнъ на продукты. Вслѣдствіе этого колебанія—рента.

Прибыль и рента, обѣ — *послѣдствія* нарушенія мѣноваго закона. Это нужно помнить: *не причины*, а *послѣдствія*. Только при соблюденіи мѣноваго закона, когда онъ осуществляется во всей чистотѣ, возможно благосостояніе, потому что въ такомъ случаѣ осуществляется основное условіе хозяйственнаго благосостоянія, выраженіемъ котораго и служитъ мѣновой законъ. Коль скоро это условіе не осуществляется, коль-скоро каждый живетъ не своимъ трудомъ, а чужимъ, — благосостояніе шатко: продающіе трудъ несутъ убытокъ — прибыль; продающіе продукты несутъ убытокъ — ренту.

Всякій мѣновой случай, послѣдствіемъ котораго является рента, обставленъ такимъ образомъ, что законъ цѣнъ не можетъ осуществиться, то есть что должно имѣть мѣсто колебаніе цѣнъ. Значитъ, все то, что производитъ различіе въ издержкахъ производства, или что содѣйствуетъ къ возвышенію роли, разъигрываемой продуктомъ, должно произвести колебаніе его цѣны.

Этимъ мы можемъ объяснить всевозможные случаи колебанія цѣнъ на продукты; нѣтъ ни одного случая, котораго нельзя было бы объяснить по изложенной теоріи. Мы это покажемъ въ приложеніи къ тѣмъ случаямъ, которые Рикардо самъ считалъ исключеніемъ изъ указаннаго имъ закона.

Прежде всего однако обратимъ вниманіе на то, что указанныя два основанія возникновенія ренты: различіе въ затратахъ и большая роль продукта въ сущности означаютъ одно и то-же. Что различіе въ издержкахъ означаетъ малую успѣшность труда, мы уже показали. Но малая успѣшность труда въ свою о-

чередь означаетъ, что необходимо много его затратить прежде, чѣмъ люди добьются цѣли, — люди много должны трудиться; слѣдовательно, когда они добьются результата, этотъ результатъ имъ будетъ дорогъ. Значеніе продукта будетъ большое, онъ будетъ разъигрывать большую роль именно потому, что человѣку нужно было растратить много поту и крови прежде, чѣмъ добиться его. — Случаи, которые самъ Рикардо признавалъ исключеніями изъ указаннаго имъ закона, можно подвести подъ двѣ категоріи. Къ одной изъ этихъ категорій относятся цѣны вещей, «которыя опредѣляются только рѣдкостью вещей. Такъ-какъ никакой трудъ не можетъ увеличить количества этихъ вещей, то цѣна ихъ понижается только отъ большаго ихъ излишка. Таковы картины, статуи. — Но эти вещи образуютъ только небольшую часть всѣхъ продаваемыхъ товаровъ»[1]. Вѣроятно, послѣднее Рикардо прибавляетъ, чтобъ смягчить впечатлѣніе, которое можетъ производить его собственное признаніе въ существованіи исключеній. Сеніоръ однако не согласенъ съ Рикардо и думаетъ, что такихъ вещей очень много. Но вопросъ о томъ, много ли ихъ или мало — тутъ неумѣстенъ: какъ-скоро существуетъ хоть одно только исключеніе, законъ не годится. Посмотримъ же, можно ли считать эти случаи за исключенія.

Цѣну хлѣба Рикардо не считаетъ за исключеніе изъ указаннаго имъ закона: онъ это доказалъ теоріей поземельной ренты. Можно ли объяснить высокую цѣну бриллианта такъ-же, какъ объясняется цѣна хлѣба?

Что въ цѣну бриллианта входитъ значительнымъ элементомъ рента, до сихъ поръ не отрицалъ ни одинъ политико-экономъ. Вопросъ только въ томъ, какимъ образомъ проявляется здѣсь рента и тождествененъ ли въ этомъ случаѣ процессъ ея проявленія съ тѣмъ, который описалъ Рикардо?

---

[1] *Ricardo*, p. 7.

Сеніоръ объясняетъ, что когда мы говоримъ о вещи, которая находится въ *ограниченномъ* количествѣ, то это означаетъ, что данной вещи имѣется меньше, нежели сколько ея требуется [1]. Значитъ, когда мы говоримъ вслѣдъ за Рикардо, что брилльянты, статуи, картины и т. п. находятся въ ограниченномъ количествѣ, то это означаетъ, что этихъ вещей меньше, нежели сколько нужно. Слѣдовательно, всю нужную сумму можно разбить на двѣ части: одна имѣется, другая не имѣется.

Теперь повторимъ себѣ процессъ образованія ренты. Общество нуждается въ хлѣбѣ, нужная сумма равняется 100 четв. хлѣба. Изъ нихъ 75 производятся съ 3 руб. издержекъ, а 25 съ 4 рублями. Цѣна будетъ 4 руб. Проявится рента.

Если на второмъ участкѣ издержки будутъ не 4, а 5 руб., цѣна будетъ тоже 5. Но чѣмъ выше издержка, тѣмъ больше невозможность получить требуемую сумму. Значитъ, все равно, говорю ли я, что издержки на второмъ участкѣ возвысились, или что увеличилась невозможность получить нужную сумму. Но увеличеніе издержекъ влечетъ за собою возвышеніе цѣны, значитъ — увеличеніе невозможности получить нужную сумму влечетъ за собою возвышеніе цѣнъ.

Это послѣднее знаютъ всѣ отлично и очень часто повторяютъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ такомъ случаѣ отыскиваются различныя причины; объ этихъ причинахъ спорятъ. Между тѣмъ очевидно, что стоитъ только вспомнить тождественность, или пропорціональность издержекъ, съ возможностью добыть продуктъ, и мы всякую цѣну въ состояніи будемъ объяснить чрезъ эти издержки.

Въ самомъ дѣлѣ, если на второмъ участкѣ издержки равняются 10 руб., никто не затруднится объяснить этими 10 руб. цѣну хлѣба. Если-бъ эти издержки равнялись 50 руб. и цѣна тоже равнялась бы 50 руб., опять-таки причинная связь была

[1] *Senior*, pp. 76, 77.

бы замѣчена. Но если на второмъ участкѣ вовсе нельзя достать нужныхъ 25 четвертей?

Это вѣдь все равно, какъ если-бъ на второмъ участкѣ для добыванія этихъ 25 четв. нужно было бы преодолѣть громадныя препятствія, т. е. сдѣлать громадныя издержки. Понятно, что цѣна, которая регулируется издержками на второмъ участкѣ, будетъ громадная.

Но если эти 25 четв. хлѣба нужны, то люди будутъ употреблять всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобъ получить ихъ. Значитъ, ихъ полученіе, ихъ производство будетъ обусловливаться всѣми зависящими отъ людей средствами. Теперь переведемъ это съ производственнаго языка на покупательный и получимъ, что коль-скоро какая-либо вещь имѣется въ меньшемъ количествѣ, нежели въ какомъ она нужна, то ея цѣна будетъ опредѣляться зависящими отъ людей покупательными средствами, точно такъ, какъ ея издержки опредѣлялись зависящими отъ людей производственными средствами.

Такимъ образомъ пропорціональность между покупательною и производственною силами, или законъ цѣнъ, мы замѣтимъ вездѣ и всегда, какой бы мы ни взяли продуктъ — холстъ, хлѣбъ или картину. Только иногда наблюденіе затрудняется тѣмъ, что наблюдаемое явленіе вслѣдствіе ренты осложнилось. Рента въ цѣнѣ брилльянта образуется такимъ-же образомъ, какъ и въ цѣнѣ хлѣба. Такъ-какъ есть количество брилльянтовъ, въ которомъ люди *нуждаются*, но котораго они не могутъ имѣть, то это означаетъ, что на добываніе недостающей части дѣлаются всевозможнѣйшія усилія. Издержки на производство недостающей части обусловливаются только производственными средствами, которыми люди располагаютъ; оттого и цѣна имѣющейся части обусловливается только покупательными средствами желающихъ пріобрѣсть рѣдкій брилльянтъ. Отсюда высокая рента.

Точно такъ-же объясняется всякая высокая цѣна, все равно хлѣба

ли при неурожаѣ, иностраннаго ли сукна при отсутствіи подвоза, или статуй и картинъ. Количествомъ объяснять цѣну значитъ останавливаться на полдорогѣ. Количество вовсе не есть первичный хозяйственный фактъ: это количество еще обусловливается успѣшностью производственной силы. Къ ней-то и нужно восходить, если мы хотимъ имѣть научное объясненіе цѣны. Практика останавливается на количествѣ, потому что ей кажется, что въ немъ вся сила, что имъ обусловливается хорошее и дурное въ хозяйствѣ. Но практика такъ думаетъ именно потому, что она еще на полдорогѣ, что она только развивается, поучается. Но поучается она вѣдь только у науки, или только въ такомъ случаѣ то, чему она научится, вѣрно; значитъ, наука не можетъ останавливаться на полдорогѣ, она должна уходить впередъ, проникать до основанія вещей. Только въ такомъ случаѣ она въ состояніи будетъ поучать, показывать вѣрно дорогу, по которой идетъ, развиваясь, практика.

Вторую категорію случаевъ уклоненія отъ закона цѣнъ Рикардо видѣлъ въ цѣнахъ тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ рабочая плата и прибыль входятъ непропорціональными элементами, то есть коль-скоро въ издержки на одинъ продуктъ уходитъ болѣе рабочей платы, нежели въ издержки другаго, тогда какъ издержки капитала одинаковы, то цѣны этихъ продуктовъ не будутъ пропорціональны количеству труда, которое нужно потратить на ихъ производство.

Напр., если накопленнаго труда на каждый продуктъ потрачено по 10 дней, а текущаго на одинъ 5 дней, а на другой 20 дн., то 2 единицы перваго продукта не будутъ обмѣниваться на 1 единицу втораго, хотя въ первомъ случаѣ 2 единицы произведены въ 30 дней, и во второмъ 1 единица также произведена въ 30 дней. Въ самомъ дѣлѣ, если мы предположимъ, что продающіе трудъ получаютъ въ видѣ платы половину продукта, то при производствѣ послѣдняго съ 20 дней купленнаго труда имѣется 10 дней

прибыли, а при производствѣ перваго съ 5 дней купленнаго труда имѣется только $2^1/_2$ дня прибыли. Такъ-какъ оба однако затрачиваютъ одинаковые капиталы въ 10 дней каждый, то естественно, если каждый изъ нихъ захочетъ, чтобъ ему капиталъ приносилъ столько-же прибыли, сколько такой-же капиталъ приноситъ въ другой отрасли. Короче, вслѣдствіе теоремы, что при свободѣ одинъ и тотъ-же капиталъ приноситъ одну и ту-же прибыль, въ какой бы отрасли его ни помѣстили, что прибыли стремятся къ уравненію, — первый капиталистъ будетъ согласенъ производить свой продуктъ только въ томъ случаѣ, если онъ ему дастъ столько-же прибыли, сколько получаетъ второй капиталистъ; иначе онъ возьмется за производство втораго продукта, болѣе прибыльнаго. Значитъ, необходимость равенства прибыли въ этомъ случаѣ поведетъ за собою необходимость продать первый продуктъ не по 30 дней за двѣ единицы, а по $37^1/_2$, хотя на производство и было растрачено только 30 дней. Теперь, если прибыль понизится, то есть продающій трудъ будетъ получать не $^1/_2$ продукта, а положимъ $^3/_4$, то, для уравненія прибыли, первому капиталисту нужно будетъ продать свой продуктъ не за $37^1/_2$ дн., а $33^1/_4$ дня. Отсюда — теоремы политико-экономовъ, что если при производствѣ одного продукта дѣлается затрата на рабочую плату меньшая, а на капиталъ большая, нежели при производствѣ другаго продукта, то, при пониженіи прибыли или повышеніи рабочей платы, цѣна перваго продукта понизится относительно больше, нежели цѣна втораго продукта. На-оборотъ, если при производствѣ одного продукта уходитъ на рабочую плату больше, а на капиталъ меньше, нежели при производствѣ другаго продукта, то, отъ возвышенія рабочей платы или пониженія прибыли, цѣна перваго продукта повысится относительно больше, чѣмъ цѣна втораго продукта. Оттого при возвышеніи рабочей платы или пониженіи прибыли цѣны фабричныхъ вещей падаютъ относительно ниже, нежели цѣны рукодѣль-

ныхъ вещей, а при пониженіи рабочей платы или повышеніи прибыли, цѣны первыхъ повышаются относительно больше, чѣмъ цѣны вторыхъ [1].

Посмотримъ однако, въ самомъ ли дѣлѣ нельзя объяснить и это уклоненіе отъ общаго закона чрезъ теорію ренты? Что въ сущности означаетъ, если мы говоримъ: въ производствѣ одного продукта капиталъ принимаетъ больше участія, нежели въ производствѣ другаго? Капиталъ, говорятъ всѣ политико-экономы, есть орудіе, облегчающее производство, сокращающее текущій трудъ, увеличивающее его успѣшность. Если въ одной отрасли производства капиталъ принимаетъ больше участія, нежели въ другой, то, значитъ, въ первой трудъ успѣшнѣе, нежели въ другой. Значитъ, равныя количества текущаго и накопленнаго труда даютъ разные результаты. Но такъ-какъ цѣна опредѣляется результатами, полученными при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, то понятно, что тѣ отрасли, въ которыхъ капиталъ принималъ больше участія, будутъ приносить ренту.

Рента обусловливается неуспѣшностью производственной силы, а внѣшніе признаки, по которымъ узнается неуспѣшность, заключаются въ неравныхъ растратахъ ея. Когда мы излагали теорію ренты, мы сказали, что о неравномѣрныхъ затратахъ судится по тому, что одно и то-же количество силы даетъ неравныя суммы извѣстной полезности. Полезность тогда была конкретная. Одинъ затрачиваетъ на производство четверти хлѣба 5 дней, другой только 4 дня, — вотъ и доказательство неуспѣшности силъ. Но очевидно, что эта конкретность полезности не существенна для теоріи ренты. Неуспѣшность производственной силы, въ которой собственно вся суть, можетъ проявиться и дѣйствительно проявляется также въ томъ, что не во всѣхъ отрас-

[1] *Ricardo*, p. 22 sq. *J.-St.-Mill*, p. 330 — 333. *James Mill*, Elém. d'écon. pol., pp. 101—111.

лахъ одна и та-же сумма производственной силы даетъ одинаковые результаты. Понятно, что и въ такомъ случаѣ проявится рента.

Такъ по какому же признаку, могутъ спросить, узнается это? Какъ узнать, что въ одной отрасли производственная сила успѣшнѣе, нежели въ другой? Въ отвѣтъ, на это мы напомнимъ, что въ разбираемомъ случаѣ даже и не приходится искать этого признака. Случай предлагается въ такомъ видѣ, что неравная успѣшность очевидна: говорятъ, что въ одной отрасли капиталъ больше участвуетъ, нежели въ другой, то есть, что въ одной больше соединенія прошлаго труда съ текущимъ, нежели въ другой, въ одной больше кооперації, нежели въ другой. Какое же нужно еще доказательство, какого еще искать признака?

Что $7^1/_2$ дней, получаемые произведшимъ продуктъ, въ приготовленіе котораго капиталъ принималъ большее участіе, нежели текущій трудъ, суть рента, а не прибыль, доказывается тѣмъ, что капиталистъ получаетъ ихъ не оттого, что онъ подѣлился произведеннымъ продуктомъ съ рабочими. А мы видѣли, что таково происхожденіе прибыли по Смиту. Если объ этомъ происхожденіи прибыли держаться нашего взгляда, то и тогда $7^1/_2$ дней происходятъ не отъ покупки труда, а отъ продажи продукта. Наконецъ, если мы въ основаніе возьмемъ мнѣніе Милля, то и тогда эти $7^1/_2$ дней нельзя назвать прибылью на капиталъ. Милль настаиваетъ на томъ, что эта прибыль существуетъ еще до продажи продукта, что она не обусловливается продажею, — въ данномъ же случаѣ $7^1/_2$ дн. до продажи продукта не существуютъ; такъ что если-бъ капиталистъ не продалъ продукта, то онъ бы ихъ и не имѣлъ вовсе. Если, по Миллю, прибыль есть разность между тѣмъ, что купленный трудъ произвелъ, и цѣною купленнаго труда, то очевидно, что только первые $2^1/_2$ дня можно назвать прибылью; остальные $7^1/_2$ дней вовсе не произведены этимъ купленнымъ трудомъ: иначе они существовали бы до обмѣна.

Прибыль происходитъ отъ покупки труда. Если за-тѣмъ этотъ купленный трудъ затрачивается на производство продуктовъ, то прибыль уже существуетъ, хотя бы продукты и не были проданы. Продажа продуктовъ не нужна вовсе для капиталиста, потому что не чрезъ это онъ получитъ прибыль. Эта прибыль была у него еще до начала даже производства, то есть послѣ покупки труда, которая должна предшествовать производству. Совершенно противуположное замѣчаемъ мы въ рентѣ. Она до обмѣна не существуетъ, она есть послѣдствіе цѣны продукта. Она слѣдуетъ за послѣднею, тогда какъ прибыль ей предшествуетъ. Рента происходитъ отъ продажи продукта, вещи. Въ этомъ ея характеристическій признакъ. Нужно продать конкретную полезность, чтобъ получить ренту. Чтобъ получить прибыль, на-оборотъ, надо купить не конкретную полезность, а только общую возможность этого полученія. Значитъ, для возникновенія прибыли необходимо, чтобъ существовала и продавалась неосуществившаяся возможность; а для возникновенія ренты, — чтобъ существовала и продавалась эта возможность, только уже осуществившаяся, воплотившаяся въ продуктахъ. Но это только условія, безъ которыхъ не можетъ быть рента; причина же возникновенія ренты заключается въ томъ, что возможность осуществилась не вполнѣ, она не вся реализовалась; оттого, что въ данное время возможность полученія продукта не въ состояніи реализоваться, происходитъ прибыль;—отъ того, что она на дѣлѣ, дѣйствительно, не реализовалась, происходитъ рента.

Всякое уклоненіе цѣны продукта отъ мѣноваго закона, всякій случай колебанія цѣнъ, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ ренту. Мѣновой законъ выражаетъ одно изъ условій, безъ которыхъ нѣтъ благосостоянія. Средство для осуществленія этого условія— производственная сила. Если условіе не осуществляется, значитъ, средство не помогаетъ, оно неуспѣшно. Чѣмъ неуспѣшнѣе производственная сила, то есть чѣмъ больше она нехозяйственно

растрачивается, тѣмъ больше нарушеній закона обмѣна, тѣмъ больше колебанія цѣнъ. Это значитъ, что шаткость благосостоянія больше: то есть при сильномъ колебаніи цѣнъ, перемѣщеніе доходовъ изъ одного хозяйства въ другое происходитъ быстро. Сама рента достается то одному, то другому, и на ея полученіе нельзя твердо разсчитывать.

Въ доказательство этого мы приведемъ Россію тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Колебаніе хлѣбныхъ цѣнъ, изъ одного времени въ другое, или изъ одного мѣста въ другое, такъ было велико, что вошло въ пословицу у западныхъ политико-экономовъ и приводится какъ примѣръ замѣчательной нехозяйственности[1]. Понятно, что у насъ это явленіе должно было интересовать въ-особенности помѣщиковъ, въ средѣ которыхъ постоянно раздавались жалобы на колебаніе и на его разоряющее дѣйствіе. Что это колебаніе обусловливалось крѣпостнымъ правомъ, которое собственно обусловливало малую успѣшность производственной силы, теперь отрицать нельзя; но независимо отъ этого, крѣпостное право обвиняли въ томъ, что оно причина колебанія цѣнъ, такъ-какъ при такомъ учрежденіи помѣщикъ не можетъ знать, во сколько ему самому обходится четверть хлѣба[2]. На-сколько въ этомъ виновато было, дѣйствительно, именно крѣпостное право—можно судить по тому, что опредѣленіе издержекъ производства четверти хлѣба, нахожденіе такъ называемой вознаграждающей вполнѣ цѣны (prix de revient) до сихъ поръ pia desideria не для одной Россіи. Пока замѣтимъ, что всѣ, писавшіе о хлѣбныхъ

---

[1] «Nur auf den Gränzen der Europäischen Marktgebiete, zum Beispiel in Russland kommen noch heute solche Schwankungen des Preises vor, wie bei uns in früheren Jahrhunderten». *Helferich*, Die Geldentwerthung im XVI und XVII Jahrh. въ Zeit. für die gesammt. Staatwissenschaft. Bd. XIV. S. 487.

[2] *Заблоцкій*, Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи въ Отеч. Зап. 1847 г. Т. I, стр. 23.

цѣнахъ въ Россіи, засвидѣтельствовали фактъ, что продающіе не знаютъ, во сколько имъ обходится продаваемый продуктъ[1]. Этотъ фактъ не требуетъ толкованія; что онъ указываетъ на малую успѣшность производственной силы, съ которою не умѣютъ обходиться, что онъ долженъ производить шаткость въ благосостояніи, — все это не можетъ быть оспорено.

Такимъ образомъ, съ хорошо понятою теоріей ренты нѣтъ ни одного случая, котораго нельзя было бы подвести подъ указанный выше законъ цѣнъ.

Мы бы этимъ закончили наше изслѣдованіе, если-бъ не боялись, что сказанное о рабочей платѣ, прибыли и рентѣ будетъ понято не въ ту сторону, какъ мы бы желали, и потому считаемъ необходимымъ прибавить слѣдующія замѣчанія.

Рабочая плата, прибыль и рента суть три главныхъ дохода, совокупность которыхъ составляетъ такъ наз. формулу распредѣленія. Что это не абсолютная формула, равноприложимая ко всѣмъ временамъ и всѣмъ мѣстамъ, въ настоящее время уже признано за истину, и одинъ только взглядъ на оглавленія сочиненій Милля и Рошера, въ которыхъ на-равнѣ съ формулою трехчленнаго дѣленія продукта говорится о формулѣ распредѣленія при рабствѣ, достаточно въ этомъ убѣждаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, взглядъ на формулу трехчленнаго дѣленія продукта, какъ на выражающую законъ природы, на три дохода, соотвѣтствующіе будто бы тремъ факторамъ производства, составляющимъ основаніе хозяйства, не можетъ быть вѣрнымъ для того, кто стоитъ на основной Смитовской точкѣ зрѣнія. Если дѣйствительно ученіе Сея о трехъ факторахъ истинно, то и означенная формула въ самомъ дѣлѣ выражаетъ законъ распредѣленія продукта. Но утверждать послѣднее значитъ, отрицать исторію хозяйства: на

[1] *Заблоцкій*, ib. *Протопоповъ*, О хлѣбной торговлѣ Россіи въ Журн. Мин. Гос. Им. 1842 г. Часть V, стр. 129. *Егуновъ*, О среднихъ цѣнахъ и т. д. Отеч. Зап. 1852. №№ 10, 11, 12. Т. I, стр. 82.

это теперь не рѣшится никто. Всего страннѣе встрѣчать этотъ взглядъ у Рикардо[1]. Мы уже замѣтили, что это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ писателей, которые въ состояніи удержаться на высотѣ основнаго хозяйственнаго начала. Но и онъ, принимая въ основаніе историческое различіе между работникомъ и капиталистомъ, выводитъ изъ этого принципіальную разницу между трудомъ и капиталомъ, и, такимъ образомъ, признаетъ два фактора производства[2]. Это отождествленіе труда съ извѣстнымъ хозяйственнымъ классомъ, а капитала — съ другимъ, проходитъ яркою чертою чрезъ всю литературу политической экономіи.

Имѣетъ ли это основаніе? Можно ли такъ поступать? Вспомнимъ, что различеніе субъектовъ хозяйства по классамъ имѣетъ чисто историческое основаніе, что оно вовсе не обусловливается сущностью хозяйства; что исторія указываетъ на такіе періоды, когда этихъ классовъ не было. Сводить, поэтому, три класса и ихъ доходы на три фактора, которые будто бы поддерживаютъ хозяйство, равняется полному игнорированію того, что говоритъ исторія. У такого писателя, какъ Сей, который извѣстнымъ образомъ[3] относится къ исторіи и ея значенію для научно-хозяйственныхъ изслѣдованій, понятно подобное игнорированіе. Но современное состояніе науки о народномъ хозяйствѣ не допускаетъ уже больше существованіе такихъ фактовъ.

Есть только одинъ производственный факторъ, это — человѣкъ; основаніе благосостоянія человѣка — въ его производственной силѣ, а не въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ благосостояніе проявляется: будь онѣ — деньги, земля или вещи. Всѣ хозяйственные факты берутъ начало въ производственной силѣ человѣка, — въ подмогѣ, которую, по естественной необходимости, люди должны оказывать другъ другу — въ кооперації. Къ этой кооперації сво-

[1] *Ricardo*, pp. 1, 318

[2] Ib. 259.

[3] *J.-B.-Say*, Cours etc. T. II, p. 537—538.

дятся всѣ въ факторы производства. Помощь, которую человѣкъ получаетъ, всегда оказывается въ концѣ концовъ полученною отъ другаго человѣка, — а не отъ чего-нибудь внѣшняго ему. Помогаетъ человѣку не орудіе, а труды того человѣка, который своею производственною силой изготовилъ орудіе; помогаетъ не природа, а та производственная сила, которая была затрачена людьми для ея покоренія, благодаря которой природу можно заставить служить себѣ. Капиталъ не есть внѣшняя отъ человѣка сила, а его-же собственная: это кооперативная сила, проявившаяся въ такой формѣ, которая обусловливается самою сущностью производственнаго процесса.

Рабочая плата, прибыль и рента суть части, на которыя разбивается то, что появилось, благодаря производственной силѣ человѣка. Специфическіе ихъ признаки опредѣляются обусловливающеюся временемъ и мѣстомъ *степенью успѣшности* производственной силы, степенью развитія общественной силы, общественнаго разума, общественной нравственности. Такъ-какъ эти доходы суть историческія явленія, то понятія о нихъ суть историческія категоріи хозяйственнаго порядка. Какъ историческія явленія эти доходы должны носить на себѣ слѣды того, что характеризуетъ историческое: въ нихъ, съ одной стороны, долженъ проявиться развившійся разумъ, развившаяся производственная сила, и съ другой — указаніе на необходимость дальнѣйшаго развитія разума. Они, значитъ, *должны* имѣть и хорошія и худыя стороны; они должны указывать на *возможность* и *необходимость* хозяйственнаго прогресса.

Тѣ стороны въ доходахъ, которыя указываютъ на необходимость прогресса, обращаютъ на себя главное вниманіе изслѣдователя, интересующагося патологіей хозяйства. Человѣку сродно во всякое время заботиться объ улучшеніи хозяйственнаго положенія; не удивительно поэтому, что до сихъ поръ политико-экономовъ интересовала одна *послѣдняя сторона*. Говоря это,

мы имѣемъ въ виду не такъ наз. соціалистовъ, а именно противниковъ ихъ по направленію, т. наз. экономистовъ. Достаточно вспомнить Рикардо, — изъ теоріи котораго вытекаетъ, что интересы рабочихъ противуположны интересамъ капиталистовъ, а интересъ рабочихъ и капиталистовъ — интересамъ рентьеровъ, — чтобъ согласиться съ тѣмъ, что до сихъ поръ лучшихъ экономистовъ интересовало въ трехъ доходахъ то, что указываетъ на необходимость прогресса. Но это не единственная сторона въ нихъ; они кромѣ того указываютъ и на совершившійся уже прогрессъ. Но на это до сихъ поръ обращали мало вниманія. Доходъ съ капитала былъ святыня; превозглашали отступникомъ того, кто осмѣливался сказать о немъ дурное слово; ренту защищали, отрицали ту дурную сторону, которую въ ней указывали или же, полупризнавая обвиненія, оставляли въ неизвѣстности на-счетъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ этого полупризнанія. Съ вопросомъ о рабочей платѣ было еще хуже: стоитъ только вспомнить весьма недавній скандалъ, произшедшій съ Рау по поводу Arbeiterprogramm Лассаля[1]. Правда, очень часто критики имѣли подъ собою не очень твердыя основанія: они другъ друга сами опровергали; вспомнимъ отношенія Маркса и Лассаля къ Прудону; мы при этомъ имѣемъ въ виду именно только критиковъ, а не творцовъ Staats-Romane. Но оказывается теперь, что много въ критикѣ признается основательнымъ и самими экономистами (Гильдебрантъ, Штейнъ, Шеффле). Но вѣдь такимъ признаніемъ дѣло еще не кончается. Если въ концѣ концовъ оказалось, что хозяйственные факты, которые всѣ признаютъ за основные, въ самомъ дѣлѣ не безъ темныхъ сторонъ, то именно это и доказываетъ, что въ нихъ есть и хорошія стороны. Вѣдь они факты изъ человѣческой жизни, т. е. хотя иногда и мало разумной, да все же таки разумной жизни. Вѣдь человѣкъ всегда стре-

[1] *Schäffle*, Bourgeois und Arbeiternationalocknomie.

мится къ тому, чтобъ ему было хорошо; слѣдовательно, когда это ему и не совсѣмъ удается, то все-таки мы не должны забывать, что эта неудача есть результатъ стремленія къ хорошему, а это по большей части до сихъ поръ значило освобождаться отъ нехорошаго. Значитъ, полная удача вовсе и не была возможна. Вѣдь мало того, что нужно было думать о хорошемъ устройствѣ: приходилось еще поправлять старые промахи, освобождаться отъ старыхъ грѣховъ, а такихъ всегда оказывалось не мало.

Слѣдовательно, пусть указываютъ на нехорошія стороны; для науки, если только эти указанія сдѣланы вѣрно, отъ этого могутъ быть только хорошія послѣдствія: каждое указаніе на худую сторону есть вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на до того незамѣченную хорошую сторону.

Отъ старательной разработки хозяйственной исторіи, руководимой при этомъ вѣрнымъ взглядомъ на сущность хозяйственныхъ категорій, слѣдуетъ ожидать пополненія указываемаго пробѣла. До сихъ поръ въ наукѣ это дѣло даже еще и не начато въ требуемомъ духѣ. А между тѣмъ это спѣшное дѣло. Развитіе ассоціаціоннаго начала и увеличеніе свободы обмѣна показываютъ, что начинается новое движеніе къ тому, чтобы три дохода слились въ одинъ. Это движеніе не началось съ 1848 г., какъ думаетъ Лассаль. Оно началось раньше: съ тѣхъ поръ какъ въ 1775 году, за 14 лѣтъ до великой французской революціи, Аркрайтъ изобрѣлъ свою машину, «воплотившую въ себѣ фактически уже наставшій переворотъ»; съ тѣхъ поръ, каждое новое изобрѣтеніе, каждая новая побѣда надъ природой ускоряетъ это движеніе. И понятно почему: эти побѣды означаютъ увеличивающуюся успѣшность производственной силы человѣка,—а мы видѣли, что рабочая плата, прибыль и рента, сами по себѣ, суть такіе факты, которые возникаютъ тѣмъ чаще, чѣмъ менѣе эта успѣшность; чѣмъ успѣшность больше, тѣмъ меньше случаевъ

возникновенія рабочей платы, прибыли и ренты. Значитъ, увеличившаяся успѣшность производственной силы должна выработать *новую форму дохода*. Время этого выработыванія и настаетъ теперь.

Имѣя въ виду этотъ трудно отрицаемый фактъ въ особенности въ настоящее, всѣми признанное за переходное, время, становится дѣломъ первостепенной важности такое изслѣдованіе распредѣленія и обмѣна, при которомъ рѣзко выставлялась бы черта, отдѣляющая патологическое отъ нормальнаго. Вслѣдствіе того, что строгая наука постоянно оставляла въ сторонѣ разграниченіе патологическаго отъ нормальнаго, — по отношенію къ обмѣну напр. всякія случаи цѣнъ одинаково подводились подъ одинъ общій законъ и не указывались различныя примѣненія этого общаго закона,—за это дѣло брались малонаучныя направленія не безпристрастно, а съ предвзятыми тенденціями, приступавшія къ изслѣдованію. Понятно, что результаты такихъ изслѣдованій по справедливости лишались всякаго научнаго значенія. Но это тѣмъ болѣе увеличивало необходимость болѣе научнаго изслѣдованія, руководимаго вѣрнымъ основнымъ началомъ. По мѣрѣ силъ и знаній, пополнить этотъ пробѣлъ мы и имѣли въ виду въ настоящей главѣ. Вопросы, которые намъ пришлось затронуть, сами по себѣ такого рода, что потребно большое усиліе для сохраненія полнаго спокойствія и безпристрастія, когда о нихъ заходитъ рѣчь. Тѣмъ не менѣе изслѣдованіе и обсужденіе ихъ возможны только подъ этимъ условіемъ. Можетъ быть правда, что при соблюденіи этого условія вопросы теряютъ ту особенность свою, за которую ихъ называютъ обыкновенно «горячими». Но для науки нѣтъ горячихъ или жгучихъ вопросовъ. Мы бы желали, чтобъ къ этой главѣ при ея оцѣнкѣ относились такъ, какъ относились бы, если-бъ въ ней не было рѣчи ни о какихъ жгучихъ вопросахъ.